

ЕВРОПЕЙЦЕВА
АЛЕКСАНДРА

Тень и
генерал

Европейцева Александра

Тень и генерал

«Литнет»

2026

Александра Е.

Тень и генерал / Е. Александра — «Литнет», 2026

В разгар кровопролитной войны Калаэн Глортейн терпит поражение за поражением. Враг читает его мысли, а в собственных рядах зреет измена. Отчаявшись, он решается нанять таинственную Тень — фигуру в маске, о которой ходят лишь слухи. Говорят, она была мекешем, безупречным оружием, сбежавшим от своего хозяина. Но Калаэн не готов к правде: Тень — женщина. И она нема. Их союз — чистый расчёт: ей нужны деньги, ему — правда, чтобы выиграть войну. Но война — лишь ширма для куда более страшного заговора, уходящего корнями в самое сердце королевства. Вместе им предстоит раскрыть заговор, который грозит разрушить королевство. Но что делать, если за стеной профессионального уважения просыпается запретное чувство? И что произойдет, когда однажды ночью генерал сорвет маску не только с ее лица, но и с ее доверия? «Тень и Генерал» — это история о том, как легко разбить хрупкий мир между двумя одинокими сердцами и как сложно собрать осколки, когда правда оказывается страшнее любой войны. Это первая книга дилогии. В ней: ✓# личность главной героини до конца останется тайной, ✓# с любовной линией придется набраться терпения. В первой книге она не так ярко выражена, как во второй. ✓# Адекватные герои, хотя и не идеальные. Без эмоциональных качелей, издевательств и абьюза ✓# Первая часть дилогии довольно мрачновата, но не везде. Будут и добрые, радостные, веселые моменты, но действие разворачивается во время войны и заговора. Вторая часть уже в мирное время, там уже акцент будет сделан на развитии отношений героев, хотя детективная линия и будет присутствовать Ссылка на вторую часть книги -

© Александра Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Вкус пепла	13
Глава 2. Женщина в маске	21
Глава 3. Чужая среди своих.	28
Глава 4. Улыбка и предатель	39
Глава 5. Утро победителей	46
Глава 6. Предложение	54
Глава 7. Материнство	62
Глава 8. Цена выбора	70
Визуалы (кому не нравится, может не смотреть)	78
Глава 9. Сквозь строй	79
Глава 10. Пульс	88
Глава 11. Небо, принадлежащее им.	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Пролог

Хижина на опушке леса задыхалась в агонии.

Крики роженицы рвали ночную тишину, разлетаясь над заснеженными полями, но никто не пришел бы на помощь, даже если бы услышал. Слишком далеко от людей. Слишком близко к той грани, откуда не возвращаются.

Девушка, стоявшая у двери, вжалась спиной в холодный косяк. Ей было, может, лет восемнадцать, может, чуть больше. Возраст скрадывала плотная, темная одежда, скрывающая фигуру до последнего изгиба. Руки в перчатках сжимались и разжимались в такт чужой боли, но лицо оставалось непроницаемым. Только черные, бездонные глаза неотрывно следили за происходящим у очага.

На грубой лежанке, застеленной соломой и старым тулупом, корчилась в муках та, что была младше. Шестнадцать лет. Совсем девочка. Ее светлые волосы, слипшиеся от пота, разметались по подушке, лицо искажала гримаса, в которой боль давно вытеснила всякий страх. Она кусала губы до крови, чтобы не кричать, но крик все равно рвался наружу, дикий, нечеловеческий, на одной высокой ноте.

У изголовья сутулился лекарь. Пожилой, с руками, которые помнили столько родов и смертей, что счет давно потерялся. Он работал молча, сосредоточенно, только изредка бормоча что-то ободряющее, чего сам не слышал. Его ладони, покрытые старческими пигментными пятнами, касались вздувшегося живота с профессиональной осторожностью, но во взгляде, брошенном на девушку у двери, читалось нехорошее.

Он отошел к тазу с водой, стоявшему на грубом столе у стены. Вода давно остыла, но он все равно ополоснул руки, смывая кровь и пот, вытер их о холщовое полотенце. В хижине на миг стало тихо — только потрескивали дрова в очаге да всхлипывала роженица, выдыхая после очередной схватки.

— Дело плохо, — сказал лекарь негромко, будто покойнику исповедовался. Он не обернулся, смотрел в стену, на которой плясали тени от огня. — Мала она еще для этого. Недозрела совсем. Таз узкий... Природа свое возьмет.

Девушка у двери шагнула вперед. Один шаг, и снова замерла, будто наткнулась на невидимую преграду. Рука в перчатке скользнула под плащ, выудила сложенный вчетверо листок, протянула лекарю.

Тот развернул, поднес к свету очага. Буквы были выведены четко, без единой помарки, словно писавший вкладывал в каждую линию всю свою волю:

«Сможете спасти?»

Лекарь долго смотрел на записку. Потом перевел взгляд на лежанку, где девочка в очередной раз выгнулась дугой, и из ее горла вырвался хриплый, рванный стон. Перевел на стоящую перед ним — на ее неподвижную маску вместо лица, на руки, сжатые в кулаки так, что перчатки, казалось, вот-вот лопнут.

Он вздохнул. Вздох человека, который научился не жалеть, потому что иначе эта работа сожрет тебя заживо.

— Ребенка, — сказал он тихо, но каждое слово падало в тишину хижины тяжелым, неотменимым грузом. — Ребенка — да. А мать...

Он не договорил. Не нужно было.

Девушка замерла. На мгновение показалось, что время остановилось вовсе. Даже пламя в очаге перестало плясать, даже девочка на лежанке затихла, будто прислушиваясь к своему приговору.

А потом в тишине раздался крик. Новый, пронзительный, полный уже не боли, а ужаса. Крик той, что лежала на соломе и вдруг поняла, что умирает.

Девушка у стола не шелохнулась. Только пальцы, сжимавшие край плаща, побелели до костяной прозрачности. Черные глаза смотрели куда-то внутрь себя, в ту бездну, где уже не раз хоронила всех, кого любила.

"Сколько?" — спросили ее пальцы, когда она смогла заставить их двигаться. Знаков лекарь не понял, но вопрос прочел по губам, по тому, как дернулся ее подбородок.

— Час. Может, два. — Он уже надевал чистые перчатки, готовясь к тому, что должно было случиться. — Если успеем вытащить дитя...

Она кивнула. Один раз. Коротко. И шагнула к лежанке.

Вошла в круг света, отбрасываемого очагом, и на мгновение лекарь увидел ее лицо без теней — обычное, даже красивое, с тонкими чертами и высокими скулами. Но красивое той холодной, отстраненной красотой, какая бывает у статуй в старых храмах. И глаза... в этих глазах не было слез. Только пустота, которую ничем не заполнить, и сталь, которую не согнуть.

Она опустилась на колени рядом с лежанкой. Бережно взяла руку девочки в свои, будто та была сделана из тончайшего стекла. Светловолосая зашевелила пересохшими губами, пытаясь что-то сказать.

— Не... не отдавай... — голос был хриплым, рваным, едва пробивающимся сквозь боль и подступающую тьму. Пальцы роженицы, мокрые от пота, вцепились в руку старшей с неожиданной силой — последней, предсмертной хваткой. Глаза, мутные от страдания, вдруг прояснились, в них вспыхнул тот страшный, обжигающий свет, какой бывает только у тех, кто стоит на пороге и знает это. — Ее. Им. Ни за что. Слышишь? — Она дернулась, пытаясь приподняться, но сил хватило только на то, чтобы сжать чужие пальцы до хруста. — Обещай. Обещай мне!

Та, что была старше, смотрела на нее не мигая. В черных глазах не было слез. Только бездна, в которую сию секунду рухнул целый мир. Она медленно, очень медленно наклонилась и коснулась лбом ее лба. Один короткий, сухой кивок — движение, которое нельзя было не заметить, которое нельзя было истолковать иначе.

Обещаю.

Светловолосая выдохнула. Долгий, хриплый выдох, в котором, казалось, вышла вся ее короткая, изломанная жизнь. Пальцы разжались. Глаза, уже пустые, смотрели куда-то в потолок, где плясали тени от умирающего огня.

Тогда та, что была старше, медленно, очень медленно, наклонилась и коснулась лбом ее лба. Закрыла глаза.

Лекарь отвернулся. Не потому, что не хотел видеть. А потому что это было не его. Не его горе, не его прощание. У него была работа.

Через час, когда первые лучи зимнего солнца тронули верхушки сосен за окном, в хижине раздался другой крик. Тонкий, требовательный, полный той жадной жизни, что вырывается в мир, не спрашивая разрешения.

Девушка все еще сидела на коленях у лежанки. В ее руках лежал крошечный, сморщенный сверток, который отчаянно и громко требовал молока и тепла.

Лекарь закончил возиться с инструментами, бросил окровавленную ветошь в таз. Подошел, тяжело ступая, замер в неловком отдалении, не зная, положено ли ему здесь быть. Потом кашлянул в кулак.

— Мне... мне уходить, — сказал он негромко, глядя куда-то мимо, в стену.

Девушка медленно поднялась с колен. Ребенок на руках заворочался, тоненько пискнул, но она лишь чуть крепче прижала его к груди, укачивая. Свободной рукой она порылась под плащом, извлекла туго набитый кожаный мешочек. Протянула лекарю, не глядя на него.

Тот принял, взвесил на ладони. И его брови поползли вверх. Он раскрыл мешочек, заглянул внутрь, и даже в тусклом свете очага стало видно, как вытянулось его лицо.

— Тут... тут втрое больше уговоренного, — сказал он тихо.

Она покачала головой. Один раз. Коротко. И кивнула на тело сестры.

Лекарь помялся, переступая с ноги на ногу. Хотел что-то добавить — о достоинстве, о благодарности, о чем говорят в таких случаях, — но слова застряли где-то в горле. Он только сунул мешочек в карман своего засаленного тулупа и направился к двери.

Она пошла следом. Вышла за порог, придерживая ребенка, щурясь от внезапного холода и белизны зимнего утра. Лекарь уже натягивал варежки, когда обернулся.

— Девочке молоко нужно, — сказал он коротко, по-деловому. — Скоро проголодается. А у тебя... — он запнулся, скользнул взглядом по ее груди, по одежде, скрывающей каждую линию, и поспешно отвел глаза. — Нечем кормить.

Она молча смотрела на него. В черных глазах не было ни стыда, ни просьбы — только ожидание.

Лекарь вздохнул, полез во внутренний карман, достал мятый клочок бумаги и огрызок карандаша. Нацарапал что-то, привалив бумагу к косяку.

— Вот. — Он протянул ей записку. — Женщина одна. Родила сына неделю назад. Живет в ночлежке за рекой. Отца нет, сама нищая, готова хоть за угол, лишь бы у них с дитя была крыша над головой и еда. — Он помолчал, потом добавил, уже тише: — Если есть деньги — заberi ее сюда, в хижину. Кормить будет. И девочка при деле, и ты...

Он не договорил. Кивнул на прощание и зашагал прочь, проваливаясь в снег по щиколотку, быстро удаляясь, пока не растворился в белой мгле между деревьев.

Девушка стояла на пороге. Смотрела на клочок бумаги в руке. Потом перевела взгляд на ребенка, на ее сморщенное личико, на приоткрытый в беззвучном крике рот.

Ветер трепал край ее плаща.

Она развернулась и шагнула обратно в хижину.

Потом будет время хоронить. Потом будет время мстить. Потом — прятаться, выживать, платить, снова прятаться.

Сейчас было только это: крошечное тепло на руках, запах молока, которого нет, и адрес женщины, у которой молоко есть.

Она прошла мимо тела сестры, не глядя. Снова опустилась на колени у лежанки, прижимая девочку к груди.

Та завозилась, чмокнула губами, ища.

— Скоро, — прошептали ее губы беззвучно. — Скоро.

Она смотрела на ребенка. Потом перевела взгляд на ту, что лежала неподвижно, с лицом, на котором наконец-то не осталось боли. Только покой, которого при жизни у нее не было никогда.

Она прождала Валенмина несколько часов.

Солнце поднялось выше, пробиваясь сквозь заледеневшие окна тонкими, холодными лучами. Ребенок на руках завозился, сморщился и через минуту зашелся в громком, требовательном крик. Она качала ее, прижимала к себе, пыталась согреть, но крик не стихал, только набирал силу, разрывая тишину хижины на куски.

Она смотрела на дверь. Валенмин обещал вернуться. Он должен был вернуться. Они договаривались: он отведет погоню в сторону, сделает ложный след, а потом встретит их здесь. Через день. Через два. Он говорил, что любит. Говорил, что защитит. Говорил, что они будут семьей.

Тишина за дверью была ей ответом.

Девочка накричалась и уснула. Не сытым, здоровым сном, а тем тяжелым, изможденным забытьем, когда сил на крик уже не остается. Дыхание было неровным, прерывистым, и в этом дыхании слышался невысказанный голод.

Она положила ребенка на лежанку. Рядом с телом сестры.

Сначала просто смотрела на них обеих — на ту, что уже не дышит, и на ту, что только учится дышать. Потом медленно, с каким-то новым, чужим спокойствием, достала из-под плаща два кинжала. Положила рядом с собой на пол. Чтобы под рукой. На всякий случай.

Тревога пришла не сразу. Сначала было просто предчувствие — смутное, как тень на границе зрения. Потом, спустя еще час, когда солнце перевалило за полдень, предчувствие стало тяжелым, давящим, осело в груди холодным камнем.

Она замерла, прислушиваясь.

Тишина.

Нет. Не тишина.

Ветер. Снег. Где-то далеко треснула ветка.

А потом — запах.

Он ворвался в ноздри внезапно, острым, до боли знакомым уколом. Запах, который она узнала бы из тысячи, из миллионов других запахов. Запах, впитанный с детства, въевшийся в кожу за годы тренировок и унижений.

Двое.

Даура и Черад.

Она знала их обоих. Даура — высокая, молчаливая, с глазами мертвой рыбы и руками, которые могли свернуть шею голыми ладонями. Черад — быстрый, нервный, любивший работать ножами и улыбаться, когда жертва кричит. Они были из старшего выпуска. Из тех, кого Фернух ставил в пример. Из тех, кто никогда не ошибались.

Их запахи приближались. Медленно, осторожно, с подветренной стороны. Профессионально.

Они шли по следу. И след вел сюда.

Она обернулась к лежанке.

Девочка спала, поджав ножки к животику, с личиком, мокрым от высохших слез. Рядом — мать, которой больше нет. Тихо. Мирно. Страшно.

Она действовала быстро, без лишних движений.

Подхватила ребенка, прижала к груди. Переложила на ту самую солому, где только что сидела сама, — в самый дальний угол, за лежанку, где тень лежала гуще всего. Накрыла старым тулупом, тем самым, в котором вчера умирала сестра. Замерла на мгновение, вслушиваясь в дыхание — тонкое, едва слышное.

Спи. Только спи.

Потом выпрямилась.

Взяла кинжалы.

И, не оглядываясь, шагнула к двери.

Холод ударил в лицо, вышиб остатки тепла. Солнце слепило, отражаясь от снега нестерпимой белизной. Она прищурилась, вглядываясь в опушку леса в двадцати шагах от хижины.

Тени между соснами шевельнулись.

Она шагнула вперед. Прочь от двери. Прочь от ребенка. Прочь от всего, что могло бы выдать, что ей есть что терять.

Снег скрипел под ногами. Рукояти кинжалов удобно легли в ладони, будто всегда там и были.

Тени замерли.

Она остановилась ровно посередине между хижинкой и лесом.

Ветер стих. Даже сосны перестали шуметь.

А потом из-за деревьев вышли двое.

Даура — огромная, в тяжелом меховом плаще, с дубиной, висящей на поясе, и с тем же мертвым взглядом, от которого в детстве у нее холодела спина. Черад — чуть позади, поигрывая ножами, с кривой усмешкой на тонких губах.

— А мы ищем, ищем, — пропел Черад, скалясь. — А ты, оказывается, тут. Прячешься. Даура молчала. Только смотрела. И в этом взгляде было что-то похуже усмешки Черада.

— Валенмин продал вас, — добавил Черад, и его голос сочился ядом. — Продал за свою шкуру. Мы его, конечно, все равно убили. Но перед этим он рассказал, где искать.

Она слушала. Лицо ее было спокойным, как у статуи.

Внутри же — там, глубоко, где не видно никому — что-то оборвалось в последний раз. Последняя ниточка. Последняя надежда.

— Девочка там? — спросила вдруг Даура. Голос у нее был низкий, скрежещущий, как камни под ногами.

Она не ответила. Только чуть шире расставила ноги, перенося вес.

— Фернух велел забрать, — продолжала Даура, будто не замечая ее готовности. — Ребенок нужен. Сделаем из нее хорошую мекешку. Лучше, чем ты.

Черад хохотнул.

— А тебя и Таймилу, велено убить.

Даура молча кивнула. В ее мертвых глазах мелькнуло что-то похожее на нетерпение.

— Валенмин перед смертью все выложил, — продолжил Черад, явно наслаждаясь собой. — И про беременность, и про побег, и про то, как вы заклятие перекинули. Думали, умнее всех? — Он сплюнул в снег. — Фернух рвал и метал. Четыре месяца лучших учениц искали. А вы — тут. В норе. С детенышем.

Даура сделала шаг вперед. Один. Второй.

— Ребенок нужен живым, — сказала она своим скрежещущим голосом. — Ты и Таймила не обязательно.

«**Таймилы нет**», — вывели ее пальцы

— Врешь, — отрезала Даура, но в ее взгляде мелькнула тень сомнения.

Она покачала головой. Один раз. Медленно.

И тогда Черад шагнул к хижине.

— Сейчас проверим.

Она не дала ему сделать и двух шагов.

Земля под ногами взорвалась снегом. Она не побежала — она *рванула*, сокращая расстояние быстрее, чем Черад успел поднять ножи. Первый удар пришелся в блок. Черад был быстр, невероятно быстр, но она знала его. Знала все его приемы, все привычки, все слабые места.

Ее кинжал скользнул по его клинку, уходя вниз, целя в запястье.

Черад взвизгнул, отпрыгивая. Кровь брызнула на снег — алая, яркая, парящая на морозе.

— Сука! — заорал он.

Даура уже была рядом. Дубина свистнула в воздухе, целя в голову. Она ушла перекатом, чувствуя, как ветер от удара обжигает щеку, вскочила на ноги и тут же атаковала в ответ.

Кинжал чиркнул по боку Дауры. Толстый мех принял удар, но не весь. Что-то теплое брызнуло на перчатку. Кровь. Ее кровь? Нет, пока не ее.

Даура взревела, разворачиваясь. Дубина описала дугу, целя в корпус. Она прыгнула, перекатываясь через удар, и вложила в этот прыжок всю злость, всю боль, весь страх за то, что осталось в хижине.

Черад наседал сбоку, ножи мелькали так быстро, что воздух свистел. Она парировала, уходила, снова парировала. Краем глаза видела, как Даура заходит с другой стороны, зажимая в клещи.

Плохо. Очень плохо.

Но она была быстрее.

Она рванула к Чераду, заставляя его принять бой, и в последний миг ушла вниз, под его защиту, всаживая кинжал ему в бедро — туда, где артерия ближе всего к поверхности.

Черад закричал, рухнул на колени.

И в этот момент дубина Дауры достала ее.

Удар пришелся по ребрам, сбивая дыхание, ломая что-то внутри. Снег взметнулся перед глазами, мир перевернулся, и она покатилась по насту, оставляя за собой алый след.

Даура нависла над ней, занося дубину для последнего удара.

— Кончай ее, — прохрипел Черад, зажимая рану на ноге.

Она смотрела в мертвые глаза Дауры. И вдруг улыбнулась. Снова той самой, страшной улыбкой.

Потому что за спиной Дауры, из-за деревьев, уже никто не вышел бы. А кинжал в ее правой руке был еще там.

Даура замерла на долю секунды — слишком поздно поняв, что именно означает эта улыбка.

Бросок был коротким, почти незаметным. Кинжал вошел Дауре под подбородок — точно в то место, где шлем мехового плаща оставлял открытой шею.

Даура охнула. Дубина выпала из ослабевших рук. Она осела в снег, глядя перед собой все теми же мертвыми глазами, в которых теперь не осталось даже пустоты.

Тишина.

Только хрипел Черад, пытаясь отползти к лесу, волоча перебитую ногу.

Она поднялась. Медленно. Ребра отозвались острой, рвущей болью, в боку что-то хрустнуло. Кровь текла по руке, капала в снег, но это было не страшно. Это было ничего.

Она подошла к Чераду.

Он смотрел на нее снизу вверх, и в его глазах впервые за все время не было усмешки. Был только страх.

— Фернух... — начал он. — Фернух все равно найдет...

Она не дала ему договорить.

Короткое движение. Тишина.

Она стояла над двумя телами, тяжело дыша, чувствуя, как кровь пропитывает одежду, как холод пробирается под кожу, как где-то в груди пульсирует тупая, ноющая боль от сломанных ребер.

Но за спиной была хижина. А в хижине — та, ради кого все это.

Она развернулась и, прихрамывая, побрела назад.

Снег под ногами скрипел. Солнце слепило глаза.

Она шла, оставляя за спиной два темных пятна на белом, и думала только об одном: девочка проснется скоро. И снова захочет есть.

Она перешагнула порог, прижимая руку к ноющим ребрам, и замерла.

Свет зимнего солнца пробивался сквозь заиндевевшее окно, ложился на лежанку длинными, холодными полосами. Девочка спала там, где она ее оставила, — в углу, под старым тулупом. Спала крепко, обессиленно, приоткрыв бледный рот и поджав ножки к животику.

Рядом — мать.

Таймила лежала все так же неподвижно, с лицом, на котором застыло то страшное, чужое спокойствие, которого при жизни у нее не было никогда. Светлые волосы разметались по подушке, рука свесилась вниз, будто все еще тянулась к ребенку, которого не успела обнять.

Она подошла к лежанке.

Опустилась на колени, не чувствуя боли в сломанных ребрах, не чувствуя ничего, кроме этой последней, разрывающей тишины.

Потом медленно, бережно, взяла девочку на руки. Крошечное тельце было теплым, живым, доверчиво прижималось к груди, и от этого тепла внутри, там, где должна была быть пустота, вдруг что-то хрустнуло и больно сжалось.

Она прижала сверток к груди, к тому месту, где под одеждой бешено колотилось сердце. Поднялась. Постояла мгновение над телом сестры.

Потом развернулась и вышла вон.

Снег под ногами скрипел предательски громко. Морозный воздух обжигал легкие, вырываясь облачками пара. Она шла, не чувствуя холода, не чувствуя ничего, кроме тяжести на руках и пустоты внутри.

Ребенок затих, пригревшись у ее груди.

Она не оглянулась. Позади осталась только хижина, только тишина и только та, кого больше нет.

Впереди был мир. Холодный, жестокий, не ждущий.

Но теперь в этом мире у нее снова был кто-то, ради кого стоило жить.

Глава 1. Вкус пепла

Копыта коня мерно чавкали по размокшей от крови и утренней росы земле.

Калаэн Глортейн сидел в седле неподвижно, позволяя жеребцу самому выбирать дорогу среди того, что еще час назад было полем боя, а теперь превратилось в братскую могилу, наспех присыпанную пылью. Восходящее солнце золотило верхушки редких сосен на востоке, но сюда, в низину, его лучи пробивались скупой, нехотя, будто тоже стыдились того, что увидят.

Он не смотрел по сторонам. Ему не нужно было смотреть. Запахи говорили громче любых картин.

Гарь. Металл. Лошадиный пот, смешанный с предсмертным ужасом. И этот сладковатый, тошнотворный душок, от которого даже у дракона внутри все сжималось в тугую, болезненный узел — запах человеческой плоти, тронутой огнем.

Их огнем. Его огнем.

— Ваша светлость, — голос адъютанта, молодого лейтенанта Верна, прозвучал сипло, с хрипотцой человека, который не сомкнул глаз третьи сутки. — Мы насчитали двести семнадцать. Наших. Из третьего полка.

Калаэн кивнул. Один раз. Коротко.

Третий полк. Полковник Хейвуд. Хороший был офицер. Женат. Двое детей, кажется. Или трое? Он не мог вспомнить. Раньше помнил такие вещи о своих командирах. Раньше, когда война была делом чести, а не кровавой гекатомбой, где счета идут на тысячи.

— Хейвуд? — спросил он, не оборачиваясь.

Верн замялся. Калаэн услышал, как тот сглотнул, как скрипнула кожа его седла, когда лейтенант переменил позу.

— Его... его не нашли, ваша светлость. Там, где держал оборону его батальон... — Верн запнулся, подбирая слова, которые могли бы смягчить удар. — Там все выжжено. Дознаватели говорят, враг применил зажигательные смеси. Новые. Мы таких еще не видели.

Вот оно.

Калаэн наконец повернул голову и посмотрел туда, где еще вчера стояла деревня. Вернее, где она должна была стоять. Сейчас там чернело пятно, от которого к небу все еще тянулись тонкие, маслянистые струйки дыма. Гарь здесь чувствовалась особенно остро, въедалась в ноздри, оседала на языке горькой, мертвой пылью.

Они знали. Они знали, что он пошлет третий полк прикрывать левый фланг. Знали, что Хейвуд закрепится у деревни. Знали, какую тактику он использует. Знали все.

— Принесли воды, ваша светлость, — раздался еще один голос, и Калаэн краем глаза увидел, как к нему приближается денщик с флягой в руке.

— Отставить.

Он спешил сам, чувствуя, как затекшие мышцы ног отзываются тупой, привычной болью. Сапоги увязли в месиве из грязи и того, что когда-то было травой. Он сделал несколько шагов вперед, к краю воронки, оставленной вражеским снарядам, и остановился.

На дне воронки, скорчившись в неестественной позе, лежал солдат. Молодой, почти мальчик. Глаза его были открыты и смотрели в бледнеющее небо с выражением детского удивления, будто он никак не мог понять, почему вдруг стало так больно и так холодно.

Калаэн смотрел на него долго. Очень долго для человека, который привык принимать решения за доли секунды.

Это лицо ему было незнакомо. Он не знал этого мальчика. Не знал, откуда он родом, любил ли он смеяться, умел ли играть на какой-нибудь дудке долгими зимними вечерами, как это делали солдаты в его прежних полках, в те времена, когда война еще была где-то далеко, а не здесь, не внутри, не в каждой клетке тела.

— Вы позволите, ваша светлость?

Калаэн обернулся. К нему подходил Хагерт, его заместитель, с лицом серым от усталости, но с той же нестигаемой осанкой, которая не изменяла ему даже в самые тяжелые моменты. Полковник держал в руках планшет с картами и несколько смятых листов донесений.

— Мы теряем время, — сказал Хагерт без предисловий. — Ахнастанцы уже в Кургане. Если они закрепятся там до подхода основных сил...

— Я знаю, что будет, если они закрепятся, полковник, — перебил Калаэн, и его голос, хриплый от дыма и недосказанности, прозвучал резче, чем он хотел.

Хагерт замолчал. Он умел молчать. За это Калаэн его и ценил.

— Они читают нас, — сказал Калаэн негромко, глядя мимо Хагерта, куда-то вдаль, где на горизонте уже начинала вырисовываться линия леса, за которым лежал Курган. Еще одна деревня, еще одна точка на карте, за которую сегодня придется платить кровью. — Они знают каждый мой шаг. Каждое решение. Словно...

Он не договорил. Не потому, что боялся произнести это вслух. А потому, что слова были бессильны передать то липкое, мерзкое чувство, которое поселилось у него под ребрами еще неделю назад и теперь росло с каждым днем, с каждым новым донесением об очередной тактической неудаче.

Словно кто-то свой, изнутри, шептал врагу на ухо.

— Ваша светлость, — Хагерт понизил голос, делая шаг ближе. — Я понимаю, о чем вы думаете. Но позвольте заметить — сейчас не время для дознаний. Враг у ворот Кургана. Если мы не остановим его там...

— Если мы не остановим его там, — Калаэн вдруг резко развернулся и пошел назад, к коню, — он через неделю будет у стен столицы. Я в курсе, полковник. Я умею считать.

Он вскочил в седло легко, будто и не было этой бессонной ночи, будто не давили на плечи магические щиты, будто не висело на нем грузом невыплаканных слез двести семнадцать имен, которые он уже никогда не забудет.

— Меняем тактику, — сказал он, глядя сверху вниз на Хагерта и подъехавших офицеров. Собрались они быстро, привыкли. — То, что они знают наши планы, не значит, что они знают нас.

— Но как, ваша светлость? — подал голос молодой капитан инженерных войск, тот самый, что предлагал укрепить левый фланг, но получил отказ. Сейчас в его глазах читалась не обида, а лишь усталое понимание того, что они проиграли эту битву еще до того, как она началась.

— Импровизация, — коротко ответил Калаэн. — Никаких шаблонов. Никаких отработанных схем. Делим армию на мобильные группы. Забудьте про строй, забудьте про устав. Ахнастанцы ждут, что мы будем действовать по правилам. Значит, мы нарушим все правила.

Он перевел дыхание. Внутри, там, где спал дракон, вдруг шевельнулось что-то горячее, нетерпеливое. Зверь тоже чувствовал эту игру. Зверь хотел рвануть в небо, сжечь все к крегу, разорвать врага когтями, найти того, кто предал, и...

И ничего. Нельзя.

— Хагерт, — голос его вновь обрел ту стальную, командную твердость, которую солдаты знали и за которой шли в огонь. — Берешь первую бригаду и уходишь лесом в обход Кургана с севера. Будешь там к ночи. Атакуешь только по моему сигналу. Сигнала ждать, даже если враг будет наступать вам на пятки. Ясно?

— Так точно, — Хагерт козырнул, и в его усталых глазах мелькнуло что-то похожее на искру. Понимание. Одобрение. Рискованный план, но это единственное, что может сработать, когда враг читает твои мысли.

— Капитан Верлинг, — Калаэн повернулся к инженеру. — Твои люди минируют восточный тракт. Все подступы к Кургану с востока. Если Ахнастанцы попрут основными силами,

мы встретим их не в чистом поле, а на магминах. Пусть знают, что на нашей земле каждый шаг может стать последним.

Капитан кивнул, но на лице его читалось сомнение.

— Ваша светлость, на это нужны дни, а у нас...

— У нас есть несколько часов, — оборвал Калаэн. — Делайте, что можете. Используйте все, что горит и взрывается. Порох, масло, зажигательные смеси. Если у нас нет времени на правильные мины, сделаем неправильные. Война, капитан, это не парад. Это грязь, кровь и гнилые компромиссы.

Он окинул взглядом собравшихся. Лица у всех были разные — усталые, злые, испуганные, решительные. Но в глазах горело одно: желание выжить. Желание победить. Желание, чтобы эти двести семнадцать, оставшиеся здесь, на этом выжженном поле, умерли не зря.

— Вопросы? — спросил он коротко.

Вопросов не было. Только ветер шевелил гривы коней да где-то далеко, за лесом, ухали вражеские мортиры, методично разнося Курган на куски.

— Исполнять.

Офицеры разъехались быстро, без лишних слов. Калаэн остался один. Верн и денщик держались поодаль, зная, что в такие минуты генералу лучше не мешать.

Он снова посмотрел на поле. На убитого мальчика в воронке. На черный дым над сожженной деревней. На серое, равнодушное небо, которое не собиралось ни плакать, ни гневаться, ни помогать.

Он думал о предателе.

Где-то там, в штабе, в столице, а может, и здесь, среди них, сидит человек, который продал их всех. Который смотрел, как третий полк идет в западню, и молчал. Который слушал его приказы и передавал врагу. Который, возможно, сейчас стоит где-то неподалеку и улыбается в кулак, радуясь, что его лицо не мелькало среди тех двухсот семнадцати.

— Верн, — позвал он негромко.

Лейтенант подъехал мгновенно.

— Слушаю, ваша светлость.

— Свяжись с нашими в столице. С теми, кому я доверяю. — Он назвал несколько имен. — Передай им пусть тихо, без шума, проверят всех, кто имел доступ к планам последней недели. Особое внимание офицерам связи и штабным писарем.

Верн удивленно вскинул брови.

— Вы думаете...

— Я не думаю, лейтенант. Я знаю, — перебил Калаэн. — Единственный вопрос лишь в том, кто именно. И пока мы этого не выясним, каждый новый бой будет заканчиваться так же, как этот. Нашими потерями, отступлением и смертью.

Он тронул поводья, разворачивая коня.

— А теперь — к Кургану. Посмотрим, что там осталось от деревни, которую я обещал королю защитить.

Конь пошел рысью, унося его прочь от этого поля смерти, навстречу новому полю, где через несколько часов снова придется убивать, рисковать, терять и снова надеяться, что на этот раз удача будет на их стороне.

Ветер дул в лицо, холодный, октябрьский, пропитанный запахом гари и приближающейся зимы. Калаэн шурился, вглядываясь в линию горизонта, и думал о том, что война — это всегда проигрыш. Даже когда побеждаешь, ты проигрываешь. Проигрываешь людей, время, себя.

Но отступать было некуда.

За его спиной была столица. Король. Семья. Честь.

А впереди — враг, который, казалось, умел читать мысли.

Калаэн усмехнулся уголком губ. Что ж, посмотрим, как они прочтут его новые мысли. Те, которых у него еще нет. Те, что родятся на ходу, в пылу боя, под свистом пуль и грохотом разрывов.

Дракон внутри довольно рыкнул, расправляя крылья в тесной клетке человеческого тела.

— Погорячее будет, — прошептал Калаэн одними губами, обращаясь неизвестно к кому. То ли к коню, то ли к ветру, то ли к тому невидимому врагу, который следил за ним из тени. — Обещаю.

Лес приближался. За ним уже слышались звуки боя — глухие, отдаленные, но неумолимо нарастающие.

Курган держался. Пока держался.

Калаэн пришпорил коня, переходя в галоп, и через минуту скрылся среди деревьев, оставив за спиной только поле, только дым и только память о двухстах семнадцати, которым уже никогда не встать.

Ветер стих.

Над пепелищем повисла та особенная, звенящая тишина, какая бывает только на местах недавних сражений, — тишина, в которой слышен каждый вздох раненой земли и каждый крик, так и не долетевший до небес.

* * *

Курган они отбили. К вечеру, вымотавшись до дрожи в костях, но отбили.

К вечеру, когда последние отряды ахнастанцев откатились за реку, оставляя на склонах холмов тела убитых и раненых, Калаэн стоял на восточной окраине деревни и смотрел, как догорают вражеские обозы. План сработал. Импровизация, нарушение всех шаблонов, риск — все окупилось сторицей. Хагерт ударил с севера в тот самый момент, когда основные силы врага поперли на восточный тракт, где их встретили не стройные ряды пехоты, а ад из огня и магинов. Враг дрогнул, смешался, а когда Калаэн лично повел в атаку резерв, побежал.

Победа. Первая настоящая победа за этот проклятый месяц.

Но радости не было. Только усталость и горьковатый привкус пепла на губах.

Вернувшись в шатер, Калаэн приказал подать все списки. Все до единого. Кто имел доступ к картам, кто видел приказы, кто знал о передвижениях войск за последние две недели. Он просидел над ними до глубокой ночи, при свете фонаря, сверяя имена, должности, возможности. Его драконья память цеплялась за каждую деталь, за каждую нестыковку.

И чем дольше он смотрел, тем яснее становилась страшная правда.

Ни один человек из этого списка не знал всего. Каждый имел доступ лишь к своему кусочку мозаики. Офицер связи знал, куда пойдет третья бригада, но не знал, где будет ударная группа Хагерта. Штабной писарь видел приказы по снабжению, но не знал планов инженерных работ. Никто, абсолютно никто, не владел информацией в том объеме, который позволил бы врагу разгромить третий полк вчера и с таким трудом не дал бы отбить Курган сегодня.

Калаэн откинулся на спинку походного кресла, потирая переносицу. Глаза резало от напряжения, в висках стучала тупая боль.

Вариантов было два. Либо предатель — кто-то настолько высокого уровня, что его имени нет в этих списках, кто-то при штабе главнокомандования или даже в столице. Либо...

Мысль была хуже. Намного хуже.

Либо предателей несколько, и они действуют слаженно, каждый передавая свою часть информации.

Он с силой провел ладонью по лицу, прогоняя наваждение. Сеть. Целая сеть, вплетенная в его армию. Если это так, то вытащить их всех, не спугнув главного кукловода, будет почти невозможно.

— Ваша светлость, — голос Верна за пологом шатра прозвучал глухо, но с нотками тревоги, от которых у Калаэна внутри все похолодело.

— Входи.

Лейтенант влетел внутрь, и по его лицу Калаэн прочел все еще до того, как Верн открыл рот.

— Засада. Нападение на обоз с провиантом. Отряд прикрытия... — Верн сглотнул. — Они не дошли до лагеря. Все.

Калаэн медленно поднялся из-за стола. Бумаги со списками остались лежать, испещренные пометками, ставшие вдруг бесполезными.

Конечно. Пока он сидел здесь, вычисляя предателей, предатели работали. Враг знал, где пройдет самый важный обоз. Знал, что без провианта армия не сможет развить успех. Знал и ударил.

И снова смерти. Снова кровь. Снова этот проклятый запах.

— Где? — спросил Калаэн, уже натягивая перчатки.

— У восточного оврага, в трех милях отсюда. Посыльный едва доскакал.

— Седлай коня, — бросил Калаэн, хотя в голосе уже не было приказа — была лишь формальность.

Он вышел из шатра, сделал три шага в сторону коновязи... и остановился.

Конь. Три мили. Лесная дорога, петляющая между холмами. Дракон сделал бы это за сотню ударов сердца. Конь — за четверть часа. Четверть часа, за которую там, у восточного оврага, может умереть еще кто-то, кто еще жив.

Он оглянулся. Лагерь спал, лишь кое-где горели костры да маячили фигуры часовых. Никто не смотрел в его сторону. И даже если бы смотрели — он генерал. Ему решать.

Кожа на руках пошла рябью.

Трансформация была делом одного мгновения, но для самого Калаэна это мгновение длилось вечность. Лопнула по швам генеральская форма, рассыпаясь прахом, — он пожалеет об этом потом, когда придется объяснять интендантам, куда делся очередной мундир. Хрустнули кости, перестраиваясь, вытягиваясь, ломая человеческую форму и собирая заново. Чешуя прорезалась сквозь кожу, холодная, как сталь, и горячая изнутри.

Дракон.

Он вдохнул ночной воздух всей грудью, и мир зазвучал иначе. Запахи стали объемными, каждый выделялся отдельной нитью в бесконечном клубке. Лагерь, люди, лошади, костры, страх, усталость, надежда.

Он рванул в небо.

Крылья ударили раз, второй, и земля ушла вниз, превращаясь в карту, в ту самую, над которой он просидел весь вечер. Ветер завывал в ушах, ледяной, пронизывающий, но под чешуей горело свое пламя. Калаэн летел низко, почти задевая верхушки сосен. Ночью в небе его могли заметить и свои, и чужие. Своим он доверял, но лишние вопросы сейчас ни к чему. Чужим же лучше не знать, что генерал сам вылетел на разведку. Или не на разведку.

Три мили дракон преодолел за минуту с небольшим.

Он увидел обоз еще до того, как подлетел. Вернее, то, что от него осталось.

Десять подвод, груженных мешками с зерном и мукой, — десять сгоревших остовов, дымящихся в ночное небо маслянистыми струйками. Лошади — те, что не успели вырваться, — лежали тут же, запряженные, с перерезанными горлами. Враги знали свое дело. Ударили быстро, профессионально, не оставляя свидетелей.

Отряд прикрытия — двадцать человек — держал оборону у крайней подводы.

Держал до последнего.

Он не успел.

Когда он долетел, когда пламя его гнева выплеснулось на засадный отряд, своих там уже не осталось. Только сержант Дорн, которому он прижимал рану на боку, глядя, как стекленеют

глаза. Дорн, которого он помнил еще лейтенантом, умевший заваривать чай из какой-то лесной дряни так, что пили даже те, кто морщился.

«Прости...» — сказал тогда Калаэн. Впервые в жизни сказал это мертвому.

Он вернулся в штаб, натянул новую форму. Перчатки глухо стукнули о столешницу, подняв тонкое облачко пыли в скудном свете походного фонаря. Калаэн замер над столом, глядя на развернутую карту, но не видя ее. В ушах все еще стоял треск ломающихся копий и предсмертные крики его людей.

«Чертова разведка!» — вырвалось у него сквозь стиснутые зубы.

Кто-то из дневальных за стеной звякнул котелком. Калаэн стиснул кулаки, заставляя себя дышать ровно. Ярость была плохим советчиком. Ярость уже стояла ему людей. Он двинулся вдоль стола, шаги его по войлоку были почти бесшумны, но в тесноте шатра каждый шаг отдавался глухой вибрацией в костях. Он не был тем генералом, что чертит на карте стрелы, не глядя на имена под ними. Каждая потеря здесь, в этой тощей папке с донесениями, имела лицо. И голос. И привычку крякать после глотка воды.

Тактически его армия была сильнее, — но враг всегда оказывался на шаг впереди, словно читал их мысли. Если так продолжится, война будет проиграна. И заплатить за это придется реками крови.

Если только он не найдет выход.

Он знал про мекешей, элитных наемников. Король уже пытался купить у Фернуха Хатара победу, но тот, предприимчивый негодяй, отказал. Значит, враг был быстрее и щедрее. Играл Хатар умно — никогда не пытался усидеть на двух стульях сразу, предпочитая брать двойную плату с одной стороны, но сохраняя репутацию. Может, поэтому он и был еще жив.

Но чем больше Калаэн думал о происходящем, тем яснее понимал: слишком чисто работала утечка. Слишком профессионально. Король Ахнастана солдафон, а не стратег; его разведка всегда славилась грубой силой, а не тонким искусством. Такую систему, где информация утекает без единой зацепки, где каждый кусочек мозаики передается отдельно, а общая картина складывается только у того, кто сидит в центре паутины, — такое мог выстроить только Фернух. Это его почерк. Делать так, чтобы враг сам себя загонял в могилу, даже не подозревая, что чья-то рука направляет его. И если это действительно Хатар, то искать предателя в своем штабе бесполезно. Фернух не оставляет следов, ведущих к одному человеку. Он плетет сеть, в которой каждый лишь слепая нить.

Щель между полотнищами шатра раздвинулась, и внутрь, отряхивая от дождевых капель плащ, вошел полковник Микаэль. Его лицо, обычно невозмутимое, сейчас было серьезным, а в глазах читалась та же усталая горечь, что и у Калаэна.

— Генерал, — начал он, отдавая честь. — От короля. Срочная депеша.

Он протянул Калаэну свернутый в трубочку пергамент с королевской печатью.

Калаэн развернул его и пробежался глазами по тексту. Суть была проста и тревожна: король, не доверяя больше никому из придворных, поручал ему, Калаэну, не только вести войну, но и расследовать возможный заговор. Заговор, корни которого, возможно, уходили в армию.

Калаэн с силой швырнул депешу на стол.

— Прекрасно! Просто великолепно! — его голос гремел, не скрывая ярости и бессилия. — Я должен выигрывать сражения с армией, в которой, возможно, есть предатели, и одновременно искать иголку в стоге сена за сотни миль отсюда! Скажи, Микаэль, как, черт возьми, мне это сделать? Я командую войсками, а не веду сыск! Я... честно говоря, не знаю, что делать.

Он грузно опустился в кресло, проведя рукой по лицу. Признаться в своем бессилии подчиненному было несвойственно его гордыне, но ложный оптимизм сейчас был бы лишь издевательством.

Полковник Микаэль помолчал, обдумывая что-то, затем осторожно кашлянул.

— Генерал, в таком случае... у меня есть одно предложение. Нестандартное. Возможно, единственное, что может сработать.

Калаэн поднял на него взгляд, в его глазах зажегся слабый интерес.

— Говори.

— Нанять Тень, — выпалил Микаэль.

— Тень? — Калаэн нахмурился. — Что еще за Тень? Очередной наемник с громким именем?

— Не просто наемник, — покачал головой полковник. — Примерно год назад заказы Фернуха стали... перехватывать. Выборочно. Этот Тень предлагает аналогичные услуги, но за куда меньшие деньги. И есть одно ключевое отличие.

— Какое? — Калаэн откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди.

— Тень соглашается на магические клятвы о неразглашении. Абсолютные. Это дает заказчикам стопроцентную уверенность, что их тайны останутся при них. Фернуху же за конфиденциальность приходилось платить немало, и даже тогда ты никогда не мог быть уверен, что твои секреты когда-нибудь не будут использованы против тебя же. Эта... особенность сделала Тень очень популярным в определенных кругах».

— И ты лично с ним ... имел дело? — уточнил Калаэн.

Микаэль смущенно покраснел, и потупил взгляд.

— Вынужден был, генерал. Личная просьба. Одному моему... знакомому пришлось забрать у любовницы компрометирующие письма. Чтобы жена не узнала об их связи. А та особа наложила на шкатулку такую магию, что нанятый до этого вор оказался в больнице с глубокими ожогами по всему телу. Тогда мне посоветовали обратиться к Тени».

— И? — спросил Калаэн

— Работа была выполнена. Безупречно. Письма изъяты, защита снята, никаких следов. А взял Тень... до неприличия малую сумму. Я даже накинул сверху, в качестве премии. Думал, возьмет или не возьмет. Взял. Говорят, Тень никогда не повышает цену сам, но, если накинут сверху — не откажется. Не соврали.

Калаэн задумался, глядя на потухшую карту на столе. Призрачный шпион, бросающий вызов самому Фернуху. Работающий не столько за деньги, сколько из-за чего-то другого. Соглашающийся на магические клятвы. Это меняло дело. Риск был колоссальным, но альтернатива — поражение и развал королевства изнутри — была куда страшнее.

— А что еще ты о нем знаешь? Кто он? Откуда взялся?

Полковник развел руками, его лицо выражало досаду от недостатка информации.

— Сам я его в глаза не видел, генерал. Контакт всегда через мертвые ящики и зашифрованные записки. Но по характеру работы, по методам... все указывает на одно. Я почти уверен, что он — бывший мекеш.

Калаэн резко поднял бровь.

— Бывший? — он усмехнулся, коротко и беззлобно. — Микаэль, Фернух Хатар не тот человек, кто отпускает свое имущество. Особенно такое ценное. Его мекеши либо умирают на заданиях, либо умирают от заклятия, если остаются без приказов. «Бывших» у него не бывает.

— Именно так, — кивнул полковник, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. — Похоже, и не отпускал. Ходят слухи, причем из довольно надежных источников, что Хатар уже больше года пытается достать Тень. Подставляет обманные заказы, расставляет ловушки. Но парень, судя по всему, не менее умен. И весьма осторожен. Каждую щель обходит, каждую приманку игнорирует. Он вырвался, и теперь водит за нос самого Хатара.

— Но рабское заклятие Фернуха... Его невозможно снять. Оно либо убивает при неповиновении, либо если приказов нет дольше двух недель. Как этому Тени удалось его обойти? Выжить и получить свободу?

Полковник Микаэль развел руками в красноречивом жесте полного неведения.

— Этого, генерал, не знает никто. Если бы эта тайна раскрылась, весь бизнес Хатара рухнул бы за неделю. Но факт остается фактом: Тень жив, действует и явно не получает приказов от Фернуха. Как он это провернул — загадка. Возможно, нашел какой-то магический обходной путь. — Полковник замолк, давая генералу обдумать мысль.

— Впрочем, какая разница? Важен результат.

— Именно, — кивнул Микаэль. — И результат налицо. Репутация Фернуха уже пошатнулась. В определенных кругах, разумеется. Те, кто может позволить себе его услуги и ценит деликатность, теперь знают: Хатар не настолько всесилен, как все думали. У него появился... конкурент. Призрачный, неуловимый, но реальный.

— И этот конкурент бьет его по самому больному месту — по кошельку, — Калаэн усмехнулся, и в его улыбке появилось что-то почти злорадное.

— Так и есть, генерал. Люди — существа практичные. Аристократы, купцы, да кто угодно. Они всегда выберут того, кто сделает ту же работу, так же качественно, но за куда меньшие деньги. Особенно если при этом их тайны останутся при них, а не станут разменной монетой в руках того, кто считает себя хозяином положения. Дела у Фернуха, скажем так, пошли хуже. И этот Тень... он стал настоящей занозой в его боку. Которую, он, похоже, сам и воспитал.

Генерал задумался, медленно постукивая пальцами по ручке кресла. Уголки его губ поползли вверх, складываясь в жесткую, расчетливую ухмылку.

— В таком случае... это может сыграть нам на руку. Парень явно будет не прочь насолить бывшему хозяину, — Калаэн посмотрел на полковника, и в его взгляде вспыхнул холодный огонь предвкушения. — А нам от этой вражды одна польза. Гораздо проще иметь дело с человеком, у которого есть личная мотивация, пусть даже это месть. Это делает его предсказуемым в главном. Свяжись с ним, Микаэль. Скажи, что мы предлагаем легальную, хорошо оплачиваемую работу, которая как нельзя лучше подходит для того, чтобы вставить палки в колеса Фернуху. Думаю, он не откажется.

Глава 2. Женщина в маске

Шатер штаба наполнился запахом утреннего кофе. Калаэн сидел над вчерашними донесениями, когда полог откинулся с такой силой, что чуть не слетел с креплений.

— Ваша светлость! — голос, прозвучавший следом, не принадлежал ни одному из офицеров. Он был женским, низким и не предвещал ничего хорошего.

Калаэн поднял голову и мысленно застонал.

На пороге стояла Бьянка. Полковая портниха, починщица, а по совместительству — главная гроза всего лагеря. Лет сорока, с собранными в тугой узел седеющими волосами, исколотыми иглой руками и взглядом, способным заставить вытянуться во фрунт даже самого заслуженного ветерана. В руках она держала нечто, отдаленно напоминающее генеральский мундир. Тот самый, который Калаэн оставил на месте ночной трансформации.

— Вы! — Бьянка ткнула в него узловатым пальцем, игнорируя все мыслимые нормы субординации. — Вы опять! Опять, я спрашиваю?!

— Бьянка... — начал Калаэн примирительно, но куда там.

— Сорок девять лет уже «Бьянка»! — рывкнула она, подходя к столу и с размаху швыряя на него остатки мундира. Ткань, некогда бывшая добротным генеральским кителем, теперь представляла собой лохмотья, разодранные от ворота до пояса глубокими, рваными полосами. — Я кто по вашему?! Это уже пятый за два месяца! Пятый, ваша светлость! У меня других дел нет, как за вами штопать? И ладно бы во время боя, так нет же! А ну как завтра война, а вы в чем пойдете? В сбруе? Так идите тогда в сбруе, может, она крепче!

Калаэн открыл рот, чтобы приструнить разбушевавшуюся портниху, напомнить, кто тут генерал, а кто вольнонаемная мастерица. Но Бьянка, перехватив его взгляд, только сильнее распалилась. Она схватила злополучный мундир и со всей силы хлестанула им по столу, подняв тучу пыли.

— А вы мне тут команды не раздавайте! — гремела она. — Я вас, Калаэн Глортейн, с тех пор помню, как тридцать лет назад за мужем в армию попала! И скажите спасибо, что я вообще тут с вами вожусь, а не в столице сижу, внуков нянчу! Домой меня отправить решили? Да кто ж вас, дармоедов, тут без меня обшивать-то будет?! Хагерт вон уже третью неделю в одном и том же ходит, локти до дыр протер! А Верн? А остальные? Кто им форму магией восстановит, а?

Она перевела дух, сверля генерала взглядом. Калаэн, который за время этой тирады так и не смог вставить ни слова, вдруг почувствовал, как уголки его губ предательски дрогнули.

— Бьянка, — сказал он уже спокойнее, с едва заметной улыбкой. — Ты права. Прости.

Портниха замерла на полуслове, явно не ожидая такой быстрой капитуляции. Она подозрительно сощурилась:

— Это вы сейчас надо мной смеетесь?

— Ни в коем случае, — Калаэн поднялся из-за стола и подошел к ней. Взял в руки остатки мундира, повертел. — Я ценю тебя, Бьянка. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Ты — солдат. Ты здесь, со всеми нами, под пулями и дождем. И если бы не твои руки, половина армии действительно ходила бы в обносках. Спасибо тебе.

Бьянка опешила. Она открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег, не в силах произнести ни слова. Ее морщинистые щеки тронул едва заметный румянец.

— Ну... — наконец выдавила она. — Так бы сразу и сказали. А то... когти выпускаете, форму рвете, а мне отдувайся.

— Постараюсь быть аккуратнее, — серьезно кивнул Калаэн. — Честно.

— Ладно уж, — буркнула Бьянка, забирая у него лохмотья. — Постарается он... Драконы, они все такие. Мой покойный тоже, хоть и не дракон, бывало, куролесил. — Она вздохнула, и в ее глазах мелькнула тень давней, но не стершейся боли. — Ладно, пойду колдовать. К

вечеру будет как новенький. А вы, ваша светлость, в следующий раз, как захочется порезвиться, скидывайте форму сразу, а не в ключья. Всю форму! — Она ткнула пальцем в его штаны. — И штаны тоже! Чтобы я потом не гадала, где там у вас лоскут от кителя, а где от портков!

Калаэн, который уже почти успокоился, почувствовал, как краска приливает к лицу.

— Бьянка! — возмутился он. — Это неприлично! Ты предлагаешь мне... раздеваться догола посреди лагеря?!

Портниха закатила глаза к небу таким выразительным жестом, будто призывала всех богов в свидетели генеральской глупости.

— О господи, ваша светлость! — всплеснула она руками, все еще сжимавшими остатки мундира. — Мужики вокруг одни! Кому вы там нужны голышом? Солдаты, офицеры — все свои! Они, может, и рады на вас поглазеть, да только у них у самих то же самое!

Калаэн открыл рот для новой порции возражений, но Бьянка уже разошлась:

— Да что вы как барышня краснеете?! У всех мужиков там всё одинаковое, — она сделала широкий жест рукой, описывая дугу, — устроено! Ничего нового вы мне не покажете, уж поверьте! Я тридцать лет в армии, я такого насмотрелась...

— В армии, Бьянка, есть еще женщины! — перебил Калаэн, хватаясь за последний аргумент. — Сестры милосердия, связистки, магини!

Портниха на мгновение замерла, потом махнула рукой с таким видом, будто отгоняла надоедливую муху.

— А чего они там не видели?! — фыркнула она. — У них у самих мужья есть, братья, отцы! Небось, представляют, как оно выглядит! И потом, ваша светлость, если женщина пошла на войну, она уже не та институтка, которая при виде голой лодыжки в обморок падает. Тут, знаете ли, кровь, кишки, ампутации без наркоза. А вы со стыдливостью своей лезете!

Она уперла свободную руку в бок и оглядела побагровевшего генерала с головы до ног.

— Короче, ваша светлость, — подвела она черту. — В следующий раз — скинули всё, сложили аккуратно стопочкой, и пошли себе резвиться. А я заберу, как крылья ваши увижу, и верну потом. Никто и не заметит. А то — «неприлично»! — передразнила она его тоном. — Тут война, сударь мой, а не великосветский бал. Тут приличия другие. Поняли?

Калаэн, не привыкший, чтобы с ним так разговаривали, тем более — женщина, тем более — портниха, тем более — в его собственном штабном шатре, вдруг понял, что спорить бесполезно. Бьянка была права. По-своему, по-солдатски, но права.

— Понял, — выдавил он, чувствуя себя мальчишкой, которого отчитала строгая гувернантка.

— То-то же! — удовлетворенно кивнула Бьянка и, повернувшись к выходу.

Калаэн постоял посреди шатра, глядя на колышущийся полог, потом медленно опустился в кресло и провел ладонью по лицу.

— Драконы, — пробормотал он в пространство. — За что вы мне это?

Где-то в глубине его сознания дракон довольно хмыкнул, явно наслаждаясь конфузом своей человеческой ипостаси. Ему, зверю, было абсолютно наплевать на приличия.

В столичном особняке он никогда не обращал внимания на прислугу. Они были частью интерьера, такой же, как шторы или мебель. Их проблемы, их жизнь, их чувства его не касались. Здесь же, на войне, все было иначе. Бьянка не была прислугой. Она была частью его армии, его мира, его ответственности. И ее уважение, как и уважение любого солдата, нужно было заслужить. И, кажется, ему это удалось.

Он усмехнулся и вернулся к картам, но на душе стало чуточку теплее. Война войной, а такие моменты напоминали, что он сражается не за абстрактные идеи, а за живых людей. Людей с острым языком, золотыми руками и невероятной гордостью.

Полог шатра снова откинулся, впуская Верна. Лейтенант выглядел озадаченным.

— Ваша светлость, — доложил он. — полковник Микаэл попросил доложить На вашу просьбу о поиске... хм... специалиста. — Он многозначительно поднял бровь.

Калаэн мгновенно стал серьезным.

— Ну?

— Его... знакомый дал добро.

— Спасибо. Скажи ему, чтобы зашел обсудить детали, как сможет. А теперь свободен!

Верн козырнул и вышел. Калаэн снова посмотрел на выход. Что ж. Может жизнь, наконец, начала налаживаться?

* * *

Калаэн в который раз за последний час прошелся от стола к выходу и обратно, сжимая и разжимая кулаки. Его взгляд снова упал на пустой угол стола, где по словам полковника Микаэля, должен был появиться «мертвый ящик» — магический артефакт для связи с Тенью.

«Связался с ним, ваша светлость! — бодро рапортовал Микаэль. — Обещал, что ящик появится в течение суток».

Вот только сутки давно прошли. И вторые. И третьи. А на грубом столе, помимо карт и донесений, по-прежнему лежала лишь пыль. Калаэн уже мысленно составлял гневную тираду в адрес нерадивого полковника и его мифического контакта. «Решил не браться за заказ, — с раздражением подумал генерал. — Или просто водит нас за нос, этот Тень».

Он отвернулся от стола, собираясь позвать ординарца, чтобы передать записку, как вдруг за спиной, из самого темного угла шатра, где сливались воедино тени от складок полога, раздался тихий, но отчётливый звук.

Тук. Тук-тук.

Негромкий, почти небрежный стук костяшками пальцев по деревянной опорной балке.

Калаэн резко обернулся, рука инстинктивно легла на эфес шпаги. Его взгляд, привыкший к полумраку, впился в темноту.

И тогда тени в углу шевельнулись. Из них бесшумно выплыла фигура. Невысокая, стройная, с плавными линиями бедер и узкой талией, подчеркнутой темной тканью. На ней были плотные штаны, рубашка с длинными рукавами, застегнутая наглухо у самого горла, и перчатки. Но больше всего поражала голова. Ее целиком скрывала маска из черного, матового материала, без единой прорези, кроме двух узких щелей для глаз.

Женщина.

Весь его мысленный образ Тени, как безликого, коренастого мужчины-наемника, кочующий из солдатских баек, рассыпался в прах. Полковник говорил «он», все слухи сходились на «нем». Никто, краг его заведи, ни разу не обмолвился, что призрачный шпион, бросающий вызов самому Фернуху, женщина.

Из щелей маски на него смотрели самые поразительные глаза, какие он когда-либо видел. Черные, как беззвездная ночь, глубокие и абсолютно невозмутимые. И этот спокойный, всевидящий взгляд в мгновение ока добил остатки его подготовленности.

Она стояла, не двигаясь, и Калаэн понял, что была здесь все это время пока он напрасно ждал появления ящика. Она наблюдала. Изучала его. И теперь ее молчаливый выход из тени был просто демонстрацией мастерства.

Раздражение, копившееся все эти дни, мгновенно испарилось, сменившись волной изумления, интереса и острой настороженности. Этот... эта *тень* только что перевернула все его представления и продемонстрировала уровень мастерства, появившись прямо у него за спиной в его собственном штабе.

— Тень? — голос Калаэна прозвучал низко и ровно, но в нем проскользнула едва слышная хрипотца, выдавшая его потрясение.

Фигура в маске медленно, почти церемониально, склонила голову в едва уловимом кивке. Затем, не сводя с него темных глаз, она сделала короткий, плавный жест рукой в сторону походного стола.

Все еще не в силах полностью осознать реальность ее присутствия, Калаэн повернулся к столу. Его взгляд скользнул по знакомым бумагам, и лишь со второй попытки он заметил то, чего там не было еще несколько минут назад. Прямо посередине, поверх развернутой карты местности, лежал аккуратный прямоугольный листок пергамента.

Он подошел ближе и взял его. Почерк был удивительно четким и изящным, без единой помарки:

«Мне передали, что Генерал желает связаться. Мне интересно выслушать его предложение.»

Калаэн медленно поднял взгляд от записки к ее замаскированному лицу. Ирония ситуации не ускользнула от него: он, командующий армией, стоял в своем шатре и получал записки от призрака, который, судя по всему, считал его предложение не приказом, а тем, что можно «выслушать».

— Верно, — сказал он, откладывая листок и встречая ее взгляд. В его голосе вновь зазвучали привычные командирские нотки, но теперь в них присутствовало и уважение. — У меня для вас есть работа. Та, где ваши... уникальные навыки могут сослужить королевству добрую службу.

Он не успел закончить. Ее движение было столь же бесшумным, сколь и стремительным. Правая рука скользнула под складки плаща, который он прежде не замечал — темная ткань сливалась с общим силуэтом. Через мгновение в ее перчатке оказалась аккуратная стопка прямоугольных листов, идентичных тому, что лежал на столе. Словно она носила с собой целый архив таких записок на все случаи жизни.

Она бегло, почти не глядя, перебрала их пальцами, выдернула один из середины и протянула ему. Жест был точным и экономичным, без единого лишнего движения.

Калаэн, все еще пытаясь осмыслить эту странную систему общения, принял листок. Тот самый изящный почерк выводил:

«Ближе к делу, и желательно подробно.»

Уголок его губ непроизвольно дрогнул. Никаких церемоний, никаких светских условностей. Прямота, граничащая с дерзостью. Эта женщина не просто взяла под контроль ситуацию — она задавала темп и правила.

— Хорошо, — кивнул он, откашлявшись, чтобы скрыть зарождающуюся улыбку. — К делу. Как вы, наверное, знаете, наша разведка терпит одно фиаско за другим. Вражеские отряды оказываются там, где их не ждут, наши планы становятся им известны... — Он расправил карту на столе, его палец ткнул в несколько отмеченных крестами локаций. — Есть все основания полагать, что в нашем штабе или среди высшего командования действует предатель. Мне нужно, чтобы вы нашли его. Или их. Я готов официально нанять вас для этого расследования».

Он посмотрел на нее, ожидая реакции. Любой. Жеста, нового листка, чего угодно. Ее черные глаза, видимые в прорезях маски, были по-прежнему непроницаемы, но ему показалось, что в них вспыхнул искорка живого, хищного интереса.

Пальцы в перчатках снова скользнули к стопке листов. На сей раз она выбрала один чуть медленнее, словно обдумывая формулировку, и протянула его генералу.

«Каковы ваши условия сотрудничества. Хочу узнать, прежде, чем предложить свои.»

Калаэн почувствовал, как нарастает легкое раздражение. Этот бесконечный танец с бумажками начинал действовать на нервы.

— Послушайте, — сказал он, стараясь сохранить терпение. — Это может занять время. Не можем ли мы общаться нормально? Устно? Это сэкономило бы время и избавило бы от этой... канцелярской волокиты.

Реакция последовала мгновенно. Он даже не успел заметить, как именно ее рука вновь оказалась у стопки. Новый листок был вручен ему с той же беззвучной эффективностью. На сей раз почерк, всегда безупречно ровный, казался, выведен с чуть большим нажимом.

«Увы, говорить я не могу. А язык жестов, полагаю, вы не знаете.»

«Не могу». Не «не хочу». *Не могу.* Внезапно все эти записки, эта абсолютная тишина, скрывавшая ее присутствие, обрели новое, тревожное измерение. Загадка, которой была Тень, стала еще глубже и мрачнее.

Он посмотрел на нее. На эту стройную, закутанную в тайны фигуру, и впервые за этот разговор его взгляд стал не просто оценивающим, а... внимательным. Что скрывала маска? И что стояло за этой вынужденной немотой?

— Понятно, — произнес он наконец, и его голос утратил оттенок раздражения, став почти что официальным. — Приношу извинения. Тогда продолжим в вашем предпочтительном формате. Оплата — по выполнению задания, стандартный гонорар за работу подобного уровня, умноженный на два. Полная конфиденциальность. И... — Он на секунду задумался, глядя на ее неподвижную фигуру. Идея, рожденная сиюминутной осторожностью и желанием контролировать ситуацию, пришла ему в голову. — ...И вам будет выделен постоянный связной из моих офицеров. Для координации.

Он произнес это ровным тоном, ожидая реакции. Любого жеста, нового листка с возражениями.

Реакция оказалась мгновенной и пугающе точной. Ее пальцы, казалось, даже не искали нужную записку. Они просто извлекли из стопки один-единственный листок и протянули его ему. Жест был отточенным, почти механическим.

На пергаменте, темнее чернил, чем предыдущие, было выведена всего одна фраза, подчеркнутая с такой силой, что бумага чуть не порвалась:

«НИКАКИХ СВЯЗНЫХ ОФИЦЕРОВ! ТОЛЬКО ВЫ!»

Калаэн почувствовал, как у него поползли вверх брови. Это было невозможно. Он только что придумал это условие, сию секунду, не обдумывая его заранее. Оно родилось из желания иметь хоть какую-то зацепку к этому призраку.

— Вы не могли этого знать. — произнес он, и в его голосе впервые зазвучало чистое, неподдельное изумление. — Я... я сам только что это придумал. Сейчас.

Тень не двинулась. Лишь ее черные глаза в прорезях маски, казалось, стали еще глубже. Еще бездоннее. Пальцы в перчатках снова скользнули к стопке. Движение было таким же плавным и неспешным. Новый листок. Он взял его, чувствуя легкое, иррациональное напряжение.

Почерк на нем был таким же четким, но в нем читалась уже не просто вежливость, а холодная, безжалостная точность:

«Это вам кажется, что она пришла вам в голову только что. Но это не так.»

Слова повисли в воздухе. Калаэн застыл, сжимая пергамент в пальцах. Она не читала его мысли. Это было бы безумием. Она... *предвидела* его. Просчитала ход его мышления, его логику, его страхи и сомнения, как шахматист просчитывает ходы противника. Она знала, что рано или поздно ему в голову придет мысль о контроле, о попытке привязать ее к себе. И она была готова. Все эти заготовленные листки — это были не просто ответы. Это была карта всех возможных развития их диалога, составленная заранее.

Он смотрел на эту замаскированную фигуру, и по спине у него пробежал холодок, не имевший ничего общего с сыростью походного шатра. Он имел дело не просто с наемником. Он имел дело с интеллектом, чья глубина и прозорливость пугала куда больше, чем любое боевое искусство.

Калаэн медленно опустил листок на стол. Он почувствовал, как под маской генеральской выдержки проступила тревога, и тут же взял себя в руки, заставив лицо стать непроницаемым.

— Хорошо, — произнес он, и голос его вновь обрёл металлическую твёрдость. — Я принимаю ваш отказ. Но тогда я предлагаю другое условие.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями, выстраивая фразу так, чтобы она звучала как разумный компромисс, а не как очередная попытка давления.

— Я знаю, что у вас есть другие... клиенты. Но война требует полной отдачи. Моё условие таково: с момента нашего соглашения и пока вы не обнаружите шпиона, вы в моём полном распоряжении. Никаких сторонних заказов. Неважно, пересекаются они с моим заданием или нет. Вы работаете только на меня.

Он встретил её взгляд, пытаясь угадать реакцию в этих нечитаемых глазах.

— А я, — добавил он, слегка понизив голос, — со своей стороны, накину к гонорару Короны... значительную премию. Лично от себя.

Тень замерла на мгновение. Казалось, она взвешивает его слова, просчитывая риски и выгоды. Затем, с той же беззвучной эффективностью, её рука вновь скользнула к стопке. Но на сей раз она не стала искать. Она просто взяла верхний листок и протянула ему. Словно этот ответ уже давно лежал на самом вершине, ожидая своего часа.

Калаэн развернул его. Фраза на нем была простой, ясной и поразительно откровенной:

«Согласна. Задержка в принятии заказа была связана с тем, чтобы выполнить все взятые на себя ранее обязательства.»

Он прочёл эти строки, и его плечи непроизвольно опустились. Эта женщина... просчитала его ходы настолько далеко вперёд, что даже его «внезапное» компромиссное предложение оказалось частью её плана. Она знала, что он попросит. И она заранее подготовила ответ не просто с согласием, а который объяснял её собственную задержку, превращая её из признака ненадёжности в демонстрацию профессиональной честности.

Он посмотрел на неё — на её бесстрастную маску, на стопку заготовленных ответов, на эту абсолютную, пугающую уверенность. И к первоначальному уважению и настороженности добавилась ещё одна, новая мысль, рождённая инстинктом выживания и расчётливого ума полководца — привязать её к себе в качестве союзника на весьма долгосрочную перспективу. Ему не хотелось однажды стать её заказом. Или, быть может, однажды перейти ей дорогу.

Калаэн кивнул, откладывая записку с её согласием. Дело было практически улажено, но один практический вопрос всё ещё беспокоил его.

— Прекрасно, — сказал он, возвращаясь к карте. — Тогда последнее... когда мне ожидать появления «мёртвого ящика» для отчётов?

Он уже мысленно готовился к новому обмену записками, но то, что произошло дальше, заставило его насторожиться. Тень не сразу потянулась к стопке. Она замерла, и в её обычно абсолютно статичной позе он уловил лёгкое, почти неуловимое напряжение. Плечи её на мгновение опустились, словно под тяжестью невидимого груза. Затем, с непривычной медлительностью, она достала не один, а два листка. Первый она протянула ему с тем же бесшумным движением, но в нём была какая-то обречённая тяжесть.

«В нашей ситуации... я вынуждена отойти от собственных правил.»

Каналэна это не удивило. Война заставляла менять многие правила. Но затем она протянула второй листок. И в этом жесте была такая неохотная, почти болезненная нерешительность, что генерал почувствовал, как в воздухе снова повисла тревога.

Он взял записку. Почерк на ней был таким же чётким, но слова обжигали, как раскалённое железо:

«Придётся взаимодействовать лично. Ящик, если постараться, можно и взломать. И если вы не успеете забрать мой отчёт... то смысла в моей работе уже не будет.»

Слова повисли в тишине шатра, наполненные новым, куда более приземлённым смыслом. Она прямо указывала на причину — утечку информации. Её отчёты, попав к предателю, они тут же превращались в оружие против них же. Враг успевал бы выстроить оборону именно там, где планировался удар, или подготовить засаду на маршруте её отхода. Её работа теряла всякий смысл, а её жизнь и жизнь солдат, действующих по её данным, оказывалась на волоске.

Калаэн понимающе кивнул, его взгляд стал более пристальным, более аналитическим.

— Я понимаю, — тихо сказал он. — И ценю ваш профессионализм. Полагаю, столь явное нежелание передавать отчеты лично связано с тем, что вы опасаетесь Фернуха?

Тень кивнула. Единственный, четкий кивок, который был красноречивее любых записок. И тут Калаэн, движимый внезапным, почти непрофессиональным любопытством, перешел грань. Вопрос сорвался с его губ прежде, чем он успел обдумать его уместность.

— Как? — выдохнул он, и в его голосе прозвучало неподдельное изумление. — Как вам удалось сбежать? И... снять заклятие?

Он знал, что спрашивает о самом сокровенном, о тайне, которая была залогом ее свободы и, вероятно, ее жизни.

Реакция была мгновенной. Он не видел, как ее рука двинулась к стопке. Она уже держала листок, будто он материализовался в ее пальцах по мановению мысли. На листке — одна-единственная фраза:

«Вот это вас уж точно никак не касается.»

Калаэн принял листок, и его пальцы на мгновение застыли. Он посмотрел на эти слова, а затем поднял взгляд на ее маску. Никакой обиды, никакого гнева. Лишь безоговорочное принятие. Она была права. Он перешел черту, и она указала ему на это с убийственной эффективностью.

— Прощу прощения, — тихо сказал он, откладывая злополучный листок. — Вопрос снят.

Больше он не пытался заглянуть за эту стену. Некоторые тайны были слишком опасны, чтобы о них спрашивать. А некоторые люди — слишком опасны, чтобы их сердить.

Глава 3. Чужая среди своих.

Идиоты! Никакой безопасности!

Тень стояла на коленях у мутного ручья, в который местные солдаты уже вторые сутки сливали помои, и терла жесткой щеткой чью-то пропотевшую нижнюю рубаху. Вода обжигала холодом, пальцы заледенели, но она не чувствовала этого. Внутри кипела злость, глухая, холодная, профессиональная.

Третий день она здесь. Третий день стирает чужое белье, носит помои, улыбается масляным взглядам поваров и делает вид, что не замечает, как руки охранников слишком долго задерживаются на ее талии, когда она проходит мимо кухни.

И за это время она нашла как минимум пять способов проникнуть в штабную палатку. Пять способов, от идиотски простых до технически безупречных. Враг, который читал мысли Глортейна, понятия не имел о собственной слепоте. И безопасности!

Тень выжала рубаху, бросила ее в корзину к остальным и на мгновение прикрыла глаза, восстанавливая в памяти карту лагеря. Четыре тысячи солдат. Два генерала. Один штабной шатер, охраняемый днем и ночью. И дыры в охране такие, что в них можно было провести целый полк.

Она заметила их в первый же час.

Смена караула — двенадцать минут разрыва, когда старые часовые уже ушли, а новые еще не вышли на позиции. Патрули ходят по одному и тому же маршруту с точностью до минуты. Штабной шатер освещается магическими светильниками, но их питает один-единственный маг, который спит вон в той палатке у входа и просыпается, только если его трясут.

"Идиоты!" — мысль вспыхнула в голове снова, и Тень поймала себя на том, что думает об этом уже в шестой раз за последние двое суток.

Она разогнула спину, помассировала поясницу и бросила взгляд на солнце. Полдень. Через два часа смена караула. Через два часа у нее будет окно.

Она подхватила корзину с бельем и пошла к сушильным веревкам, натянутым между палатками в самом центре лагеря. Ровно в пятидесяти шагах от штаба.

Веревки были ее лучшим оправданием. Кому придет в голову подозревать прачку, развешивающую белье?

Вчера она развесила простыни так, что они закрывали обзор часовым на западной стороне. Сегодня, если ветер не переменится, она сделает то же самое с восточной.

Работа требовала времени и терпения. Того и другого у нее было в избытке.

Она вешала мокрые рубахи, слушала разговоры, впитывала информацию, как губка. Солдаты не замечали ее. Она была пустым местом, частью пейзажа, очередной бабой, приставленной к грязной работе.

— Слышал, завтра выступаем? — раздалось слева.

Тень не повернула головы, но уши ее превратились в локаторы.

— Да ну? Куда?

— На восток. Генерал утром совещание собирал. Говорят, наши переходят в наступление.

— Говорят, их генерал сам в дракона оборачивается и спалил уже три деревни.

Третий голос, насмешливый и уверенный, вклинился в разговор:

— Ну и что с того? Подумаешь, дракон. Видели мы этих ящеров. Вон, в прошлой кампании одного сняли магическим копьем — рухнул, как мешок с дерьмом. Главное кристалл на полную зарядить.

— Точно, — поддакнул первый. — Да и не может он постоянно летать. Устает, небось, как любая скотина. А у нас вона сколько пушек подтянули.

Тень аккуратно расправила очередную рубаху, прикрепляя ее к веревке прищепкой. За развешенной простыней, скрывшей сейчас ее нижнюю часть лица, мелькнула тень усмешки.

"Дети", — подумала она без злости, почти ласково. "Милые дети. Верьте в свои копья. Верьте, что дракона можно сбить, как утку".

Она видела дракона в бою, другого, несколько лет назад, когда Фернух посылал их на задание в соседнее королевство. Тот дракон не был военным, просто случайно оказался не в то время не в том месте. Но даже случайный дракон, застигнутый врасплох, превратил в пепел три отряда наемников, прежде чем улетел.

"Ну-ну", — мысленно пожелала она болтающим солдатам удачи. — "Попробуйте. Я посмотрю"

Нет, правда, что они скажут, когда Глортейн в полной боевой трансформации выйдет на поле боя?

Впрочем, это не ее забота. Ее забота найти предателя. Или, в данном случае, доказательства того, что предатель в штабе Глортейна существует. И, как не парадоксально, его следы стоит искать здесь, во вражеском штабе.

Она развесила последнюю простыню и критически оглядела результат. Ветер дул с востока, простыни полоскались, закрывая обзор на штабной шатер ровно настолько, чтобы часовые не видели, что происходит у задней стенки.

Идеально.

Она подхватила пустую корзину и, чуть ссутулившись, чтобы казаться ниже и незаметнее, побрела назад, к ручью.

Проходя мимо кухни, она уловила запах жареного мяса и чуть не споткнулась. Рот наполнился слюной, а мысли против воли оказались не здесь. Год назад этот запах заставил бы ее сердце сжаться от страха за Наллу, за то, что та голодна, что молока не хватает, что Йэфе снова пришлось разбавлять козье молоко водой. Йэфин Ян, пухлощекий карапуз с вечно мокрым подбородком, требовал молока не меньше, чем Налла. Теперь все было иначе. Теперь дети все чаще питались кашами, мясной похлебкой, вареными овощами и растолоченными фруктами. И Йэфа, улыбчивая женщина с руками, привыкшими к тяжелой работе, растила их обоих, как собственных птенцов в одном гнезде.

Тень запрещала себе думать о них, когда была на задании. Запрещала представлять, как Налла тянет ручонки к Яну, как Йэфа напевает им колыбельную, как они спят в обнимку на широкой кровати в маленьком домике за водопадом, в безопасности, в тепле, в мире, которого у Тени больше не было, но так отчаянно хотелось верить, что еще будет.

Запрещала — и все равно думала. Тревога грызла изнутри, холодная, липкая, иррациональная. Угрозы не было. Тайник был надежным. Йэфа была предана ей так, как бывают преданы только спасенные. Она не продаст, не выдаст, не сбежит. У нее тоже есть ребенок, и ради него она пойдет на что угодно. Тень проверила ее. Трижды. Со всех сторон.

Но та, которой пришлось хоронить сестру под полом лесной хижины, не верила в безопасность. Та, которая видела, как кровь Таймилы впитывается в солому, знала: спокойствие — это мираж. Оно кончается всегда. Вопрос только — когда.

Скоро. Очень скоро она вернется. Снова обнимет Наллу. Скоро она накопит достаточно, чтобы открыть лавку, продавать товары и навсегда забыть о своем прошлом. И больше никогда не оставлять племянницу, даже на попечение Йэфы.

Она опустила на колени у ручья и снова взялась за щетку. Стирка успокаивала. Ритмичные движения позволяли думать, не отвлекаясь на внешние раздражители.

План был прост: дожидаться ночи, когда сменится караул, и проскользнуть в штабной шатер в тот двенадцатиминутный промежуток, когда часовые меняются. У нее будет не больше десяти минут внутри. За это время нужно найти документы, переписку, что угодно, что укажет на источник утечек.

И не попасться.

Второй вариант — подслушать разговор генералов. Если повезет, они сами скажут, откуда берут информацию. Но генералы редко говорят такое вслух, даже в своем штабе.

Третий вариант — найти курьера, который приносит донесения от агента. Проследить за ним, вычислить связного.

Вариантов было много. Времени, как оказалось, уже мало.

Солнце медленно ползло к горизонту. Тень стирала, полоскала, выжимала, снова стирала. Руки стерлись, но она не останавливалась. Боль была привычной. Боль была фоном.

Когда тени удлиннились и лагерь начал готовиться к ужину, она поднялась с колен, собрала чистое белье и понесла его обратно к веревкам.

— Эй, красавица! — окликнул ее знакомый голос повара. — Иди сюда, ужинать будешь?

Тень обернулась, опустив глаза, и покачала головой. Она не могла говорить, но жесты «нет» и «спасибо» были понятны всем.

— Стеснительная, — хохотнул повар, обращаясь к помощнику. — Ладно, иди работай. Как проголодаешься, то заходи, нальем похлебки.

Она кивнула и пошла дальше.

К веревкам она подошла ровно в тот момент, когда западный патруль скрылся за палатками интендантской службы. До смены караула оставалось семь минут.

Она не спешила. Сначала развесила белье, аккуратно, как положено добросовестной прачке. Потом поправила простыни, создавая дополнительные заслоны. Потом, словно вспомнив о чем-то, порылась в корзине и извлекла оттуда сложенную в несколько раз тряпку — ту самую, которую «забыла» постирать.

С этой тряпкой в руках она двинулась к ручью. Короткий путь лежал как раз мимо штабного шатра.

Она шла медленно, чуть сторбившись, глядя себе под ноги. Часовой на западной стороне уже ушел. На восточной еще не вышел. Двенадцать минут чистого времени.

Она свернула за угол штабного шатра. Ткань здесь была натянута слабее, чем спереди. Дурацкая привычка интендантов для экономии материала, которые считают, что задняя стенка никому не нужна.

Тень присела, делая вид, что поправляет обмотку на ноге, и замерла, прислушиваясь.

Тишина. Только где-то далеко звякнул котелком повар.

Она скользнула под полог быстрее, чем мышь. Один плавный, текучий пережат, и она уже внутри.

Штабной шатер пах кожей, бумагой, магией и мужским потом. В центре стоял стол, заваленный картами. Над столом висел магический светильник, питаемый от небольшого кристалла в углу. Свет был тусклым, но достаточным, чтобы читать.

Восемь минут.

Тень двинулась вдоль стола, сканируя взглядом бумаги. Донесения, приказы, списки личного состава, схемы снабжения. Ничего интересного.

Семь минут.

Она подошла к походному сейфу в углу. Магический замок, средней сложности. Двадцать секунд работы, не больше.

Шесть с половиной.

Ее пальцы коснулись замка, магия послушно потекла по каналам, находя слабые места в защите. Щелчок. Сейф открыт.

Пять минут.

Внутри лежали папки. Тень вытащила верхнюю, пролистала. Отчеты разведки за прошлый месяц. Даты, имена, перемещения войск. Ничего нового.

Четыре минуты.

Следующая папка была тоньше, но тяжелее. Она открыла ее и замерла.

Перед ней лежала схема. Подробная, точная, с пометками на полях. Схема расположения войск Глортейна на вчерашний день. С указанием численности, командиров, маршрутов передвижения.

Такие схемы не добывают шпионы. Такие схемы составляют в штабе и передают только командованию.

Три минуты.

Информация, которую держали в руках, всегда имела запах. А бумага и вовсе впитывала его, как губка, хранила дни, а иногда и недели, если повезет.

Тень закрыла глаза, отключая зрение, позволяя обонянию занять главное место. Вдох. Медленный, глубокий. Разделить запахи на слои.

Первый слой — тот, что лежал на поверхности. Резкий, терпкий, с нотками дорого табака и застарелого пота. Запах человека, который держал эту схему, изучал, водил пальцем по линиям. Она скользнула взглядом по окружающим бумагам, по стопкам карт на столе, ощущая от них тот же запах. Генерал Ахнастана. Он касался этой схемы. Возможно, совсем недавно

Второй запах заставил ее пальцы на мгновение сжаться в кулак.

Фралн.

Она узнала бы эту сладковатую, приторную ноту хоть через десять лет, хоть сквозь стену горящего дома. Фралн, которого Фернух держал при себе за одно-единственное умение — заговаривать зубы. Красивый, с кукольным личиком, гладкий, скользкий, с голосом, от которого у дам подкашивались колени. Мекеш, который никогда не блистал в бою, но мог войти в любой особняк под видом дальнего родственника и выйти оттуда с семейными тайнами, запертыми в его хорошенькой голове.

Фернух держал его для связи. Для переговоров с теми, кто считал себя слишком важным, чтобы разговаривать с «простыми убийцами». Фралн улыбался, Фралн льстил, Фралн обещал звезду с неба и доставал ее, если цена была соответствующей. И Фралн, судя по запаху на карте, был здесь. Прикасался к этому листу, возможно лично показывая генералу, где именно ударит Глортейн.

Две минуты.

Третий запах был чужим.

Она втянула воздух глубже, закрыв глаза, позволяя обонянию работать за зрение. Незнакомый мужчина. Дорогое мыло. Хороший табак, но не тот крепкий, солдатский, что курят в окопах, а изящная смесь с нотками сухофруктов. Такие предпочитают штабные, у которых есть время на церемонии.

Офицер.

Интуиция, та самая, что спасала ей жизнь дюжину раз, когда логика уже не работала, завопила внутри ледяным колоколом. Этот третий — именно тот, кто передает Фралну информацию. Предатель.

Именно этого человека она должна найти.

Тень выдохнула, успокаивая бешено колотящееся сердце. Полторы минуты.

Она приняла решение мгновенно. Карту нужно забрать. Рискованно. Опасно. Но других вариантов нет. Ей нужен этот запах, чтобы найти иголку в стоге сена.

Она свернула карту в тугой рулон и сунула под одежду, в специальный нашитый внутренний карман, у бедра. Там, где даже если обыщут, то не сразу найдут.

Одна минута.

Закреть сейф. Двадцать секунд. Замок встал на место с едва слышным щелчком, заглушённым её собственным дыханием.

Сорок секунд.

Она скользнула к задней стенке шатра, припала к ткани, слушая. Снаружи было тихо. Восточный патруль еще не вернулся. Она вытекла наружу так же бесшумно, как втекла внутрь, и в ту же секунду, пригибаясь, юркнула за ближайšie кусты, к ручью.

Там, не меняя позы, опустилась на колени, сунула руки в ледяную воду и схватила щетку. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо было спокойным, как у статуи.

Через минуту мимо, в двадцати шагах, прошел восточный патруль. Солдаты зевали, перешучивались, один сплюнул в ручей чуть выше по течению. Тень даже не подняла головы.

Она сидела у ручья, пока лагерь не начал затихать.

Костры гасли один за другим. Солдаты заползали в палатки, перебрасываясь ленивыми, сонными фразами. Часовые на постах менялись с той же механической точностью, что и днем. Двенадцать минут разрыва.

Она ждала. Тело затекло от долгого сидения на холодной земле, но она не позволяла себе шевелиться, сливаясь с тенями, становясь частью ночи. Карта грела бок через ткань одежды, напоминая о найденном доказательстве. Фралн. Значит, Фернух действительно взял заказ. Это меняло все.

Когда последний костер погас и лагерь погрузился в глубокий сон, Тень бесшумно поднялась.

Пора уходить.

Она скользнула вдоль ручья, держась в тени, обходя палатки спящих солдат. Путь был знаком. Она продумала его еще в первый день, наметила три маршрута отхода, два запасных и один аварийный. Сейчас она шла основным, вдоль воды, мимо интендантских складов, через старую осушительную канаву, а там уйдет в лес.

Тишина.

Только хруст гравия под чужими сапогами где-то далеко, да уханье ночной птицы.

Она почти миновала складскую зону, когда ноги сами собой остановились.

Перед ней, в двадцати шагах, темнели очертания больших шатров — склад боеприпасов и оружейный парк. Тяжелые магические копья с кристаллами, прикрытые брезентом. Ряды ядер, аккуратно сложенных пирамидами. Бочки с порохом, составленные в несколько рядов под навесом.

«Проходи мимо, — приказал рассудок. Голос внутри был холодным, расчетливым, тем самым, что помогал ей выживать все эти годы. — Ты получила, что хотела. Карта у тебя. Уходи, пока цела».

Она сделала шаг. Один. Второй.

И остановилась снова.

«Завтра наступление», — шепнуло что-то другое. Что-то, чему она не могла подобрать названия. То самое, что заставляло ее когда-то, рискуя жизнью, вытаскивать с тонущего корабля трех чужих детей, пока остальные мекеши выполняли приказ и искали документы.

«Тысячи солдат пойдут в атаку на эти пики, — продолжал шепот. — Молодых. Глупых. Которые сейчас спят и видят во сне свои дома. Которые верят, что их генерал приведет их к победе».

«Они все равно умрут! — рявкнул рассудок. — Рано или поздно. Солдаты всегда умирают. Это их работа. Ты что, забыла? Ты сама была разменной монетой! Тебя учили, что люди — это ресурс!»

Да. Учили. Фернух вбивал это в них с детства, розгами и голодом, примерами и наказаниями. «Вы — инструмент. Ваша жизнь не принадлежит вам. Вы — вещь. Вещи не чувствуют. Вещи не выбирают».

«Но я больше не вещь», — подумала она.

И эта мысль ударила под дых сильнее, чем удар дубины Дауры.

Она — не вещь. Она выбрала. Она сбежала. Она растит Наллу, заботится об Йэфе и Яне, платит за дрова и еду. Она — человек. Со своей волей, со своим выбором, со своей...

...совестью?

Глупое слово. Опасное слово. От совести умирают.

«Тысяча солдат Глотрейна, — напомнил внутренний голос. — Тожe молодые. Тожe глупые. Тожe спят сейчас и видят сны. Если эти пушки и припасы не уничтожить, то завтра они встретят их в чистом поле».

«Мне плевать на его солдат, — отрезал рассудок. — Я работаю на него за деньги. Моя задача найти предателя. Я нашла след. Карта у меня. Миссия выполнена. Все остальное — не мое дело».

«Фернух обещал королю Ахнастана легкую победу, — напомнил шепот. — Обещал, что генерал Глортейн будет разбит. А если все припасы и пушки взлетят на воздух прямо сейчас? Если враг останется без оружия и боеприпасов перед самым наступлением?»

«Это не моя война».

«Фернух заработает на этом деньги. Станет еще сильнее. Купит новых мекешей. Будет мучить новых детей».

«Не мои дети».

«Налла могла бы быть среди них».

Рассудок заткнулся.

Тень стояла в темноте, глядя на темные силуэты пушек, и чувствовала, как внутри разворачивается что-то большое, тяжелое, неудобное. То, что она полтора года назад, сбежав от Фернуха, считала похороненным навсегда.

Человечность.

Она выжила потому, что умела отключать ее. Потому, что могла смотреть на смерть и не моргать. Потому, что для нее чужая боль была просто информацией, статистикой, фоном.

А теперь она стояла здесь и считала бочки с порохом. Двадцать три. Если поджечь крайнюю, рванет так, что от лагеря останется воронка. Направить взрыв правильно, и возможно даже никто не пострадает. Часовые у склада — двое. Сменяются через... она глянула на небо, прикидывая время. Через час. Значит, у нее есть час, чтобы...

«Ты сошла с ума! — заорал рассудок, обретая голос. — Ты! Одна! Против целого лагеря! Если тебя поймают, то Фернух узнает. Он поймет, кто ты. Он найдет тебя. Найдет Наллу! Ты готова рискнуть ее жизнью ради каких-то солдат, которых даже не знаешь?!»

Нет.

Нет, не готова.

Налла — все. Налла — смысл. Ради сестры и Наллы она пережила то, что пережила. Ради Наллы она будет жить дальше, прятаться, красть, убивать, если понадобится.

«Тогда уходи. Сейчас. Не оглядываясь».

Она сделала шаг.

Потом еще один.

И вдруг перед глазами встало лицо. Молодой солдат из лагеря Калаэна, которого она видела позавчера, когда пробиравась к штабу. Он сидел у костра и неумело чинил порванный мундир, смешно тыкая иголкой в сукно. Рядом с ним лежало письмо, зачитанное до дыр, и он то и дело поглядывал на него, улыбаясь чему-то своему, далекому, домашнему.

Девушка, наверное. Или мать.

Завтра, если она ничего не сделает, этот мальчик пойдет в атаку. На эти пушки. И, скорее всего, не вернется. Письмо, которое он так бережно хранит, полетит в общую яму вместе с его телом. А где-то далеко, в деревне, будет ждать та, что его писала, и не дождется никогда.

«Я не могу спасти всех, — подумала Тень. — Я вообще никого не могу спасти. Я даже сестру не спасла».

Таймила.

Ее лицо, спокойное и страшное в смерти. Ее рука, все еще тянущаяся к ребенку. Ее последний вздох.

«Они все умрут, — сказала тогда Таймила. — Все, кого мы любим. Это не значит, что не надо пытаться их спасти».

Сестра была глупой. Сентиментальной. Слабой.

Сестра была права.

Тень зарычала — беззвучно, сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как внутри все разрывается от этой проклятой, ненужной, невозможной дилеммы.

«Ты размякла, — с ненавистью подумала она о себе. — Год нормальной жизни, с детьми, с Йэфой, с теплом и крышей над головой, превратил тебя в тряпку. Ты больше не мекеш. Ты — дура, которая сейчас подойдет здесь из-за того, что ей стало жалко чужих солдат!»

Но ноги уже не слушались приказов уйти.

Она развернулась и двинулась к складу.

Час. У нее есть час, пока не сменится караул.

План родился мгновенно, пока она скользила от палатки к палатке, держась в тени. Не поджигать крайнюю бочку. Это слишком очевидно, могут успеть потушить. Нужно заложить несколько зарядов в разных местах, соединить их запальными шнурами, рассчитать время так, чтобы рвануло одновременно, когда она уже будет далеко.

У нее есть магия. У нее есть навыки. У нее есть два кинжала и веревка.

Этого достаточно.

Часовые у склада стояли лениво, опершись на копыя и переговариваясь вполголоса. Они не ждали опасности. Кому придет в голову взрывать собственный склад?

Тень обошла их с подветренной стороны, прижимаясь к земле, двигаясь по-пластунски в высокой траве. Запах пота и дешевого табака ударил в ноздри, когда она проползала в десяти шагах. Часовой чихнул, его напарник хохотнул.

Она замерла, превратившись в камень.

— Простынешь, — сказал один.

— Да ну, тепло же, — ответил второй.

— Тепло у тебя в койке будет, когда сменимся. А здесь — сырость.

— Заткнись, а?

Она двинулась дальше, как только их голоса стихли.

Первая бочка. Крайняя, в тени, закрытая от прямого взгляда часовых брезентом. Тень прижалась к ней спиной, прислушиваясь. Тишина.

Руки в перчатках работали быстро, уверенно. Из-за пояса появился небольшой кожаный мешочек с готовыми зарядами. Она готовила их сама, на всякий случай, никогда не зная, когда пригодится умение взрывать тихо и эффективно. Небольшие холщовые кульки, туго набитые порохом собственного изготовления, горючим, как смола. К каждому приделан короткий отрезок фитиля — ровно настолько, чтобы успеть отбежать.

Она достала один такой кулек, прижала его к днищу бочки, там, где дерево уже рассохлось от времени и сырости. Фитиль свесился вниз, на землю. Тонкая нитка, почти незаметная в темноте.

Вторая бочка. Третья.

У каждой — по заряду. У каждого заряда — фитиль.

Теперь — соединить.

Из другого кармана она извлекла моток тонкого, просмоленного шнура. Горит медленно, но верно, и даже если ветер переменится, не погаснет. Она протянула шнур от фитиля первой бочки ко второй, от второй — к третьей. Короткие отрезки, связанные намертво, так, что огонь пойдет по всем направлениям сразу.

Один конец она оставила свободным — длинный хвост, уходящий в темноту, к тому месту, где она будет поджигать.

Четвертая бочка стояла отдельно, под навесом с ядрами. Тень замерла, оценивая расстояние. Если рванет здесь, ядра разлетятся как картечь, перебьют половину лагеря. Хорошо. Или плохо? Плохо. Она не Фернух! Она не будет, как Фернух!

Она отступила от четвертой бочки, оставив ее нетронутой. Только боеприпасы. Только то, что завтра убивало бы солдат. Без лишней крови.

Теперь — время.

Часовые все еще переговаривались. До смены было минут сорок. Если она подожжет сейчас, фитили будут гореть пятнадцать-двадцать минут. К тому моменту, когда пламя доберется до зарядов, а от них — до бочек...

«Если ты это сделаешь, обратной дороги нет. Ты станешь диверсантом. Они будут искать тебя с утроенной силой».

«Фернух все равно ищет».

«Но теперь — с другой стороны».

«Какая разница?»

Она чиркнула огнивом.

Искра упала на кончик запального шнура, тот зашипел, задымился, и тонкий огонек побежал в темноту, уходя к бочкам, к зарядам, к смерти, которая ждала своего часа.

Тень рванула прочь.

Она бежала, пригибаясь, перекатываясь, снова бежала, используя каждый куст, каждую палатку, каждую тень. Сзади, за спиной, разгоралось пламя, пока маленькое, незаметное, но она знала, что через минуту...

Проклятая жалость. Проклятая человечность.

Она влетела в осушительную канаву за мгновение до того, как земля вздрогнула.

Взрыв был таким, что заложило уши. Даже здесь, в сотне шагов, ударная волна швырнула ее лицом в грязь, засыпала землей и травой. Второй взрыв. Третий. Четвертый был такой силы, что небо на мгновение стало белым.

Она подняла голову, отплеываясь, и увидела, как над лагерем встает гриб пламени, освещающая все вокруг, как днем. Крики. Паника. Бегущие люди. И над всем этим черный дым, поднимающийся к звездам, жирный, маслянистый, пахнущий порохом.

Она смотрела на это и не чувствовала ничего.

Ни гордости. Ни радости. Ни сожаления.

Только усталость. Глубокую, до костей, до самого дна души, выжженную усталость.

«Дура, — сказала она себе, поднимаясь и отряхиваясь. — Дура, каких свет не видывал. Налла чуть не осталась сиротой из-за того, что тебе стало жалко чужих мальчиков».

Но в глубине, там, где жила та самая человечность, которую она так старалась убить, что-то довольно вздохнуло и свернулось клубочком, согревая изнутри.

Тень развернулась и побежала к лесу, растворяясь в ночи, пока за ее спиной горел лагерь. Завтра враг не наступит.

Завтра у них нечем будет наступать.

А у Глортейна будет время. День. Может, два. Достаточно, чтобы перегруппироваться. Достаточно, чтобы найти предателя. Достаточно, чтобы выиграть эту проклятую войну.

Она бежала, и ветер свистел в ушах, и где-то далеко, за лесом, ее ждала Налла.

Ради этого стоило рискнуть.

Даже если рассудок до сих пор орал, что она идиотка.

* * *

Он не спал по-настоящему уже третьи сутки. Только проваливался в тяжелое, липкое забытие, из которого его выдергивал каждый шорох, каждый отдаленный крик часовых, каждый скрип седла за пологом шатра.

К вечеру третьего дня Калаэн принял решение, которое далось ему нелегко. Он снял с пояса небольшой магический амулет — подарок придворного мага еще в начале кампании — и активировал заклятие заглушения. Глубокий, безысходный сон без сновидений, без возможности проснуться от случайного звука. Четыре часа. Ровно столько, чтобы голова снова стала ясной, а тело перестало дрожать от усталости.

Где-то далеко, за лесом, ухнуло. Глухо, низко, так, что дрожь прошла по земле. Потом еще раз. И еще. Небо на востоке полыхнуло белым, потом багровым, и зарево пожара встало над горизонтом.

Калаэн спал. Амулет на его поясе слабо мерцал голубым, отсекая все звуки внешнего мира.

В лагере началось движение. Солдаты высыпали из палаток, офицеры бежали к наблюдательным постам, голоса сливались в тревожный гул.

Хагерт ворвался в генеральский шатер без стука.

— Ваша светлость! — крикнул он с порога. — Там...

И осекся.

Калаэн лежал на походной койке, дышал ровно, глубоко, и, судя по всему, не слышал ничего. На поясе мерцал амулет. Хагерт выматерился сквозь зубы. Он знал про это заклятие. Знал, что разбудить генерала раньше времени можно только одним способом.

Он подошел к койке, опустился на колено и положил руку на плечо Калаэна. Легко сжал.

— Ваша светлость. Проснитесь.

Калаэн открыл глаза мгновенно. Без перехода, без той мутной секундной растерянности, с которой просыпаются обычные люди. Просто только что спал, и вот уже смотрит в лицо Хагерту ясным, осмысленным взглядом.

Рука его метнулась к поясу, отключая амулет.

— Что? — голос был хриплым, но командирская резкость в нем не пропала.

— Ваша светлость! — Хагерт задыхался, будто бежал через весь лагерь. В свете магического фонаря его лицо казалось бледным, как у покойника, но глаза горели лихорадочным, почти безумным огнем. — Там... там такое...

— Полковник, возьмите себя в руки и докладывайте по форме, — оборвал Калаэн, затягивая ремень на штанах. Сердце колотилось где-то в горле, но голос оставался ровным. Привычка, ввевшаяся в кровь.

Хагерт сглотнул, выдохнул и выпалил на одном дыхании:

— В штабе Ахнастана. У них там... у них там всё горит, ваша светлость. Весь склад боеприпасов. Пушки. Порох. Ядра. Мы с наблюдательного поста видели, как небо белым стало. И до сих пор полыхает, зарево на полгоризонта.

Калаэн замер, не донеся вторую ногу до сапога.

— Что значит «горит»? — переспросил он медленно, будто не расслышал. — У них... у Ахнастанцев? Склад? Весь?

— Так точно, ваша светлость! — Хагерт уже немного пришел в себя, но в голосе все еще дрожали нотки потрясения. — Дозорные докладывают, что сначала была серия взрывов, один за другим, потом огонь. Сейчас там, судя по всему, детонируют остатки. Если верить нашим данным по численности их артиллерии, они лишились всего. До единого ствола.

Калаэн медленно опустился обратно на койку. Потом так же медленно натянул сапог. Потом второй. Поднялся. Прошелся до стола. Остановился.

— Наших там нет? — резко обернулся Калаэн. — Мы кого-то посылали? Разведку? Диверсантов?

— Никак нет, ваша светлость. Ни приказа, ни согласования. Я первым делом проверил. Все наши отряды на позициях, никто не выдвигался.

— Тогда что произошло?

Хагерт только развел руками. Жест был красноречивее любых слов.

Калаэн стоял посреди шатра, пытаясь осмыслить услышанное. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Враг, который завтра должен был начать наступление, лишился всей артиллерии за несколько часов до решающей битвы. Это был подарок судьбы.

Но Калаэн Глортейн не верил в подарки судьбы.

Полог шатра откинулся снова, впуская Микаэля. Полковник, в отличие от Хагерта, выглядел не потрясенным, а... задумчивым. И встревоженным.

— Ваша светлость, — начал он без предисловий. — Я только что с наблюдательного пункта. Это была не случайность. Не замыкание магического контура и не дурацкая искра от костра. Это была диверсия.

Калаэн медленно повернулся к нему.

— Почему вы так уверены?

— Потому что взрывы шли не хаотично, — Микаэль подошел к столу, ткнул пальцем в карту, где был отмечен вражеский лагерь. — Вот здесь, здесь и здесь. Три очага практически одновременно. С интервалом в секунды. Если бы загорелась одна бочка, рвануло бы цепочкой, но хаотично. А тут — серия. Кто-то заложил заряды в нескольких местах. И поджег их так, чтобы взрывы накрыли весь склад разом, но не тронули людей. Это работа профессионала. Очень высокого класса.

Калаэн смотрел на карту, и внутри у него медленно, но неумолимо закипала холодная, тяжелая ярость.

— Вы хотите сказать, что кто-то, неизвестный, проник во вражеский лагерь, миновал охрану, обошел все сигнальные заклинания, заложил взрывчатку, поджег ее и ушел незамеченным, пока лагерь не взлетел на воздух? И сделал это без нашего приказа, без нашего ведома, без какой-либо координации с нами?

Микаэль молчал. Молчал и Хагерт. В шатре повисла та особенная, гнетущая тишина, когда слова были уже не нужны, потому что ответ и так лежал на поверхности.

Калаэн выдохнул. Длинно. Тяжело.

— Тень, — сказал он, и это имя прозвучало как приговор.

— Похоже на то, — тихо отозвался Микаэль. — Методы... очень похожи. И главное — результат.

— Но я не отдавал такого приказа! — Калаэн рубанул воздух ладонью. — Я просил ее найти предателя. Я не просил устраивать... это!

— Ваша светлость, — Микаэль поднял на него глаза, и в них читалось то же самое недоумение, смешанное с чем-то похожим на уважение. — А вы уверены, что она подчиняется только приказам?

Калаэн замер.

В памяти всплыла она. Неподвижная фигура в углу шатра. Стопка заготовленных листов. Взгляд черных глаз, непроницаемый, спокойный, изучающий. И эти слова: *«Это вам кажется, что она пришла вам в голову только что. Но это не так»*.

Она не просто просчитывала его ходы. Она жила в своей собственной реальности, где правила писала сама. Где решения принимала сама. Где цель оправдывала средства, даже если эти средства никто не согласовывал.

— Она действовала по своему усмотрению, — медленно проговорил Калаэн, озвучивая мысль, которая только что родилась в голове. — Увидела возможность, и воспользовалась ею.

— И сделала то, на что у нас ушли бы недели и сотни жизней, — добавил Хагерт, и в его голосе прозвучали нотки, очень похожие на восхищение. — Если бы вообще смогли.

Калаэн резко обернулся к нему.

— Вы понимаете, что это значит, полковник? — голос его звенел сталью. — Если завтра она решит, что ради «общего блага» нужно, скажем, взорвать штаб короля...

— Не взорвет, — неожиданно твердо сказал Микаэль.

Калаэн вскинул бровь.

— Откуда такая уверенность?

Микаэль помялся, но ответил:

— Взрыв был устроен так, чтобы только подорвать боеприпасы. У них есть раненные, да, но в большинстве солдаты целы. И потом, я навел о ней справки. Те, кто имел с ней дело говорят, что она никогда не берет заказы на убийство невиновных. Никогда. Сколько бы ни платили. Она может украсть, подбросить, дискредитировать, уничтожить имущество. Но людей... Она убивает только в прямой опасности для себя. Или если это цель явный преступник, от которого страдают другие. И то не всегда.

Калаэн слушал и чувствовал, как его представление о Тени снова трещит по швам. Женщина-шпион, бывшая мекеш, которая отказывается убивать за деньги. Которая рискует жизнью, чтобы взорвать вражеские пушки и спасти тысячи незнакомых солдат.

Кто она такая, крег ее заведи?

— Хорошо, — сказал он наконец, принимая реальность такой, какая она есть. — Будем считать это... инициативой на месте. Когда она появится с отчетом, я сам спрошу. А сейчас...

Он подошел к столу, склонился над картой.

— Сейчас у нас есть преимущество. Огромное преимущество, которое свалилось нам в руки совершенно бесплатно. И мы обязаны им воспользоваться.

Он поднял голову, и его глаза горели тем холодным, расчетливым огнем, который солдаты знали и боялись.

— Хагерт. Поднимайте людей. Через два часа выступаем. Враг без артиллерии — это уже не враг, это стадо, которое мы погоним до самой их столицы. Микаэль — связь с королем. Пусть знает.

— Слушаюсь, ваша светлость! — оба офицера козырнули и вышли.

Калаэн остался один.

Он стоял над картой, но не видел ее. Перед глазами стояла она. Черные глаза в прорезях маски. И этот спокойный, пугающий взгляд.

— Кто ты? — прошептал он в пустоту шатра. — И что ты сделаешь завтра?

Дракон внутри согласно рыкнул. Ему, зверю, этот запах женщины, которая только что в одиночку изменила ход войны, нравился все больше.

Где-то далеко, за лесом, все еще полыхало зарево пожара.

Калаэн смотрел на него и чувствовал то, чего не чувствовал уже давно.

Надежду.

Дорогие читатели! Спасибо всем, кто поставил звездочки! Я понимаю, что история вам нравится, а это мотивирует!!! Автор вам очень вам признательна!

Глава 4. Улыбка и предатель

Она спала всего два часа. Меньше, чем хотелось бы, но ровно столько, сколько могла себе позволить.

Налла сопела под боком, уткнувшись носом в ее плечо, и этот тихий, ритмичный звук был лучше любого снотворного зелья. Тень лежала неподвижно, боялась пошевелиться, впитывала тепло маленького тельца, его запах — молоко, сон, чистые пеленки, та особенная, неуловимая сладость, которой пахнут только здоровые, счастливые младенцы.

Йэфа, увидев ее на пороге дома, всплеснула руками и немедленно усадила за стол ужинать. Ян, пухлощекий карапуз, молочный брат Наллы, тут же потребовал внимания, уселся на колени и принялся деловито тыкать пальцем ей в лицо, изучая тетю, которая иногда исчезает, но всегда возвращается. Налла, завидев это, возмущенно закричала и попыталась отпихнуть конкурента. Пришлось брать обоих.

А потом была ночь и тишина, прерываемая только детским дыханием. И возможность просто закрыть глаза, зная, что за дверью спит Йэфа, что вокруг лес, что портал, спрятанный в скалах за водопадом, надежно замаскирован, и никто в этом мире ее не найдет.

Два часа. Целых два часа покоя.

Этого хватило.

Теперь она снова была здесь, среди сосен, на опушке леса, откуда открывался вид на армию Глортейна, расположившуюся на привал у широкой, мелководной реки.

Солнце клонилось к закату, золотило воду, верхушки деревьев, лица людей. Тень сидела на корточках в тени старого дуба, слившись с ним в одно целое, и просто смотрела.

«*Не дурак*», — подумала она с чем-то вроде уважения.

Генерал не стал дожидаться рассвета. Воспользовался моментом, поднял людей через два часа после взрыва и погнал врага, не давая опомниться. Ахнастанцы, лишившись артиллерии и складов, откатывались так быстро, что их арьергард даже не успевал принимать бой. Глортейн бил точно, мобильными группами, не давая закрепиться ни на одном рубеже.

За сутки они прошли столько, сколько обычно проходили за три-четыре дня.

И сейчас армия отдыхала.

Тень смотрела на эту картину и чувствовала, как внутри, там, где обычно было холодно и пусто, разворачивается что-то теплое, почти забытое.

Солдаты плескались в реке, как мальчишки.

Кто-то скинул рубаху и нырял с разбегу, поднимая тучу брызг. Кто-то боролся по пояс в воде, хохоча и окатывая друг друга водой. Группа молодых пехотинцев, сговорившись, подкралась к повозке сестер милосердия и, несмотря на визг и смешанные с руганью протесты, подхватила на руки двух девушек в белых передниках.

— С ума сошли! — кричала одна, молотя ухватившего ее солдата кулачками по спине. — Форма намокнет! Крег с вами!

— Искушаетесь, сестричка, заодно и отстирается! — ржал солдат, таща ее к воде.

— Не смей! Я главной сестре скажу! Она тебе...

Договорить она не успела. Солдаты с победным улюлюканьем зашвырнули обеих девушек в самую глубокую часть, где вода доходила взрослому мужчине до пояса. Девушки вынырнули, отплеываясь, мокрые волосы облепили лица, юбки обвисли, но в глазах у обеих, Тень готова была поклясться, плясали смешинки.

— Ну все, дождались! — заорала та, что была бойчее, и рванула в погоню за обидчиком, на ходу зачерпывая воду ладонями и окатывая всех подряд.

Через минуту в водной баталии участвовало уже человек пятьдесят.

Тень смотрела и не могла отвести взгляда.

Где-то на берегу, у костров, пахло кашей. Гречневой, с мясом, с тушенкой, с луком. Этот запах разносился над лагерем, дразнил, обещал сытость и тепло. Повара орали на солдат, требуя, чтобы те не лезли в воду с полными животами, но их никто не слушал.

А потом кто-то достал гитару.

Звук родился не сразу. Сначала просто перебор струн, настройка, несколько неуверенных аккордов. Потом полилась мелодия, простая, грустная, про дом, про мать, про девушку, которая ждет. К гитаристу подсели другие, кто-то подпевал вполголоса, кто-то просто слушал, глядя в огонь.

Тень поймала себя на том, что улыбается.

Губы разъехались сами собой, непроизвольно, и она замерла, испугавшись этого ощущения. Когда она улыбалась в последний раз? По-настоящему, не для маскировки, не для задания, а просто оттого, что на душе тепло?

Она не помнила.

Наверное, тогда, в детстве, когда еще были живы родители, когда они с Тайми бегали по саду, а мать смеялась, глядя на них, и называла своими маленькими волчицами.

Потом была только школа Фернуха. Улыбка там означала слабость. За улыбку наказывали. Улыбку выбивали розгами, голодом, холодом, изощренными пытками, после которых хотелось только выть, а не улыбаться.

А сейчас стояла, вжавшись спиной в дуб, и чувствовала, как мышцы лица сокращаются в непривычном, забытом ритме, а в глазах защипало.

Она моргнула. Несколько раз. Резко.

Слезы? Сейчас? Здесь?

Нет. Только не это.

Она заставила себя дышать глубже, ровнее, вернула лицу привычное, непроницаемое выражение. Но улыбка не желала уходить до конца. Спряталась в уголках губ, затаилась в глубине глаз, но осталась.

«Сентиментальная дура», — привычно обозвала она себя.

Но в этот раз голос рассудка звучал как-то неубедительно.

Она перевела взгляд туда, где, чуть поодаль от основной массы, стояла группа офицеров. Калаэн был среди них. Она узнала его сразу, даже на таком расстоянии, по осанке, по манере держать голову, по тому, как остальные невольно подстраивались под него.

Он не плескался в воде. Он стоял на берегу, скрестив руки на груди, и смотрел на своих людей с выражением, которое Тень не могла прочесть с такого расстояния. Хагерт, стоявший рядом, что-то сказал, ткнул пальцем в сторону резвящихся солдат. Калаэн ответил, коротко, и вдруг — Тень не видела, но готова была поклясться — уголок его губ дрогнул в усмешке.

«Не дурак», — повторила она про себя.

Умный полководец воюет. Гениальный знает, когда остановиться и дать солдатам отдохнуть. Калаэн, кажется, был из вторых.

Гитара заиграла что-то новое, плясовое. Несколько солдат, выбравшись из воды, пустились впрыскаду прямо на траве, босиком, в мокрых портках, и это выглядело так нелепо и так искренне, что Тень снова поймала себя на улыбке.

Она позволила себе эту роскошь. На минуту. На две. Просто стоять в тени, наблюдать за жизнью, которая была ключом там, внизу, и чувствовать себя частью этого мира. Не тенью, не оружием, не инструментом, а просто... человеком.

Солнце садилось. Каша была готова. Солдаты, накупавшись, выбирались на берег, хватали котелки, выстраивались в очередь. Гитарист продолжал играть, теперь уже что-то тихое, лирическое.

Тень глубоко вздохнула, напоследок вбирая в себя этот запах счастья. Потом бесшумно отделилась от дерева и скользнула глубже в лес, чтобы обойти реку ниже и пробраться в лагерь незамечанной.

Она двигалась быстро, но осторожно, держась в тени. Лагерь гудел, жил своей жизнью, и это было ей на руку. В таком гоме, в таком движении гораздо легче затеряться, стать очередной тенью, мелькнувшей между палаток.

Обогнув реку по мелководью в двухстах шагах ниже по течению, где берег густо зарос ивняком, она бесшумно выбралась на сушу и замерла, прислушиваясь. Справа, за палатками интендантской службы, кто-то громко спорил о порциях. Слева, у коновязи, конюхи перекрикивались, заканчивая вечернюю смену. Впереди, в самом сердце лагеря, горели костры, пахло ужином, слышались смех и обрывки песен.

Идеально.

Тень скользнула вперед, держась затененной стороны палаток, используя каждую складку местности. Ее одежда делала ее невидимкой в сумерках. Она не была солдатом, не была офицером, она была никем. Просто тень.

Первая палатка была офицерская, судя по размерам и добротному брезенту. Тень присела у задней стенки, достала из-за пазухи схему, развернула, поднесла к лицу. Тот самый запах — дорогое мыло, хороший табак с нотками сухофруктов. Она вдохнула глубоко, закрыв глаза, вбивая этот аромат в память, делая его частью себя. Нет, здесь не тот.

Потом убрала схему, бесшумно отползла и двинулась дальше.

Вторая палатка. Запах — дешевый табак, пот, казарменное мыло. Не то.

Третья. Еще один офицер. Пахнет мазями от ревматизма и чем-то кислым. Тоже не то.

Четвертая. Пятая. Шестая.

Тень работала методично, как часы. Подходила, приседала, вдыхала, уходила. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего звука. Солдаты сновали мимо, иногда в двух шагах, но никто не обращал внимания на тень, скользнувшую за палатку, на сторбленную фигуру, присевшую у задней стенки. Она была невидима. Она была частью пейзажа.

Одиннадцатая палатка.

Тень присела, вдохнула. И замерла.

Вот он.

Дорогое мыло. Хороший табак с нотками сухофруктов. Тот самый, третий запах, что остался на схеме.

Она сидела неподвижно, позволяя обонянию работать, раскладывая запах на составляющие. Да, это точно он. Никаких сомнений.

Значит, этот офицер был тем, кто встречался с Фралном. Тем, кто передавал информацию. Тем, кто продал третий полк.

Тень поднялась, скользнула в тень соседней палатки и замерла, ожидая.

Офицер был внутри. Она слышала его дыхание, его шаги, его негромкое покашливание. Он не спал. Ждал чего-то. Или кого-то.

«Сегодня, — подумала Тень. — Он пойдет сегодня. После того, что случилось с лагерем, после взрыва, Фралн захочет знать, что произошло. И этот человек — единственный, кто может ему рассказать».

Она прижалась спиной к брезенту, сливаясь с тканью, становясь тенью тени.

Ждать она умела.

* * *

Время тянулось медленно.

Солнце село окончательно, сумерки сгустились в темноту, и лагерь начал затихать. Костры гасли один за другим. Солдаты расходились по палаткам. Смех стихал, гитара умолкла, только где-то далеко еще перекликались часовые да фыркали лошади на коновязи.

Тень ждала.

Она сидела в тени, поджав ноги, и слушала. Слушала каждое движение внутри палатки. Офицер не ложился. Ходил из угла в угол, иногда останавливался, иногда что-то бормотал себе под нос. Нервничал.

«Бойся, — подумала Тень без злости. — Бойся. Это правильно. Сегодня есть чего бояться».

Когда лагерь погрузился в предрассветную тишину, когда даже часовые стали клевать носами на постах, офицер внутри палатки наконец замер. Тень услышала, как он надевает сапоги, как застегивает ремень, как осторожно, стараясь не шуметь, откидывает полог.

Он вышел.

Невысокий, чуть полноватый, с аккуратной бородкой и быстрыми, нервными движениями. В темноте Тень не могла разглядеть его лица, но запомнила походку, осанку, манеру держать голову. Этого было достаточно.

Он оглянулся, проверяя, не следит ли кто, и быстрым шагом направился к восточной окраине лагеря, туда, где лес подступал почти к самым палаткам.

Тень скользнула следом.

Она двигалась параллельно, держась в тени, используя каждый куст, каждое дерево как укрытие. Офицер шел быстро, но неуклюже. Штабная крыса, не привыкшая к ночным вылазкам. Он то и дело спотыкался, оглядывался, замирал, прислушиваясь, и Тени приходилось каждый раз замирать вместе с ним, превращаясь в камень.

Минут через десять они достигли опушки. Офицер остановился, оглянулся в последний раз и нырнул в лес.

Тень — за ним.

В лесу было темно, хоть глаз выколи. Луна еще не взошла, только звезды слабо мерцали сквозь кроны. Но Тень видела в темноте лучше, чем любой обычный человек. Мекешей учили и этому.

Офицер шел на восток, держась вдоль старой, заросшей тропы. Тень следовала за ним, бесшумная, как призрак, ступая след в след, чтобы не хрустнуть веткой.

Минут через двадцать ходьбы, когда лагерь остался далеко позади, офицер вышел на небольшую поляну.

В центре поляны на старом пне сидел Фралн.

Тень узнала его сразу. Даже в темноте, даже со спины. Эта плавная, текучая походка, эта манера держать руки слегка в стороны, будто он постоянно готовится к объятиям. Красивое, кукольное лицо, на котором даже сейчас, в лесу, в ночи, играла легкая, располагающая улыбка.

— Вы опоздали, капитан, — сказал Фралн, и его голос, мягкий, обволакивающий, прозвучал в тишине поляны как приговор. — Я уже начал волноваться.

— Я не мог раньше, — выдохнул офицер, подходя ближе. Голос у него дрожал. — Вы слышали? Вы знаете, что случилось?

— Склад? — Фралн изящно повел плечом. — Да, мы знаем. Потеря неприятная, но не фатальная. Генерал недоволен, но... — он сделал паузу, — ...это всего лишь оружие. Оружие можно восстановить.

— Это не просто оружие! — офицер почти выкрикнул, но тут же осекся, оглянулся. — Это катастрофа! Вы лишились всей артиллерии! Завтра... сегодня... мы пойдем в наступление, и вам нечем будет ответить!

— Тише, капитан, тише, — Фралн шагнул к нему, положил руку на плечо. Жест был почти отеческим. — Вы слишком нервничаете. Это вредно для здоровья. Мы все учли. Да, сегодняшняя ночь была... неожиданной. Но это не меняет главного.

— Чего? — офицер поднял на него глаза.

Фралн улыбнулся. Шире. Ярче. И в этой улыбке Тень, замершая в кустах в двадцати шагах, прочла то, что знала давно: Фралн никогда не говорит всей правды. Даже своим.

— Главное, что у нас есть вы, капитан, — мягко сказал Фралн. — Вы и ваша информация. Генерал Глортейн может выиграть битву. Может выиграть две. Но пока у нас есть доступ к его планам, мы выиграем войну. Склад лишь досадная случайность. Мы поставим новые пушки. А вот если мы потеряем вас...

Он многозначительно замолчал.

Капитан шумно выдохнул, плечи его чуть опустились.

— У меня есть новые данные, — сказал он уже спокойнее. — Завтра... то есть уже сегодня, на рассвете, Глортейн двинет основные силы вдоль тракта, к переправе. Он планирует ударить во фланг, пока ваш арьергард не отошел за реку.

— Отлично, — Фралн кивнул, и в глазах его мелькнул холодный, расчетливый огонек. — Это очень ценно. Генерал будет благодарен.

— Мне нужны деньги, — капитан шагнул ближе, голос его зазвучал требовательно. — Вчерашний взрыв не был случайностью. Кто-то из ваших прокололся. Если Глортейн узнает, если меня вычислят... мне нужно будет исчезнуть. Быстро. И далеко.

— Разумеется, капитан, разумеется, — Фралн достал из-за пазухи увесистый кошель, протянул офицеру. — Здесь достаточно, чтобы жить припеваючи года два. А когда война закончится, вас ждет гораздо больше. Генерал ценит преданных людей.

Капитан схватил кошель, спрятал под мундир.

— Мне пора, — сказал он, оглядываясь. — Если меня хватятся...

— Ступайте, ступайте, — Фралн сделал приглашающий жест. — И помните, капитан: мы на вас рассчитываем.

Офицер кивнул и быстро, почти бегом, скрылся в лесу, в той стороне, откуда пришел.

Тень не двинулась с места.

Фралн остался на поляне один. Он постоял минуту, глядя вслед удаляющемуся офицеру, и вдруг улыбнулся той самой улыбкой, от которой у Тени когда-то, в школе Фернуха, холодела спина.

— Выходи, — сказал он негромко, в пространство. — Я знаю, что ты здесь.

Тень замерла, превратившись в камень.

— Не глупи, Аса, — добавил Фралн, и имя, произнесенное вслух, ударило сильнее пощечины. — Я тебя чувствую. Выходи, поговорим.

В кустах стало тихо-тихо. Даже ветер стих.

Тень медленно, очень медленно поднялась. Шагнула вперед, выходя из тени на поляну, и остановилась в десяти шагах от Фрална, держа руки на виду, но так, чтобы до кинжалов оставалось одно движение.

Фралн оглядел ее с ног до головы, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— А ты изменилась, — сказал он задумчиво. — Возмужала. Похудела. Это что на рукаве? Детская каша? — он наморщил нос, и вдруг рассмеялся. — Неужели ты оставила себе ребенка? Аса, гроза Фернуха, с пеленками? Вот уж не думал.

Тень молчала. Только смотрела на него в упор, черными глазами из прорезей платка.

— Молчишь? — Фралн склонил голову набок. — Ах да, мне говорили. Голос-то тебе выжгли, бедняжка. Ну ничего, я и так тебя понимаю. Ты пришла за капитаном? Вычислила его по запаху? Молодец. Я всегда говорил Фернуху, что из тебя выйдет толк. Жаль, что ты сбежала. Жаль, что не сдохла.

Он говорил это с той же мягкой, располагающей улыбкой, будто обсуждал погоду.

— Но раз уж ты здесь, — продолжал Фралн, делая шаг к ней, — может, поговорим как старые знакомые? Фернух ищет тебя. Сильно ищет. Он предлагает неплохие деньги за твою голову. Но я, знаешь ли, не жадный. Может, договоримся? Ты уходишь, я делаю вид, что тебя

не видел. А взамен... — он сделал паузу, — ...ты оставляешь капитана в покое. Еще несколько дней. Всего несколько дней, пока мы не закончим одно дело. А потом — делай с ним что хочешь.

Тень покачала головой. Медленно. Отрицательно.

— Нет? — Фралн вздохнул, будто огорченный родитель, чей ребенок не хочет есть кашу. — А зря. Капитан нам очень нужен. Без него... ну, понимаешь. Война — штука сложная.

Тень сделала шаг вперед.

Фралн отступил на шаг назад, но улыбка не сходила с его лица.

— Не глупи, Аса. Я не один. Со мной двое. Они в лесу, справа и слева. Если ты дернешься, тебя поджарят раньше, чем ты достанешь кинжалы. Я же знаю твои фокусы. Я тебя учил, помнишь?

Тень сделала шаг вперед.

Фралн отступил еще на шаг, и впервые в его глазах мелькнуло что-то, чему она не сразу нашла название. Не страх. Нет, Фралн не из тех, кто боится открыто. Скорее... настороженность. Оценка. Пересчет коэффициентов.

Он понял. Понял, что она не остановится, раньше, чем она успела сделать третий шаг.

Мекеши в кустах — блеф. Чистой воды блеф, рассчитанный на то, что Аса, бывшая мекеш, привыкшая к дисциплине и приказам, отступит перед численным превосходством.

Но Фралн просчитался. Она больше не подчинялась приказам. Она вообще никому не подчинялась, кроме себя и той крохи, что спала сейчас в домике за водопадом.

А Фралн... Фралн был один.

Тень уловила это только сейчас, когда адреналин обострил чувства до предела. Никаких запахов, кроме его собственного, приторного, с нотками дорогого мыла и лжи. Ни движения в кустах. Ни дыхания за спиной.

Пусто.

Он пришел один. Рискнул. Решил, что его болтовни, его проклятого дара убеждения хватит, чтобы прикрыть отход капитана и уйти самому.

«Дурак», — подумала Тень без злости. Почти ласково.

— Аса, — Фралн поднял руки в примирительном жесте, и улыбка его стала шире, теплее, убедительнее. — Ну зачем нам ссориться? Мы же свои. Одну школу прошли. Одну кашу ели. Я тебе даже нравился когда-то, помнишь? Ты всегда смотрела на меня так... по-особенному.

Он заговаривал ей зубы. Болтал, лишь бы болтать, потому что знал: в открытом бою у него нет шансов. Фралн никогда не был бойцом. Его оружие — язык, улыбка, умение вовремя сказать нужные слова. Против кинжалов Тени, против ее скорости, против ярости, которую он сам только что разбудил, у него не было защиты.

— Фернух будет благодарен, если ты отпустишь меня, — продолжал Фралн, пятясь. — Очень благодарен. Он, знаешь, отходчивый. Если ты вернешься, он даже наказание смягчит. Я попрошу за тебя. Честно.

Тень слушала.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль: а ведь он прав. Если она убьет Фрална, Фернух потеряет ценного агента. Потеряет связного. Потеряет того, кто годами втирался в доверие к сильным мира сего и вытаскивал их секреты, как фокусник вытаскивает монеты из ушей изумленной публики.

Удар по Фернуху.

Она представила его лицо, когда он узнает. Эту маску надменного превосходства, за которой прячется бешенство. Этот ледяной взгляд, которым он награждал провинившихся. Эту привычку медленно, очень медленно сжимать кулак, когда внутри все кипит.

«Какое счастье, — подумала Тень, и мысль эта была слаще любого десерта, — еще раз нагадить тебе, старый крэг».

Она улыбнулась.

Медленно. Очень медленно.

Фралн увидел эту улыбку, и его лицо вытянулось. Красивое, кукольное личико, которое годами открывало любые двери, вдруг стало серым, почти землистым.

— Аса, — выдохнул он, и в голосе его впервые прорезалась настоящая, не наигранная паника. — Не надо. Мы же договорились. Ты уходишь, я молчу. Капитан... да крег с ним, с капитаном! Хочешь, я скажу, где искать Фернуха? Хочешь, я помогу тебе добраться до него?

Тень шагнула вперед. Еще один шаг.

Рука в перчатке медленно, почти лениво, скользнула за пояс. Пальцы сомкнулись на рукояти кинжала, с которым она не расставалась никогда. Который прошел с ней через огонь, воду и медные трубы побегов.

Фралн попятился, споткнулся о корень, едва не упал.

— Аса, пожалуйста! — голос его сорвался на фальцет. — Я... я могу пригодиться! Я знаю такое! Я выведу тебя на всех! На всех, кто работает на Фернуха! Только...

Она вынула кинжал.

Лезвие блеснуло в лунном свете, который только начал пробиваться сквозь кроны. Холодное. Острое. Безупречное.

Тень улыбнулась совсем нехорошо. Так, как не улыбалась никогда. Ни заказчикам, ни случайным встречным, ни даже себе в зеркало. Это была улыбка хищника, который наконец догнал добычу.

Фралн открыл рот, чтобы снова начать болтать.

Она ударила прежде, чем он успел произнести хоть звук.

Глава 5. Утро победителей

Калаэн открыл глаза и несколько мгновений просто лежал, прислушиваясь к себе. Тело было легким, голова ясной, а в груди разливалось то редкое, почти забытое чувство, которое можно было назвать разве что довольством.

Он выспался. Впервые за месяц по-настоящему, глубоко, без кошмаров и без этого липкого полузабытья, когда даже во сне продолжаешь просчитывать ходы и прислушиваться к шумам извне.

Калаэн потянулся, хрустнув суставами, и сел на походной койке. За пологом шатра уже вовсю светило солнце, слышались голоса, лязг котелков, лошадиное ржание и тот особенный, бодрый гул проснувшегося лагеря, который бывает только после большой победы.

Он усмехнулся своим мыслям и принялся одеваться. Форма, которую Бьянка залатала магией и вернула еще позавчера, сидела идеально. На столе его ждал горячий кофе. Денщик знал свое дело. Калаэн сделал глоток, другой, и позволил себе на минуту закрыть глаза, смакуя напиток. В детстве, в родовом поместье, у них был точно такой же кофе с легкой карамельной ноткой. Мать говорила, что это сорт из южных провинций. Калаэн поймал себя на том, что улыбается воспоминанию.»

Итак, что мы имеем?

Армия Ахнастана откатилась на восток почти на сорок миль за двое суток. Без артиллерии, без складов, без веры в собственное командование, они бежали, и бежали так быстро, что даже арьергардные бои превращались в короткие стычки, где его люди неизменно оказывались сверху.

По расчетам интендантов, врагу потребуется еще дня два, чтобы подтянуть новые припасы и оружие из глубины территории. Два дня, за которые можно успеть очень многое.

Если они будут двигаться быстро, если не дадут врагу опомниться, то смогут сдвинуть линию фронта еще на несколько десятков километров. А там, глядишь, и переговоры о перемирии станут реальностью.

Калаэн допил кофе, поднялся и вышел из шатра.

Солнце ударило в глаза, заставив сощуриться. Лагерь жил своей утренней жизнью: солдаты строились у полевых кухонь с котелками, конюхи седлали лошадей, офицеры сновали с картами и донесениями. Воздух пах кашей, кофе, лошадиным потом и пьянящей свободой, которая приходит только после большой победы.

— Ваша светлость! — Хагерт, завидев его, тут же направился навстречу, сияя улыбкой, которая делала его суровое лицо почти мальчишеским. — Доброе утро! Вы слышали новости?

— Доброе, полковник, — Калаэн кивнул, принимая рапорт. — И какие же новости вы мне принесли?

— Северный фронт! — выпалил Хагерт, не в силах сдерживать эмоции. — Генерал Орлар перешел в наступление сегодня на рассвете! Говорят, узнал о нашем успехе и решил не упустить момент. Ахнастанцы там тоже побежали, ваша светлость! Похоже, весь их план рухнул в одночасье.

Калаэн почувствовал, как уголки его губ сами собой ползут вверх.

— Орлар — старый лис, — сказал он с уважением. — Знал, что не упустит такой шанс. А что южный фланг?

— Оттуда пока тихо, но наши лазутчики доносят, что враг снимает войска с позиций и перебрасывает к столице. Боятся, что мы пойдем на прорыв.

— Правильно бояться, — Калаэн усмехнулся и двинулся вперед, обходя палатки. Хагерт шел рядом, не отставая ни на шаг. — Мы пойдем, Хагерт. Сегодня же. Раз надо двигаться

быстро, то будем двигаться быстро. Пока у них нет пушек, пока они в панике, мы должны жать. Жать так, чтобы у них дыхание перехватило.

— Так точно, ваша светлость! — Хагерт козырнул и убежал отдавать распоряжения.

Калаэн шел по лагерю и с удовольствием отмечал, как изменились лица людей. Еще вчера, даже позавчера, солдаты смотрели затравленно, с той обреченной решимостью, с какой идут на верную смерть. Сегодня они улыбались. Сегодня в их глазах горел огонь, тот самый, без которого невозможно выиграть ни одно сражение.

— Генерал! — окликнул его молодой пехотинец, сидевший у костра с котелком. — Генерал, правда, что мы их до самой столицы гнать будем?

Калаэн остановился, посмотрел на парня. Лет восемнадцать, не больше, веснушки на носу, глаза горят.

— Правда, — ответил он серьезно. — Если ноги несут.

— Так донесут! — вмешался другой солдат, постарше, с рыжей бородой. — У нас ноги крепкие, ваша светлость! Мы их, ахнастанцев этих, до самого моря догоним, если надо будет!

Вокруг засмеялись. Кто-то крикнул:

— А может, и дальше! Пусть знают, как на наши земли соваться!

Калаэн поднял руку, призывая к тишине. Солдаты замерли, глядя на него с надеждой и обожанием.

— Хорошо, — сказал он громко, чтобы слышали все. — Воодушевление — это прекрасно. Но запомните: война еще не кончена. Враг отступил, но не разбит. У него еще есть силы, есть резервы, и он будет драться за каждую пядь своей земли. Так что не расслабляйтесь раньше времени. Дисциплина, собранность, четкое выполнение приказов — вот что нам сейчас нужно. А поболтать успеете после победы.

— Есть не расслабляться! — гаркнул рыжебородый, и остальные подхватили смехом и одобрительными выкриками.

Калаэн кивнул и двинулся дальше.

Обход лагеря был его утренним ритуалом, который он не нарушал даже в самые тяжелые дни. Солдаты должны видеть своего командира. Должны знать, что он здесь, с ними, что делит их тяготы и радости.

Он прошел мимо коновязи, где конюхи чистили лошадей и перебрасывались шутками. Мимо интендантских палаток, где писари корпели над списками. Мимо кузни, где кузнец, несмотря на ранний час, уже вовсю стучал молотом, правя погнутые клинки.

Настроение у всех было превосходное. Солдаты, попадавшие навстречу, козыряли с особой лихостью, а те, кто сидел у костров, провожали его такими взглядами, будто он был не просто генералом, а живым воплощением победы.

Калаэн ловил себя на том, что ему это нравится. Нравится это ощущение общей силы, общей веры, общего движения к цели. Это было то, ради чего он вообще пошел в армию, ради чего рисковал жизнью и здоровьем, ради чего готов был гореть в драконьем пламени.

Он завернул за угол большой палатки и чуть не столкнулся с группой витаров, которые тащили носилки с раненым.

— Осторожнее! — крикнул кто-то сзади. — Живей, живей, не копайтесь!

Калаэн посторонился, пропуская их, и взгляд его упал на молодого человека в белом переднике поверх мундира, который стоял у входа в лекарскую палатку и сосредоточенно изучал какие-то бумаги.

Матиас Вандер. Полковой лекарь.

Калаэн знал его в лицо, хотя лично общались они редко. Мэтт, как звали его свои, был фигурой в лагере известной и, надо признать, неоднозначной.

Сын провинциального аптекаря из какого-то захолустного городка, он пробился наверх исключительно благодаря своему таланту. Магический дар у него был слабый, но руки — золо-

тые. Говорили, что он мог спасти раненого даже тогда, когда все маги разводили руками. И спасал. Спасал всех подряд — своих, чужих, даже пленных ахнастанцев, если те попадали к нему на стол.

За это старшие офицеры его недолюбливали. Делали выговоры, грозили трибуналом за «пособничество врагу», но Мэтт каждый раз смотрел на них своими большими, наивными глазами и говорил одно и то же:

— Война закончится, а люди останутся. Я давал клятву спасти жизни, а не выбирать, кому жить, а кому умирать.

Калаэн, честно говоря, относился к этому философски. В конце концов, если Мэтт вытаскивает с того света солдат противника, то своих он тем более вытаскивает. А магия не разбирает, на чьей стороне правда.

Сейчас лекарь выглядел усталым. Круги под глазами, щетина, которую явно не трогал бритвенный нож уже дня два. Но в глазах горел все тот же ровный, спокойный свет, который Калаэн замечал в нем всегда.

— Доброе утро, Вандер, — окликнул его Калаэн, подходя ближе.

Мэтт вздрогнул, поднял голову от бумаг, и на лице его отразилась сначала растерянность, потом удивление, а потом искренняя, теплая улыбка.

— Ваша светлость! — он попытался вытянуться по стойке смирно, но вышло неуклюже, по-штатски. — Доброе утро. Простите, не заметил, зачитался...

— Вижу, что зачитались, — Калаэн кивнул на бумаги. — Что там у вас?

— Отчеты за вчерашний день, — Мэтт вздохнул и провел рукой по лицу. — Раненых много было, ваша светлость. Но... вы знаете, я вчера пятерых ахнастанцев выходил. Совсем мальчишки, лет по семнадцать. Лежат сейчас в отдельной палатке, боятся, что мы их добьем.

— И добьете?

Мэтт посмотрел на него с таким искренним ужасом, что Калаэн невольно усмехнулся.

— Что вы, ваша светлость! — воскликнул лекарь. — Как можно? Они же люди! Они ранены, они беспомощны, они... они просто солдаты, как и наши. У них тоже матери есть, сестры, невесты...

— Ладно, ладно, — Калаэн поднял руку, останавливая этот поток. — Я пошутил. Не смотрите на меня так, Вандер, а то я сейчас сам испугаюсь.

Мэтт смутился, опустил глаза, но улыбка с его лица не сходила.

— Простите, ваша светлость. Я просто... я не понимаю, как можно убивать беззащитных.

— Война, Вандер, — пожал плечами Калаэн. — На войне всякое бывает. Но вы правы. Раненых не добивают. По крайней мере, в приличной армии. Лечите своих ахнастанцев, раз надо. Только следите, чтобы они, оклемавшись, не перерезали ваших витаров.

— Они не перережут, — уверенно сказал Мэтт. — Я с ними поговорил. Они обещали.

Калаэн хмыкнул. Наивность этого парня иногда поражала. Но, с другой стороны, может, именно такая наивность и спасала жизни там, где цинизм уже давно махнул рукой.

— Хорошо, — кивнул он. — Продолжайте в том же духе. И... спасибо вам, Вандер. За наших. За тех, кого вы вчера вытащили.

Мэтт вспыхнул, как девица на выданье.

— Я... я просто делаю свою работу, ваша светлость.

— Делайте, — Калаэн уже повернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился. — Кстати, Вандер. Если вам что-то понадобится — лекарства редкие, инструменты, — обращайтесь прямо ко мне. Не к интендантам, не к Хагерту, ко мне. Я распоряжусь.

Глаза лекаря расширились от изумления.

— Ваша светлость, я... спасибо! Большое спасибо!

— Не за что, — Калаэн махнул рукой и зашагал дальше, оставляя за спиной счастливого Мэтта, который, кажется, до сих пор не верил своему счастью.

Обход продолжился. Калаэн заглянул в артиллерийский парк, где артиллеристы драили пушки и пересчитывали ядра. Потолковал с интендантами насчет провианта. Перекинулся парой слов с Бьянкой, которая, к его удивлению, сегодня была необычайно миролюбива и даже не вспомнила о порванном мундире.

Солнце поднималось все выше, обещая жаркий день. Лагерь гудел, как растревоженный улей, и в этом гуле не было ни страха, ни обреченности. Только уверенность в своих силах и предвкушение новых побед.

Калаэн остановился на краю лагеря, глядя на восток, туда, где за лесом лежала земля, которую еще предстояло отвоевать.

Два дня. У них есть два дня, чтобы сделать максимум возможного.

Он глубоко вдохнул утренний воздух. Пахло соснами, рекой и далеким дымом. Где-то там, впереди, ждала новая битва. Новые победы. Новые потери.

Но сегодня утро было добрым.

Дракон внутри довольно рыкнул и свернулся клубочком, наслаждаясь редким моментом покоя.

— Хагерт! — крикнул Калаэн, заметив приближающегося полковника. — Через час выступаем. Боевое охранение выслать немедленно. Разведку — на два перехода вперед. Я хочу знать, где сейчас враг и что он делает.

— Есть, ваша светлость! — Хагерт козырнул и умчался выполнять приказ.

Калаэн еще раз окинул взглядом лагерь, своих людей, эту нелепую, шумную, вечно голодную и вечно живую массу, которая называлась армией.

— Ну что ж, — сказал он тихо, обращаясь неизвестно к кому. — Покажем им, почем фунт лиха.

* * *

Чашка с крепким, почти остывшим чаем так и осталась в его руке. Он уже подносил ее к губам, когда до него донеслись звуки: Приглушенные голоса. Шарканье сапог по земле. Сдавленный, полный ужаса стон — звук, который он узнал бы из тысячи других. Звук человека, которого тащат на убой.

Раздражение — первая реакция на нарушенный порядок — тут же сменилось холодной настороженностью. Он потянулся к звонку, вызывая охрану, но полог шатра взлетел раньше, выпуская внутрь ночной воздух с запахом прелой листвы и... крови.

На пороге стоял капитан Лоркан. Но это была лишь бледная, искаженная маска того самоуверенного офицера, которого знал Калаэн. В его глазах застыл животный ужас, а тело было сковано неестественным, окаменелым напряжением. И причина этого быстро стала очевидна.

Прямо за ним, как призрак, возникла Тень. В ее темной, облегающей одежде и безликой маске не было ничего человеческого. Одной рукой она с силой впилась в плечо капитана, а в другой, приставленной к его боку, был короткий безжалостный клинок.

— Ваша светлость...» — голос Лоркана сорвался на тонкий фальцет, но Тень резким, почти незаметным движением заставила его замолчать, заставив рухнуть на колени перед столом генерала.

В воцарившейся гробовой тишине Калаэн, все еще сжимая чашку, слышал лишь учащенное, свистящее дыхание капитана. Его взгляд скользнул с Лоркана на нее.

И только сейчас Калаэн заметил то, что покачивалось у ее бедра, притороченное к поясу. Холщовый мешок. Обычный, грубый, какие используют для картошки или угля. С него, с глухим стуком, отбивающим такт его собственному учащенному сердцебиению, на дорогой ковер падали тяжелые капли. Темные, почти черные в свете лампы.

Не говоря ни слова, Тень шагнула к столу. С отстраненным, почти бытовым спокойствием она поставила окровавленный мешок прямо на стул у стола. Багровое пятно тут же поползло по ткани, безжалостно заливая обивку стула и стекая на землистый пол. Затем, все так же не глядя

на него, она скользнула рукой в складки одежды и извлекла аккуратно сложенную пачку бумаг, бросив их на стол перед ним. Калаэн машинально взял бумаги. Его взгляд, привыкший быстро схватывать суть, пробежался по строчкам. Перехваченные шифровки, отчеты о перемещениях войск, счета... Все.

Лоркан.

Лоркан, который улыбался ему за завтраком. Лоркан, который подавал кофе и шутил о погоде. Лоркан, который месяцами сливал информацию врагу, отправляя его солдат в западни, в огонь, в смерть.

Чувство предательства оказалось горьким. Глухое, тягучее чувство, оседающее на языке мерзким привкусом, от которого хотелось сплюнуть, но нельзя. Вокруг люди, вокруг армия, и он должен быть тем, кем они его видят.

А внутри разрасталась пустота.

Полог шатра снова откинулся с силой, едва не срывая крепления.

Внутрь ворвались майор Свенд и двое капитанов, с обнаженными клинками, с бешеными глазами, готовые рубить любого, кто посмеет угрожать их генералу.

— Ваша светлость! Всё в поря... — начал Свенд, но его слова застряли в горле. Взгляд скользнул с бледного, как полотно, Лоркана на зловещий мешок на столе, а затем на неподвижную Тень.

И в этот самый момент Тень вдруг дрогнула. Сквозь узкие прорезы маски было видно, как она на мгновение зажмурилась, её плечи дёрнулись, а всё тело неестественно качнулось, будто от внезапной слабости. Она сделала шаг назад, прижав руку к боку, и в этом жесте было что-то такое... человеческое, такое уязвимое, что у Калаэна внутри все похолодело.

— Лоркан — предатель. Взять его под стражу и подготовить к допросу, — голос Калаэна прозвучал резко и властно, разрушая напряжённое недоумение.

Офицеры, все еще не понимающие до конца, что происходит, рванули к Лоркану. Капитан не сопротивлялся. Только скулил тонко, по-звериному, когда его волокли к выходу.

А Калаэн уже смотрел на Тень.

Она стояла, вцепившись в бок, и по тому, как вздымалась ткань на ее груди, он понял: дышит она часто, рвано, сбивчиво. Слишком часто для той, кто только что притащила в его шатер голову вражеского связного и доказательства предательства.

— Лекаря! — рявкнул он в пространство, не глядя, кому адресован приказ. — Немедленно!

Услышав это, Тень резко, почти агрессивно мотнула головой. Её рука в перчатке инстинктивно схватилась за бок, и она сделала шаг к выходу, к сгущающимся за пределами шатра теням, явно пытаясь ускользнуть до того, как появится врач.

— Это приказ, Тень, — Калаэн шагнул вперед, перекрывая ей путь к бегству. Голос его звучал низко, твердо, не допуская возражений. — Остаться.

Их взгляды скрестились.

Ее глаза — черные, бездонные, полные глухой, отчаянной ярости. И его — серые, стальные, не терпящие неповиновения.

Она сжала кулаки. Казалось, еще мгновение, и она кинется на него, или рухнет, или сделает что-то непредсказуемое, невозможное.

Полог шатра снова зашевелился, пропуская внутрь сутуловатую фигуру полкового лекаря с походным саквояжем в руках. Пожилой человек с бесстрастным профессиональным взглядом коротко поклонился генералу и уставился на Тень, ожидая.

— Где Вандер, Эсмар?

— Ваша светлость, — лекарь склонил голову в коротком поклоне. — Майор Свенд доложил, что в шатре... женщина. Я решил, что в таком случае мое присутствие будет уместнее, чем присутствие молодого Вандера.

Калаэн молча кивнул, принимая объяснение. Эсмар служил в армии уже давно, лечил и солдат, и офицеров, и даже драконов в их человеческой ипостаси. Если кто и умел обращаться с ранами, не роняя при этом достоинства пациентов — то именно он.

— Осмотрите ее, — приказал Калаэн, и в его голосе прозвучала сталь, не допускающая возражений.

Тень замерла, словно дикий зверь в капкане. Видно было, как под плотной тканью рубашки учащенно вздымается грудь. Она резко мотнула головой, один из ее сжатых кулаков поднялся к маске, ясно давая понять — это та граница, которую она не перейдет.

— Рубашку, дитя мое, — мягко, но настойчиво произнес лекарь, уже раскрывая свой саквояж. — Иначе как я смогу оценить рану?

Мгновение она боролась сама с собой, ее взгляд, видимый в прорезях, метался от лекаря к генералу, полный немой ярости и унижения. Затем, с резким, почти яростным движением, ее пальцы принялись развязывать шнурки наглухо застегнутой рубашки. Ткань, пропахшая пылью дорог и дымом, с шелестом разошлась.

Под ней не было ни изящных кружев, ни утягивающего корсета, какие носили светские дамы. Единственной деталью туалета была простая полоска хлопковой ткани, обернутая вокруг груди, функционально и без намёка на кокетство. Взору открылся упругий, гладкий живот и тонкая талия, а чуть ниже ребер зияла кровавая рана, из которого сочилась алая кровь.

Калаэн отвернулся, давая им обоим иллюзию приватности.

Он смотрел в стенку шатра, на грубую ткань, на пляшущие тени от магического светильника, но не видел ничего. Перед глазами стояло другое: мелькнувшая полоска обнаженной кожи, тонкая талия, очертания еще по-девичьи угловатой фигуры.

Совсем молоденькая.

Мысль эта ударила неожиданно, под дых, вышибая воздух. Он думал о Тени как о ровне, как о профессионале высочайшего класса, чей холодный ум и просчитанные ходы внушали уважение, смешанное с опаской. Он видел в ней противника, равного, союзника, достойного уважения. Но сейчас, в этом случайном, непрошенном взгляде, он вдруг увидел другое.

Девочка.

Сколько ей? Семнадцать? Восемнадцать? В этом возрасте столичные барышни только выезжают в свет, учатся держать веер и строить глазки потенциальным женихам.

А эта — уже год водит за нос Фернуха, взрывает вражеские склады, отслеживает предателей и приносит в мешках головы.

Сколько же лет нужно учиться, чтобы стать мекешем?

Калаэн с силой провел ладонью по лицу, прогоняя наваждение. Он знал, конечно, знал теоретически, что Фернух забирает детей. Об этом говорили шепотом, об этом ходили страшные слухи, которые он, как и многие, предпочитал не проверять. Дети — это было слишком далеко, слишком чудовищно, чтобы в это верить по-настоящему.

Но сейчас, стоя в двух шагах от девочки, которая зажимала рукой рану, полученную в схватке с теми, кто был ее... кем? Учителями? Палачами? — он понял со всей чудовищной ясностью: слухи не врал.

Во сколько попадают к Фернуху?

Он не знал. Никогда не интересовался. Ему, потомку древнего рода, генералу, дракону, это было... неважно. Где-то там, на дне общества, копошились рабовладельцы и их живой товар. Это было неприятно, это было неправильно, но это было так далеко от его мира, от его балов, его побед, его женщин полусвета.

А теперь это «далеко» стояло в его шатре, истекая кровью.

Девять. Десять. Может, меньше.

Он представил себе маленькую девочку с этими черными, бездонными глазами, которую отрывают от матери, от отца, от всего, что она знала и любила. Представил, как ее учат не пла-

кать, не улыбаться, не чувствовать. Как ломают, переплавляют, выковывают из живого ребенка безжалостное оружие.

Кулаки его сжались сами собой, до хруста в костяшках. Челюсть свело судорогой. Никогда в жизни он не испытывал такой ледяной, выстужающей все внутри ярости. Даже когда узнал о предательстве, даже когда считал потери после разгрома третьего полка, даже когда своими глазами видел смерть сержанта Дорна.

То была ярость солдата. Ярость командира. Ярость хищника.

Это было другое.

Это была ярость мужчины, который вдруг, в одно мгновение, увидел всю глубину падения мира, в котором жил. Мира, где таких, как она, ломали походя, чтобы такие, как он, могли выигрывать войны, не пачкая рук.

Сзади послышался тихий, сдавленный звук. Не крик, нет. Что-то среднее между шипением и всхлипом, тут же задушенное, проглоченное.

— Потерпи, дитя, — голос Эсмара звучал ровно, профессионально, но в нем проскальзывали нотки, которых Калаэн раньше не слышал. — Глубокая, но чистая. Повезло тебе. Еще бы на палец левее — и задело бы печень.

Калаэн не оборачивался. Стоял, как статуя, вцепившись взглядом в стенку шатра, и слушал. Слушал каждое движение за спиной, каждое прерывистое дыхание, каждый сдавленный звук, который она так отчаянно пыталась подавить.

Он хотел обернуться. Хотел посмотреть. Хотел сказать... что? Что он сожалеет? Что он не знал? Что все будет хорошо?

Глупости. Какие к крегу «хорошо» для той, кто с детства видит только кровь и смерть?

Вместо этого он заговорил. Ровно, спокойно, чуть понизив голос, чтобы не мешать лекарю.

— Лоркан под арестом. Собранных вами доказательств достаточно, чтобы вздернуть его без суда, но суд будет. Для порядка.

Он помолчал, собираясь с мыслями. За спиной Эсмар возился с бинтами, тихо приговаривая что-то успокаивающее.

— Капитан Лоркан служил у меня три года. Был на хорошем счету. Подавал кофе по утрам. — Калаэн усмехнулся, коротко и безрадостно. — Никогда не думал, что предательство может быть таким... обыденным.

Тишина была ему ответом. Только шорох бинтов и тяжелое дыхание.

— Допросом займусь лично, — добавил он, помолчав. — После того, как вы... закончите. Если Лоркан знает что-то еще о сети Фернуха, он расскажет.

Он хотел добавить еще что-то. Сказать ей... спасибо? Сказать, что она спасла сотни, если не тысячи жизней? Что он восхищен ее смелостью, ее умом, ее проклятым профессионализмом?

Но слова застревали в горле.

— Эсмар, погрузи ее в отдельную повозку, поедет с нами, — сказал он наконец, снова обретая командирский тон. — До утра вы, Тень, остаетесь. Это приказ.

Она не могла возразить вслух. Но он услышал, как за спиной что-то изменилось. Напряжение. Готовность к сопротивлению.

— Не глупите, — добавил он жестче. — С такой раной вы далеко не уйдете. И если не дай бог свалитесь в лесу... — Он осекся, не договорив.

Чертыхнулся про себя. Что он, собственно, хотел сказать? Что беспокоится? Что она ему небезразлична? Глупость какая. Они едва знакомы.

— Останьтесь, — сказал он тише, уже без командирских ноток. — Я должен выплатить вам гонорар. И еще у меня к вам есть разговор.

За спиной повисла мертвая тишина. А потом Калаэн услышал это. Тихий, едва уловимый звук. Не всхлип, не стон. Что-то другое. Словно... выдох. Длинный, усталый, почти обреченный выдох человека, у которого больше нет сил держать оборону.

Молчание длилось вечность.

Потом Эсмар кашлянул, нарушая напряжение.

— Рана обработана, ваша светлость. Кровь остановлена. Я наложил заклятие, к утру рана должна затянуться полностью. Пациентке нужен покой и... и, пожалуй, горячий бульон.

Калаэн кивнул, не оборачиваясь.

— Распожусь.

Он слышал, как за спиной зашелестела одежда, как Тень медленно поднялась на ноги.

Шаги. Тихие, крадущиеся, направляющиеся к выходу.

Она уходит. Конечно, она уходит. Потому что приказы для нее пустой звук, а просьбы генералов и подавно.

— Постойте.

Шаги за спиной замерли.

Калаэн медленно, очень медленно повернулся.

Она стояла в двух шагах от выхода, уже застегнутая, замотанная в свою темную одежду, с маской на лице. Только черные глаза горели в прорезях нестерпимым, обжигающим светом.

Он встретил этот взгляд и не отвел.

— Спасибо, — сказал он просто. — За все.

Она смотрела на него долго. Очень долго. Так, что Калаэну показалось, будто он стоит перед судом, а не перед наемницей, которую нанял за деньги. Потом ее рука скользнула под одежду. Достала листок. Один-единственный, из той самой стопки, которую он видел в их первую встречу. Она шагнула к нему, протянула листок, и, не дожидаясь, пока он прочтет, развернулась и вышла в ночь.

Полог шатра качнулся и замер.

Калаэн стоял, глядя на колеблющуюся ткань, и чувствовал, как внутри, там, где у дракона полыхало пламя, разливается странное, незнакомое тепло.

Он опустил взгляд на листок. Почерк, уже знакомый, четкий и изящный, выводил всего два слова: *«И вам спасибо»*.

Дракон внутри довольно рыкнул и расправил крылья.

— Эсмар, — позвал Калаэн, не оборачиваясь. — Проследите, чтобы... нашей гостье, отнесли бульон. И одеяла. Побольше. Это приказ.

— Слушаюсь, ваша светлость, — в голосе лекаря проскользнули нотки, очень похожие на понимающую усмешку.

Калаэн остался один. На стуле, пропитывая обивку кровью, темнел страшный трофей. В руке все еще была зажата бумажка с благодарностью. Он аккуратно сложил его и убрал во внутренний карман мундира, туда, где обычно носил письма матери.

«И тебе спасибо», — мысленно ответил он пустоте. И потер лицо ладонями, прогоняя наваждение.

*** витары - санитары.**

*** крег - ругательство, мелкий магический зверег, вредитель**

Глава 6. Предложение

Спать нельзя.

Мысль пульсировала в висках в такт толчкам повозки. Нельзя. Ни в коем случае.

Тень сидела, привалившись спиной к борту, и сжимала в руке кинжал. Глаза слипались. Веки налились свинцом, и каждое моргание длилось на мгновение дольше предыдущего. Еще чуть-чуть, и она просто провалится в эту черную, манящую пустоту.

Щиплет.

Заклятие старого лекаря работало. Она чувствовала, как края раны стягиваются, как ткань восстанавливается под действием магии. Но вместе с лечением приходила боль. Не острая, нет. Тянувшая, настойчивая, которая запускала свои щупальца под ребра и напоминала о себе при каждом толчке.

Спасибо ему. Если бы не эта боль, она бы уже спала.

А спать нельзя.

Она втянула воздух, медленно, бесшумно, позволяя запахам заполнить ноздри. Пахло деревом, пылью, прелой соломой. И людьми. Много людей. Солдаты снаружи, возница на козлах, кто-то из офицеров прошел мимо, совсем близко.

Их запахи были спокойными. Ни следа враждебности, ни напряжения, ни того особенного, вездельного аромата, который всегда сопровождает намерение причинить вред.

Они не хотели ей зла.

Нюх не врал никогда. Эмоции, намерения, даже смутные желания имели свой запах. Каждый человек пах по-своему, и каждый оттенок этого запаха был для нее открытой книгой. Сейчас книги говорили, что она в безопасности. Эти люди не тронут ее. Им нет до нее дела.

«Ты в безопасности», — шепнул внутренний голос, усталый и почти умоляющий. «Генерал приказал. Тебя не тронут. Ты можешь поспать».

Она мысленно задвинула этот голос подальше, туда, где держала все свои слабости. Генерал. Приказал. Ха. Она слишком хорошо знала цену приказам. И слишком хорошо знала, что случается с теми, кто им доверяет.

Она слишком хорошо помнила Валенмина. Тот пах... правильно. Влюбленностью, надеждой, искренней заботой о Таймиле. А потом продал их всех за собственную шкуру.

Повозка трянуло на ухабе, и Тень зашипела сквозь зубы, прижимая руку к боку. Под тканью рубашки проступило что-то влажное. Сукровица, выступившая от напряжения.

За тонкой тканью тента, отделявшей ее от остального мира, слышались голоса солдат. Те, кто ехал верхом рядом с повозкой, те, кто шагал по обочине дороги, перебрасываясь ленивыми, дорожными разговорами.

— ...видел? Я своими глазами видел. Ведет она его, значит, Лоркана этого, а у него морда белая, как мука, и поджилки трясутся. А она его под ребро ножичком...

— Да врешь ты.

— Чтоб я сдох! Капитан Свенд потом рассказывал: заходит он в шатер, а там эта... в маске. Стоит. А на столе, мать честная, башка человеческая в мешке!

— Да ну на хрен...

— Клянусь! И кровь с этого мешка на пол капает. А генерал стоит спокойный такой и говорит: «Лоркан — предатель, взять его».

Голоса стихли на мгновение, переваривая услышанное. Тень слушала, и уголок ее губ под платком дрогнул в усмешке. Легенда обрастала подробностями. Это хорошо. Чем страшнее слухи, тем меньше желающих сунуться.

— А чего ее потом в повозку грузили? Ранили, что ли?

— А ты думал, баба — она и есть баба. Не мужик, чай. Видать, зацепили все-таки, когда голову-то отрезала.

— Так это она того... сама?

— А кто ж? Не генерал же. У него руки чистые, он только приказывает.

Тень прикрыла глаза. Снова эта проклятая слабость. Веки дрожали, и каждый толчок повозки отправлял ее в короткое, опасное забытие, из которого она выныривала с бешено колотящимся сердцем.

— Да тихо вы, — вмешался третий голос, постарше, с хрипотцой. — Я вот что скажу. Вчерась, когда на привал встали, я мимо офицерских палаток шел. А они, Хагерт с Микаэлем, у огня сидели и про что-то гудели вполголоса. Думали, никого нет.

— И чего? — заинтересовался молодой.

— А то. Про склад этот, что у ахнастанцев рванул. Не просто так полыхнуло у них.

— А что не так?

— А то, что это она была. Это она склад тот самый взорвала. Ахнастанцы без пушек остались, потому и побежали как зайцы. А мы теперь их гоним.

— Да ладно врать-то...

— Чтоб мне пусто было! А ты думал, за что ее сам генерал в своей повозке повез? — хриплый понизил голос до заговорщицкого шепота. — Не за красивые же глаза. Она одна нам всю кампанию спасла, мужики. Баба. А вы ржете.

Повисла тишина. Даже шаги на дороге, кажется, стали тише.

— Ни хрена себе... — выдохнул наконец второй голос.

Голоса замолчали надолго. Тень слышала только скрип седел, чавканье копыт по размокшей дороге да свое собственное дыхание, которое никак не желало становиться ровным.

— А я бы такой, — вдруг сказал молодой, и в голосе его прорезалась мальчишеская, искренняя убежденность, — я бы такой памятник поставил. Честное слово. Чтоб все знали.

— Кому — «такой»? — не понял второй.

— Да ей! — молодой, кажется, даже рукой махнул куда-то в сторону повозки. — Которая там лежит. Пусть и страшная, пусть в маске. Зато наша. И таких, как Лоркан, на нож насаживает.

Тень замерла.

Простая, наивная фраза, сказанная каким-то мальчишкой, который еще, наверное, и не нюхал настоящей войны, вдруг ударила сильнее любого кинжала.

«Зато наша».

Она не была «их». Она вообще ничья не была. Она была сама по себе. Одиночка, наемница, тень, которая выполняет работу и уходит в ночь. У нее больше не было родины, не было армии, не было товарищей. Была только Налла.

Но сейчас, слушая этот разговор, чувствуя, как где-то там, за тонкой тканью тента, простые люди обсуждают ее как свою, как защитницу, как ту, кто «наших не бросает»...

Щиплет.

Тень закусила губу, прогоняя наваждение. Сентиментальность. Опасная, ненужная сентиментальность. Она не для того выжила, чтобы раскисать от слов какого-то сопливого пехотинца. Но внутри, там, где жила та самая человечность, которую она так старательно душила годами, что-то дрогнуло. И свернулось клубочком, согревая изнутри.

— ...тихо вы! — рявкнул вдруг хриплый голос. — Кто там треплется про бабу в маске? А ну цыц! Генерал сказал язык за зубами держать! Забыли устав?

— Да мы ж ничего...

— Я сказал — молчать! Не вашего ума дело, кто там и что. Служить надо, а не языками чесать.

Голоса стихли, как по команде. Слышно было только, как хриплый, видимо, унтер или сержант, выговаривал кому-то вполголоса, матом, сочно и профессионально.

Повозка качнулась сильнее, и Тень едва не клюнула носом. Глаза слипались с ужасающей быстротой. Рана щипала, но боль притупилась, стала привычной, фоновой.

Спать нельзя.

Она сжала кинжал сильнее. Провела большим пальцем по лезвию, чуть надавила. Острая, короткая боль прояснила сознание ровно настолько, чтобы она снова могла открыть глаза.

За тканью тента тянулась дорога, мелькали ноги лошадей, сапоги идущих солдат. Кто-то затянул песню, негромкую, тягучую, про дом и про то, как солдат вернется к своей ненаглядной.

Тень слушала и думала о Налле. О том, как та тянет ручонки к Яну. О том, как Йэфа поет им колыбельные. О том, что скоро, очень скоро она вернется, и ни за что не уйдет надолго.

Но сначала нужно забрать гонорар, который позволит ей еще месяца два не думать о деньгах. Сначала...

Тень позволила себе закрыть глаза. Всего на минуту. Просто чтобы дать им отдохнуть, пока повозку трясет на очередном ухабе. Просто чтобы перестать видеть этот проклятый тент перед глазами.

Щиплет.

Уже слабее. Где-то на грани восприятия. Боль превратилась в ровный, монотонный фон, такой же привычный, как стук колес и скрип осей.

Всего минута.

Она не заметила, как провалилась в сон.

Не было никакого перехода, никакой грани. Просто вдруг исчезли голоса, исчезла тряска, исчез холодный, колющий страх, который годами не давал ей расслабиться ни на секунду.

Организм просто не выдержал.

* * *

Пробуждение было резким, как удар под дых.

Тень открыла глаза и несколько мгновений не понимала, где находится. Темнота. Теснота. Пахнет деревом, пылью и... И свежим воздухом. И лесом. И... Тишина.

Повозка не двигалась.

Эта мысль включила сознание быстрее любого сигнала тревоги. Тень дернулась, приподнимаясь на локтях, и замерла, потому что что-то мягкое и теплое соскользнуло с нее и упало на пол повозки.

Одеяло. Кто-то накрыл ее одеялом.

Когда? Кто?

Она спала. Она спала, а кто-то был рядом. Кто-то подходил к ней, пока она была без сознания, беззащитная, как...

Паника ударила в голову тяжелой, горячей волной. Рука метнулась к поясу, туда, где всегда висел кинжал.

Пусто.

Она села рывком, забыв о ране, забыв об осторожности, забыв обо всем на свете. Внутри взорвалась ледяная ярость, смешанная со страхом таким древним и таким знакомым, что у нее перехватило дыхание.

И в этот момент она увидела его. В углу повозки, у самого входа, сидел Калаэн Глортейн.

Он привалился спиной к борту, вытянув длинные ноги почти на всю ширину повозки, и смотрел на нее. В полумраке его серые глаза казались почти черными, но в них плясали какие-то смешливые искорки.

— Проснулись, — сказал он негромко. Спокойно. Даже буднично.

Тень замерла, вцепившись пальцами в солому, на которой лежала. Ее дыхание было частым, рваным, и она ненавидела себя за то, что не может его контролировать. Маска была на месте, она чувствовала ткань на лице, чувствовала, как край платка касается шеи. Но все остальное...

Она спала. Она спала, а он сидел рядом. Он видел ее спящей. Он мог снять маску. Он мог сделать все что угодно.

Кинжала нет.

Калаэн, словно прочитав ее мысли, усмехнулся. Медленно, очень медленно, чтобы не спровоцировать ее на резкое движение, он запустил руку за пазуху своего мундира и извлек оттуда знакомый предмет.

Ее кинжал. С которым она не расставалась никогда. Который она сжимала в руке, засыпая.

Калаэн покрутил его в пальцах, рассматривая лезвие, потом перевел взгляд на нее.

— Хорошая работа, — сказал он спокойно. — Дорогой, наверное. Я такие видел только у гвардейских офицеров.

Она не знала, дорогой он или нет. Понятия не имела, сколько такой может стоять и кто его делал. Она вообще ничего о нем не знала, кроме одного: он был острым, удобно лежал в руке и не подвел ее ни разу за пять лет.

И она совершенно точно не собиралась рассказывать генералу, что стащила этот кинжал вместе с пачкой документов на своем первом самостоятельном задании. Тогда, четырнадцатилетняя, трясущаяся от страха и адреналина, она зачем-то сунула его за пояс. Просто потому, что он лежал на столе рядом с бумагами, которые нужно было забрать.

Тень молчала. Только смотрела на него в упор, черными глазами из прорезей маски, и ждала. Ждала, когда он скажет главное. Когда предъявит свои требования. Когда использует этот момент слабости, чтобы...

— Я забрал на всякий случай, — перебил ее мысли Калаэн, и в его голосе проскользнули извиняющиеся нотки. — Не было никакого желания, чтобы вы спросонья меня прирезали. Сами понимаете, репутация у вас... своеобразная.

Он усмехнулся собственным словам и протянул ей кинжал рукоятью вперед.

— Держите.

Тень смотрела на кинжал. На его руку. На его лицо.

Он отдавал оружие. Просто так. Не торгуясь. Не ставя условий.

Она медленно, очень медленно протянула руку и взяла кинжал. Пальцы сомкнулись на знакомой рукоятке, и на мгновение ей показалось, что она снова может дышать.

Калаэн следил за этим движением, и в его глазах мелькнуло что-то, чему она не сразу нашла название. Не страх. Не угроза. Скорее... удовлетворение. Будто он сдал какой-то важный экзамен.

— Одеяло, — сказал он, кивая на сбившуюся ткань у ее ног. — Эсмар принес. Сказал, что пациентке нужен покой и тепло. Я подумал, что вы вряд ли позволите ему себя укрывать, если проснетесь. Пришлось самому.

Тень перевела взгляд на одеяло. Обычное солдатское, грубое, серое, пахнущее конюшней и дымом костров. Но теплое. Она вспомнила, как ей было тепло во сне. Как она не мерзла, хотя повозка должна была выстудиться к ночи.

"Сколько я спала?" — нацарапала она, когда смогла заставить пальцы разжаться и достать из-под одежды листок и огрызок карандаша, которые носила всегда с собой.

Калаэн взял записку, прочел и посмотрел на нее с непонятным выражением.

— Восемь часов, — сказал он. И хмыкнул, коротко, беззлобно. — Вы, между прочим, две стычки с ахнастанцами проспали. Одну у переправы, вторую, когда их арьергард попы-

тался контратаковать. Хагерт уже хотел будить вас, думал, может, согласитесь прогуляться до вражеских позиций, но я запретил.

Он помолчал, и в его глазах мелькнула усмешка.

— Мы уже на месте. Вернее, армия разбила лагерь на ночевку. А я... решил составить вам компанию. На случай, если проснетесь и решите, что вас похитили.

Он говорил это легко, почти шутливо, но Тень слышала другое. Сколько он просидел здесь, в тесной, холодной повозке, охраняя ее сон? Он мог расположиться у костра, в тепле, с офицерами, с комфортом.

Зачем?

Вопрос был написан на новом листке, прежде чем она успела подумать, стоит ли его задавать.

Калаэн прочел, и улыбка на его лице стала чуть заметнее.

— Затем, что вы мой ценный агент, — ответил он ровно. — Затем, что если бы вас нашли мертвой в повозке утром, я бы себе этого не простил.

Тень замерла. Она не знала, что на это отвечать. Не знала, есть ли в ее бесконечной стопке заготовленных ответов тот, который подходит для этого момента.

Калаэн выдержал ее взгляд. Не отвел глаз. Не усмехнулся снисходительно. Просто смотрел в ответ, и в этом взгляде не было ни жалости, ни превосходства. Только спокойное, ровное внимание.

— Хорошо, к делу. Лоркан под арестом. Скоро начнется официальное дознание, но я хочу спросить, был ли он единственным?

Вопрос повис в воздухе. Калаэн видел, как Тень замерла, обдумывая ответ. Не те несколько секунд, что тратят обычные люди, чтобы вспомнить или сформулировать мысль, а ту особую, тяжелую паузу, когда человек взвешивает каждое слово, даже если слов этих не произносит вслух.

Потом ее рука скользнула к стопке. Один листок. Второй. Третий. Она протянула их ему по очереди, и Калаэн, принимая каждый, чувствовал исходящую от бумаги холодную уверенность профессионала.

«В штабе Ахнастанцев я нашла только схему. Ту, что передал Лоркан.»

«Фралн перед смертью клялся, что Лоркан был единственным. Других имен не знал. Других контактов не имел.»

«Думаю, он не врал. Врать в такой момент смысла не было.»

Калаэн перечитал записки дважды. Трижды. Слова были простыми, лишенными той двусмысленности, к которой он привык в донесениях дипломатов и придворных. Она утверждала. И это утверждение вдруг стало весить для Калаэна больше, чем любые показания под присягой.

— Фралн? — переспросил он, отрывая взгляд от записок. — Это та голова в мешке?

Тень кивнула. Один раз. Коротко.

Калаэн посмотрел на нее долгим, внимательным взглядом. На эту закутанную в темную ткань фигуру, на черные глаза в прорезях маски, на руки в перчатках, которые всего несколько часов назад держали окровавленный мешок с головой человека, которого она знала.

— Вы знакомы?

Еще один кивок. Такой же короткий. Такой же спокойный. Будто речь шла не о бывшем товарище по школе смерти, а о случайном прохожем, с которым довелось пересечься на рынке.

Калаэн усмехнулся. Коротко. Безрадостно. В этой усмешке смешалось все: уважение к ее профессионализму, понимание того, какой ценой дается такое хладнокровие, и горькое осознание, что мир, в котором она выросла, был миром, где знакомых хоронили в мешках, не моргнув глазом.

— Ясно, — сказал он просто.

Больше он не спрашивал. Не потому, что его не интересовали детали. А потому, что понял: если она сочтет нужным, расскажет сама. Если нет — никакие приказы и допросы не вытянут из нее правду.

Он аккуратно сложил ее записки в стопку и протянул назад.

— Значит, сеть ограничивалась Лорканом. Это хорошо. Это значит, что мы можем двигаться дальше, не оглядываясь на каждого второго офицера. У меня к вам предложение, — сказал он наконец. — Официальное.

Тень замерла. В его голосе появились командирские нотки, с которыми он отдавал приказы офицерам. Деловые. Сухие. Без той странной теплоты, что была мгновение назад.

— Корона нуждается в таких, как вы, — сказал Калаэн. — Не разовыми заказами, когда припрет, а системно. Король уполномочил меня предложить вам постоянный контракт на время военных действий. Четыреста руделов в месяц. Паёк, обмундирование, оружие за казенный счет. Отдельная палатка, полное обеспечение. Право на отказ от заданий, которые сочтет неприемлемыми. — Он говорил ровно, будто зачитывал интендантскую ведомость. — Взамен вы остаетесь в распоряжении армии до конца кампании. Выполняете специальные задания по моему личному распоряжению. После победы можете рассчитывать на премию и благодарность от короля..

Четыреста руделов. Она зарабатывала столько за два-три месяца. С этим контрактом они были бы обеспечены на какое-то время. После войны можно было бы не брать опасные заказы какое-то время. Выдохнуть. А может... может даже хватило бы на лавку. Йёфа все жаловалась, что им приходится жить там, за водопадом. Ей хотелось в город. Она могла бы их перевести.

Могла бы. Если только...

Она медленно, очень медленно покачала головой. Один раз. Коротко. Отрицательно.

Калаэн не поверил своим глазам. Он смотрел на нее, на этот четкий, недвусмысленный жест, и внутри закипало раздражение, которое он пытался, но не мог подавить.

— Вы не понимаете, — сказал он, и голос его зазвучал жестче, командорскими нотками, которые так хорошо работали с офицерами. — Это не торг. Это лучшее, что может предложить Корона. Четыреста руделов — это жалованье полковника. Вы будете получать больше, чем Хагерт. Паек, оружие, одежда — все за наш счет. Вам не придется больше прятаться по ночам, выслеживая мелких воришек. Вы будете работать на армию. На королевство.

Она слушала. Смотрела на него черными глазами из прорезей маски и слушала.

— С этим контрактом вы сможете осесть где-нибудь, — продолжал давить Калаэн, чувствуя, как раздражение перерастает в глухую злость. Почему она не понимает элементарных вещей? — Купить дом. Жить нормальной жизнью. Этот контракт обеспечит вам будущее. Без страха, что завтра вам нечего будет положить в миску.

Она покачала головой снова. Тверже.

Внутри у Калаэна начало закипать раздражение. Он привык, что его слова — приказы. Привык, что подчиненные спорят, да, но в конечном счете выполняют. А эта женщина стояла перед ним и просто мотала головой, будто он предлагал ей не золото, а горсть гнилых орехов.

— Послушайте, — голос его зазвенел сталью. — Я понимаю, вы привыкли к самостоятельности. Но сейчас война. Вы нужны здесь. С вашими навыками, с вашим опытом... Вы можете спасти сотни жизней. Моих солдат. Или вы думаете только о себе?

Он сказал это и сразу пожалел.

Потому что в ее глазах — в этих черных, бездонных глазах — что-то изменилось. Мелькнуло. И погасло.

Тишина.

Только где-то далеко перекликались часовые да фыркали лошади на коновязи.

Тень глубоко вздохнула. Он видел, как вздымается под тканью рубашки ее грудь, как на мгновение опускаются плечи, будто под тяжестью невидимого груза. Потом ее рука медленно,

с какой-то обреченной неторопливостью, скользнула под одежду. Достала листок. Он смотрел, как она пишет ответ. А потом она протянула ему записку.

Калаэн взял. Развернул.

Два слова. Всего два слова, выведенные тем же четким, изящным почерком, но с таким нажимом, что бумага в нескольких местах была проколота грифелем.

«Не могу».

Он поднял на нее взгляд. Растерянный. Непонимающий.

— Что значит «не могу»? — вырвалось у него прежде, чем он успел подумать. — Это лучшие условия, которые...

Он поднял на нее взгляд. Хотел спросить: почему? Хотел надавить, объяснить, переубедить. Но встретил эти глаза — и слова застряли где-то в горле.

Потому что в них была усталость.

Он видел такую усталость у старых солдат. У тех, кто прошел три кампании, кто хоронил друзей, кто смотрел в глаза смерти столько раз, что перестал их считать. У мужиков с сединой в бороде и рубцами на руках, которые уже ничего не ждут от жизни, кроме возможности спокойно умереть в своей постели.

У нее такой усталости быть не должно.

Ей — сколько? Семнадцать? Восемнадцать? В этом возрасте столичные барышни краснеют от первого комплимента и мечтают о балах. В этом возрасте его сестра коллекционировала поклонников и ныла, что мать не дает носить слишком откровенные платья.

А эта смотрела на него так, будто видела уже всё.

У неё не должно было быть такого взгляда. Не в её возрасте. Не должна молодая девушка знать, как пахнет смерть, так же хорошо, как цветы. Не должна уметь убивать быстрее, чем улыбаться.

Но знала. И умела.

И смотрела на него сейчас — спокойно, без вызова, без надежды на понимание — и ждала.

Калаэн выдохнул.

Раздражение ушло так же быстро, как пришло. Осталась пустота и странное, щемящее чувство, которое он не мог определить.

— Хорошо, — сказал он хрипло. — Я... понимаю.

Он не понимал. Совсем. Но спорить было бесполезно.

— Ваш гонорар за это задание, — он достал из-за пазухи увесистый кошель, который приготовил заранее. — Здесь обещанное. И премия. Лично от меня. Простите, но за подрыв боеприпасов платить не буду. Мы об этом не договаривались.

Тень хмыкнула, но кошель взяла. Взвесила на ладони. И вдруг, совершенно неожиданно для Калаэна, ее глаза в прорезях маски... изменились. Он не мог объяснить, как именно. Но стало тепло. Будто она улыбнулась. Хотя губы были скрыты тканью.

— Эсмар велел, чтобы вы поели, как проснетесь, — сказал он наконец, нарушая тишину. — Там, у входа, котелок с кашей. Еще теплая, наверное. И чай. Как поешьте, можете уходить.

Он кивнул куда-то себе за спину и начал подниматься, выбираясь из повозки.

— Я распоряджусь, чтобы вас не беспокоили. Отдыхайте.

И прежде чем она успела отреагировать, он исчез за пологом, оставив после себя только легкий запах дорогого мыла, дыма и чего-то еще, чему она не могла подобрать названия.

Аса осталась одна.

Она сидела в темноте повозки, сжимая в руке кинжал, глядя на сбитое одеяло у своих ног, на котелок, о котором он сказал, на полог, за которым только что скрылся генерал.

Она моргнула. Раз. Другой.

В глазах заципало.

Аса закусила губу, прогоняя слабость. Резко отвернулась, нашарила котелок, принялась. Каша. Гречневая, с мясом, с тушенкой. Пахло так, что свело скулы.

Она ела медленно, глотая горячие комки, почти не жуя, и думала о том, что нужно возвращаться. И как можно скорее. Она ужасно... соскучилась.

Глава 7. Материнство

В маленьком доме за водопадом пахло травами, растопленной печью и тем особенным, горьковатым запахом, который всегда сопровождает детскую простуду.

Тень стояла спиной к двери, помешивая деревянной ложкой в котелке, подвешенном над огнем. Простая похлебка из пшена, мяса и того, что удалось вырастить на маленьком огороде за домом. Ничего особенного. Но Налла любила, когда она добавляла туда чуть-чуть тимьяна.

— Ням-ням, — раздалось сзади требовательное.

Тень обернулась, и уголки ее губ дрогнули в улыбке.

Налла сидела на полу, на старой, вытертой медвежьей шкуре, и сосредоточенно пыталась запихнуть в рот деревянную ложку, которую сама же и стащила с низкого столика. У нее это плохо получалось, ложка все время норовила ткнуться в щеку, но девочка не сдавалась. Глаза у Наллы были темные, как у Тени, и такие же серьезные, когда она занималась важным делом добывания еды.

— Скоро, маленькая, — беззвучно шепнули губы Тени.

Она опустила взгляд на кровать, стоящую у стены.

Ян спал. Пухлощекий карапуз, который еще вчера носился по дому, хватая Наллу за косички и хохоча во все горло, сегодня лежал тихо, укрытый теплым одеялом до самого подбородка. Его лицо покраснелось, губки приоткрылись, и каждый выдох сопровождался легким, свистящим хрипом.

Тень отвела взгляд и снова уставилась в окно.

Никого.

Лес за окном уже начал погружаться в сумерки. Солнце село за гору, и только последние лучи золотили верхушки сосен на той стороне ущелья. Водопад за домом шумел ровно, убаюкивающе, заглушая все остальные звуки.

Йэфы не было уже три часа.

Тень снова помешала похлебку, отставила ложку в сторону и подошла к окну. Вгляделась в тропинку, которая вела от дома к скалам, туда, где за водопадом был спрятан портал.

Ни души.

Она закусила губу.

Йэфа ушла в город через портал еще засветло. Простая задача: дойти до лавки старого аптекаря, купить зелье для Яна и немного меда, если есть. Деньги у нее были. Дорогу она знала. Опасности в городе сейчас никакой, война далеко, а Фернуху нет дела до маленькой лавки в бедном квартале.

Три часа — это слишком много. До лавки от портала идти не больше получаса. Обратно столько же. Даже если она задержалась, поболтала с аптекарем, приценилась к другим товарам — два часа, ну два с половиной максимум.

Три часа — это плохо.

Тень резко развернулась и подошла к кровати, где спал Ян. Опустилась на колени, приложила ладонь к его лбу. Горячий. Дышит тяжело. На лбу выступила испарина.

Простудой тут и не пахло. Нет, пахло, конечно, и потом, и болезнью, и тем кисловатым оттенком, который появляется, когда организм борется с заразой. Но пахло и чем-то еще, неуловимым, что тревожило нюх, но не складывалось в конкретный запах.

Тень отдернула руку и снова впилась взглядом в окно.

Налла, почувствовав тревогу, отбросила ложку и захныкала, протягивая ручонки.

— А-а-а! — требовательно закричала она.

Тень подхватила девочку на руки, прижала к груди, чувствуя, как бешено колотится маленькое сердечко в унисон с ее собственным. Налла тут же сунула кулачок в рот и затихла, успокоенная знакомым теплом.

— Тсс, маленькая, — шепнула Тень одними губами, глядя поверх ее головы в окно. — Тсс.

Стемнело окончательно. Тень зажгла самую маленькую масляную лампу, чтобы свет не привлекал внимание через окна, и поставила ее на стол. Налла, наевшись похлебки, снова задремала у нее на руках, тяжелая и теплая, как маленький котенок. Ян метался во сне, что-то бормотал, и Тень то и дело подходила к нему, промокала лоб влажной тряпицей, поправляла одеяло.

Тишину дома нарушал только треск дров в печи, шум водопада за стеной и прерывистое дыхание мальчика.

А потом Тень услышала шаги. Легкая, быстрая походка Йэфы, которая шла домой.

Тень опустила Наллу на кровать, рядом с Яном, подоткнула одеяло и замерла у двери, вцепившись пальцами в косяк.

Йэфа вошла в дом, стряхивая с платка ночную влагу, и первым делом улыбнулась. На вид ей было чуть больше двадцати, но глаза смотрели весело и озорно. Она уже не была похожа на ту отчаявшуюся нищенку с ребенком, которую Тень застала в ночлежке. Русая коса, перекинутая через плечо, намочла на концах, голубые глаза сияли в полумраке комнаты.

— Ой, ты чего в темноте стоишь? — удивилась она, прикрывая дверь. — Напугать меня решила?

Тень шагнула к ней, и ее пальцы задвигались быстрее, чем обычно — резко, требовательно, почти агрессивно.

«Где ты была?!»

Йэфа поставила корзинку на стол, сняла платок, отряхнула его и только потом подняла глаза на Тень. Улыбка ее стала чуть виноватой, но спокойной.

— Милая, давай помедленнее, — попросила она мягко. — А то я не успеваю. Ты же знаешь, я в этих жестах не сильна.

Тень замерла. Сделала вдох. Выдох. Заставила пальцы двигаться медленнее, четче, хотя внутри все кипело от нетерпения и глухой, иррациональной тревоги.

«Где ты была? Я волновалась».

— Вот так лучше, — кивнула Йэфа и, достав из корзинки сверток, принялась разворачивать его. — В лавке у старого аптекаря зелья от простуды не оказалось. Он сказал, что весь запас скупили какие-то люди из города, для лазаретов. Война, говорит.

Она развернула сверток до конца, и на столе появился небольшой пузырек с мутноватой жидкостью и горшочек, обернутый тряпицей.

— Пришлось идти дальше, к знахарке на Рыночной площади. Она уже старая, ворчливая, но зелья у нее хорошие. Вот, взяла для Яна. И меда купила, как ты просила. Настоящего, липового.

Тень смотрела на пузырек, на горшочек, на руки Йэфы, покрытые мелкими царапинами и мозолями, и чувствовала, как напряжение понемногу отпускает. Три часа. Всего лишь долгая дорога и очередь к знахарке. Никакой опасности. Никакой угрозы.

Йэфа, закончив с корзинкой, подошла к кровати, где спали дети, склонилась над Яном, потрогала его лоб, прислушалась к дыханию. Потом обернулась к Тени и улыбнулась тепло, но чуть устало.

— Жар спадает, — сказала она. — Дышит ровнее. К утру, думаю, полегчает. Ты зря так паникуешь, это же не чума.

Тень молчала. Стояла у стола, сжимая край столешницы, и молчала.

Йэфа вздохнула, подошла к ней и взяла за руки. Ладони у нее были теплые, шершавые, пахли мылом и травами.

— Аса, — сказала она тихо, заглядывая в глаза, которые в полумраке комнаты казались бездонными черными провалами. — Ты бы расслабилась хоть немного. Мы в безопасности. В нормальной жизни, Аса, убийцы на каждом шагу не встречаются. Честное слово.

Тень смотрела на нее. На эти голубые глаза, такие простые, такие открытые, такие... нормальные. Йэфа не понимала. Не могла понять. Для нее мир был местом, где люди ходят по улицам, покупают зелье у аптекарей, пекут хлеб и растят детей. Где опасность — это простуда или, в худшем случае, пожар.

Для Тени мир был другим. Мир был засадой, ловушкой, бесконечной войной, где каждый мог оказаться врагом, каждое движение — сигналом, каждая минута спокойствия — лишь затишьем перед бурей.

— Я понимаю, ты привыкла ждать подвоха, — продолжала Йэфа, не отпуская ее рук. — Ты выжила там, где выжить невозможно. Но здесь — не там. И если я задержалась на три часа, это значит всего лишь, что в лавке была очередь, или я встретила знакомую, или просто шла медленно, потому что любовалась закатом.

Она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни капли осуждения, только бесконечное, материнское терпение.

Йэфа говорила иначе.

Йэфа жила иначе.

И Тень, глядя на нее, вдруг поняла: она хочет этому верить. Хочет позволить себе хотя бы каплю той нормальности, о которой говорит эта светловолосая женщина.

На кровати завозилась Налла. Тоненько пискнула, требуя внимания. Ян что-то пробормотал во сне, переворачиваясь на другой бок. Тень шагнула к кровати, к детям. К тому единственному, что удерживало ее в этом мире, не давая сорваться в черную бездну окончательно.

Налла, учуяв ее, тут же успокоилась и снова засопела, поджав ножки. Тень поправила ей одеяло, потрогала лоб Яна — прохладнее, правда прохладнее, — и только после этого позволила себе выдохнуть.

Йэфа уже хлопотала у печи, разогревая ужин. Ее движения были неторопливыми, уверенными, домашними, а сама она тихо насвистывала веселую мелодию о красивом парне, полюбившем девчонку.

— Аса, иди есть, — позвала Йэфа и пододвинула миску с дымящейся похлебкой. — Завтра у нас трудный день. Яну зелье давать, Наллу купать, белье стирать. Пока ты не упорхнула на очередное задание, хоть поможешь мне!

Тень взяла ложку. Зачерпнула. Подула.

Похлебка обожгла рот, но она не обратила внимания. Ела быстро, механически, но взгляд то и дело уходил в сторону кровати, где спал Ян. Мальчик дышал тяжело, с присвистом, и этот звук резал слух острее, чем скрип несмазанного колеса.

Она отложила ложку. Пальцы задвигались в воздухе, останавливая Йэфу, которая уже собиралась подсесть к столу со своей миской.

«Ян пахнет не так. Мне не нравится этот запах».

Йэфа глянула на мальчика, на его покрасневшееся лицо, на взмокшие волосы, прилипшие ко лбу, и махнула рукой.

— Аса, да брось ты. Я ж тебе говорила, что в деревне выросла. Там дети на каждом шагу, у всех соседей по трое-четверо, и все болеют. Это нормально. У Яна хоть простые хвори, не какие-то там драконьи лихорадки.

Она присела на лавку, пододвинула к себе миску и продолжила, жуя:

— Ты вот посмотри на Наллу. За этот год она сколько раз уже переболела? Три? Четыре? Помнишь, как в позапрошлом месяце кашляла так, что ты думала, легкие выплюнет? А ничего,

выходили. И зелье тогда помогало, и травы, и просто время. Прекращай волноваться по пустякам!

Тень молчала. Смотрела на Йэфу, на ее спокойное, уверенное лицо, и чувствовала, как внутри ворочается глухое, непривычное сомнение.

Она не понимала в детях ничего.

Совсем.

В школе Фернуха не было детей. Там были только будущие мекешы, которых с первого дня учили терпеть боль и не плакать. Нет, когда они заболели, их лечили, но неизменно изолировали от других. Сама она не болела ни разу. Хотя родовая кровь в ней так и не проснулась, болезни обходили ее стороной.

Так что Йэфа, выросшая в деревне, где дети болели, выздоравливали, снова болели и снова выздоравливали, знала об этом больше. Намного больше.

Тень кивнула. Один раз. Коротко.

«Хорошо. Я тебе верю».

Йэфа улыбнулась, потрепала ее по руке. Жест, от которого Тень все еще внутренне вздрагивала, но больше не отдергивала руку.

— Вот и правильно. Ешь давай, а то остынет.

* * *

Тень проснулась от прикосновения.

Рука Йэфы, влажная и холодная, сжимала её плечо. В полумраке комнаты, где догорали последние угли в печи, её лицо казалось белым пятном, а глаза — двумя провалами, полными ужаса.

— Аса, — голос Йэфы сорвался на хриплый шепот. — Аса, вставай. С Яном... с Яном что-то не так.

Тень села рывком, сбрасывая остатки сна, как сбрасывают тяжелое одеяло. Сердце уже колотилось где-то в горле, но руки, привычные к опасности, двигались четко и быстро. Она шагнула к кровати, где спали дети, и замерла.

Ян не спал.

Он лежал на спине, запрокинув голову, и каждый вдох давался ему с таким трудом, что это было слышно даже сквозь шум водопада за стеной. Грудная клетка вздымалась судорожно, с хрипом, который рвал тишину на части. Губы мальчика посинели, а кожа на лице, еще вечером просто раскрасневшаяся, теперь приобрела тот страшный, восковой оттенок, который Тень видела только у мертвых.

Налла спала рядом, раскинувшись звездой, и не просыпалась.

— Я... я не знаю, что это, — Йэфа стояла позади, и голос ее дрожал, срывался, превращаясь в тонкое, испуганное всхлипывание. — Я думала, простуда, думала, пройдет, а он... он задыхается, Аса! Я не знаю, что делать!

Тень рванула к шкафу. Руки шарили по полкам, ища чистое платье Йэфы и то, во что можно было укутать Яна. Пока Йэфа судорожно одевалась, Тень аккуратно закутала мальчика в теплое одеяло.

«Отнеси его к лекарю. Беги!» — жест был таким резким, что Йэфа вздрогнула и, не сказав больше ни слова, подхватила сына и выскочила за дверь.

Тень осталась одна.

Она стояла посреди комнаты, глядя на дверь, за которой только что скрылась Йэфа с Яном на руках, и чувствовала, как внутри разрастается холодная, липкая пустота. Руки дрожали. Она сжала их в кулаки, но дрожь не проходила, поднималась выше, к локтям, к плечам, к самому сердцу.

«Это просто простуда», — шепнул рассудок голосом Йэфы. *«Дети болеют. Это нормально».*

«Он задышался», — ответил другой голос, тот, что никогда не врал. «Его губы синели. Он не мог глотать. Это не простуда».

Тень сделала шаг к кровати, где спала Налла. Опустилась на колени рядом, замерла, вглядываясь в маленькое личико. Налла дышала ровно, спокойно, чуть приоткрыв рот и поджав под себя ручонку. Обычный детский сон. Без хрипов, без надрыва, без этого страшного, раздирающего звука.

Тень протянула руку, коснулась лба девочки кончиками пальцев. Холодный. Слишком холодный? Нет, нормальный. Обычный. Такой, каким должен быть лоб здорового ребенка.

Она отдернула руку и замерла, прислушиваясь к себе. К своему дыханию, которое никак не желало становиться ровным. К сердцу, которое колотилось где-то в горле, перекрывая доступ воздуха. К мыслям, которые метались в голове, как обезумевшие птицы.

«А если это заразно?»

Мысль ударила внезапно, острой, ледяной иглой под ребра.

«А если Налла тоже заболеет? А если она уже заболела, просто еще не проявилось? А если...»

Тень заставила себя дышать. Глубоко. Медленно. Так, как учили в школе Фернуха, когда паника могла стоять жизни. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Не помогало.

Она снова коснулась лба Наллы. Потом шеи, там, где билась маленькая жилка. Потом прижалась щекой к груди девочки, слушая сердце. Ровное. Спокойное. Живое.

Налла завозилась во сне, недовольно сморщилась и оттолкнула ее руку, переворачиваясь на другой бок. Обычный, здоровый сон. Без страха, без боли, без этого проклятого хрипа.

Тень отстранилась, села на пол, прислонившись спиной к кровати, и уставилась в темноту.

Время тянулось медленно. Очень медленно. Каждая минута длилась час, каждый час — вечность. Тень сидела неподвижно, вцепившись пальцами в колени, и слушала. Слушала дыхание Наллы, шум водопада, тишину за дверью, в которую не возвращалась Йэфа.

Она думала о Яне.

О том, как впервые увидела его — сморщенного, красного, орущего во всю глотку в руках у Йэфы, которая тогда еще не улыбалась, а смотрела на мир загравленно и зло. О том, как он рос, как учился переворачиваться, сидеть, ползать, ходить. Как тянул ручонки к Налле, как они вдвоем возились на медвежьей шкуре, как хохотали, заливаясь, когда им было хорошо.

Ян не был ее кровью. Не был племянником, как Налла. Он был просто... чужим ребенком, которого она привела в свой дом вместе с его матерью. Который стал частью ее жизни, частью этого маленького мира за водопадом, частью всего, что она считала своим.

«Он не умрет», — приказала она себе. «Он не может умереть. Йэфа принесет его обратно, и он будет смеяться и бегать, и все будет хорошо».

Но другой голос, тот самый, что никогда не врал, молчал.

Он не мог сказать ей правду, потому что правды не знал никто.

Тень поднялась на ноги, подошла к окну. Вгляделась в темноту, туда, где за водопадом, за скалами, за лесом, был город. Там сейчас Йэфа бежала по ночным улицам с Яном на руках. Там сейчас какой-то лекарь боролся за его жизнь.

А здесь, в маленьком доме, спала Налла, и Тень не могла ничем помочь. Только ждать.

Она вернулась к кровати, снова опустилась на колени, снова коснулась лба девочки. Холодный. Нормальный. Живой.

Налла завозилась, открыла глаза, мутные со сна, и уставилась на Тень с недовольством.

— А-а-а, — требовательно сказала она, протягивая ручонки.

Тень подхватила ее, прижала к груди, чувствуя, как маленькое теплое тельце прижимается к ней, ищет защиты, ищет мать. Налла тут же сунула кулачок в рот и снова закрыла глаза, успокоенная знакомым ритмом сердца.

Тень сидела на полу, прижимая к себе девочку, и смотрела в темноту.

Она не плакала. Она вообще не умела плакать. Но внутри, там, где жила та самая человечность, которую она так старательно душила годами, что-то разрывалось на части от страха и бессилия.

«Пожалуйста, — думала она, обращаясь неизвестно к кому. К богам, в которых не верила. К судьбе, в которую не надеялась. К миру, который никогда не был к ней добр. — Пожалуйста, пусть с ним все будет хорошо. Пусть Ян выживет. Пусть Йэфа вернется. Пусть Налла не заболеет. Пусть...»

Она не знала, сколько просидела так, прижимая к себе спящую девочку и глядя в темноту. Может, час. Может, два. Может, вечность.

А потом за дверью послышались шаги. Тень вскочила, опуская Наллу на кровать, и замерла, вцепившись взглядом в дверь.

На пороге стояла Йэфа. Усталая, осунувшаяся, с красными от слез глазами. Ян спал у нее на руках. Дышал ровно. Лицо его было бледным, но губы порозовели, а грудь вздымалась спокойно, без хрипов и надрыва.

Йэфа прошла к кровати, бережно, словно он был сделан из тончайшего стекла, опустила сына на место рядом с Наллой. Поправила одеяло, подоткнула со всех сторон. Замерла на мгновение, глядя на спящих детей.

А потом села на пол, прямо у кровати, закрыла лицо руками и заревела.

Тихо, с надрывом, взхлеб. Плечи ее тряслись, сквозь пальцы текли слезы, падая на грубую ткань юбки. Она не пыталась сдерживаться, не пыталась казаться сильной. Просто сидела на полу и плакала, как плачут женщины, которые несколько часов держались из последних сил, а теперь, когда опасность миновала, позволили себе упасть.

Тень стояла у двери, скрестив руки на груди, и смотрела.

Налла спала. Ян спал. Йэфа плакала. В доме было тихо, только водопад шумел за стеной да всхлипывания разрывали эту тишину на куски.

Тень ждала. Минута. Две. Пять.

Плач не стихал. Йэфа раскачивалась вперед-назад, зажав рот ладонью, чтобы не разбудить детей, и слезы все текли, текли, текли, будто прорвало плотину.

Тень глубоко вздохнула. Потом резко оттолкнулась от косяка, подошла к столу, схватила огрызок карандаша и клочок бумаги. Написала. Развернулась и сунула записку прямо в лицо Йэфе, заслоняя ей весь свет.

Йэфа отняла руки от лица, шмыгнула носом, поднесла бумагу к глазам и прочла.

«Долго реветь собираешься?»

Она уставилась на Тень. В ее глазах, красных и опухших, мелькнуло что-то, похожее на возмущение. Потом обида. Потом снова слезы. Она судорожно вздохнула, полезла за пазуху, вытащила мятый, влажный платок и громко, по-бабьи, высморкалась.

— Ты... ты не понимаешь, — голос ее сорвался на хриплый шепот. — Я думала... я думала, он...

Она снова всхлипнула, прижимая платок к лицу. Тень стояла над ней, не двигаясь. Ждала.

Йэфа отняла платок, посмотрела на сына, потом снова на Тень, и выдохнула. Должно, тяжело, будто выдавливала из себя признание, о котором не знала сама до сегодняшней ночи.

— Я не знала, — сказала она тихо. — Я... я правда не знала, Аса.

Тень склонила голову, глядя на нее с немым вопросом.

Йэфа закусила губу, пытаясь унять дрожь.

— В ночлежке... там все болели. Все время. Кашель, насморк, жар, понос — у всех, каждый месяц. Я думала, Ян просто... просто такой же, как все. Слабенький просто. Недоедал, мерз, как и все мы. Я думала, когда у нас будет тепло и еда, он... он перерастет.

Она замолчала, глотая слезы.

— А сегодня лекарь сказал... — голос ее сорвался, пришлось остановиться, перевести дух. — Он сказал, что Ян таким родился. С легкими что-то не так. Я не поняла толком, он долго объяснял, слова мудреные... но суть... суть...

Йэфа замолчала. Смотрела на сына, и слезы текли по ее щекам, падали на грудь, на руки, на пол.

Тень ждала.

Потом шагнула к столу. Карандаш заскрипел по бумаге.

«Он умрет?»

Йэфа посмотрела на записку, и слезы хлынули с новой силой. Она закусила губу, замотала головой, но кивнула. Потом все-таки выдавила из себя, задышавшись:

— Если ничего не делать... да. Не завтра. Не через месяц. Но... — она снова высморкалась, судорожно, прерывисто. — Лекарь сказал, это можно исправить. Нужна операция. Настоящая, с магией. Чтобы... чтобы легкие расправить, лишнее убрать, поставить все как надо.

Тень замерла.

Операция.

Она видела, что делают с ранеными после битв. Это было страшно. Кровь, крики, запах прижигаемого мяса. А Ян — он такой маленький и слабый.

— Он сказал, такие операции делают, — продолжала Йэфа, вытирая слезы. — Не здесь, конечно. В столице есть лекари, которые умеют. Но это дорого. Очень дорого. А после операции еще понадобится еще лечение. Месяца три-четыре. Может полгода. Зелья, заклинания, постельный режим. Тоже деньги. И все это время нельзя пропускать, нельзя останавливаться, иначе...

Она не договорила.

Тень смотрела на нее. Ждала главного.

Йэфа шмыгнула носом, собралась и выпалила:

— Полторы тысячи. За операцию. И еще после по сто пятьдесят руделов на зелья и лечение каждый месяц. В общей сумме может получится две с половиной тысячи руделов. Они могут уступить немного, но...

Она замолчала, глядя на Тень с отчаянием.

— Аса, у меня нет таких денег. У меня вообще нет денег. Ты нас приютила, ты нас кормишь, ты... — она всхлипнула, задышавшись. — Я готова работать день и ночь, я буду стирать, убирать, но две тысячи руделов — это...

Тень стояла неподвижно.

Две тысячи.

У нее было отложено на лавку около тысячи. Еще полторы тысячи она смогла бы заработать за полгода непрерывной работы. За полгода самых опасных заданий, где каждый выход мог стать последним. За полгода, в течение которых Налла будет видеть ее урывками, по два-три дня между заказами.

Ирония была в том, что заказы были не всегда.

Две с половиной тысячи руделов. А потом — выздоровевший Ян.

Она посмотрела на мальчика. На его бледное личико, на ручонку, сжимающую край одеяла, прислушивалась к ровному, спокойному дыханию.

Потом перевела взгляд на Наллу. На свою племянницу, ради которой она пережила ад, сбежала от Фернуха, убивала, рисковала, пряталась. Наллу, которая спала сейчас рядом с Яном, подложив ладошку под щеку, доверчивая и беззащитная.

Йэфа смотрела на нее снизу вверх, с пола, и в ее глазах застыла такая мольба, такое отчаяние, такая надежда, что у Тени внутри все перевернулось.

Тень шагнула к столу. Еще один листок. Еще одна фраза.

«Лекарь надежный?»

Йэфа заморгала, не веря своим глазам. Потом быстро закивала, размазывая слезы по щекам.

— Да! Да, он в городе сорок лет работает, у него вся беднота лечится, потому что он берет недорого и никогда не обманывает! Он... он сказал, если решимся, он сам все организует, свяжется со столичными, договорится о цене...

Тень кивнула. Один раз. Коротко.

Потом пальцы ее задвигались в воздухе, четко, требовательно, не терпя возражений.

«Готовь его. Тысяча у меня есть сейчас, заплачу сразу, на остаток пусть договориться о рассрочке».

Йэфа уставилась на нее. Прочла. Подняла глаза, полные слез, и в них вспыхнуло что-то, чему Тень не знала названия.

— Аса... — выдохнула Йэфа. — Где ты собралась взять такие деньги?

«Я соглашусь на предложение генерала»

Глава 8. Цена выбора

Калаэн откинулся на спинку походного кресла и уставился в одну точку на карте, разложенной перед ним. Точка эта была ничем не примечательна. Просто развилка дорог в двадцати милях отсюда, где позавчера его авангард нарвался на свежие силы ахнастанцев. Не разгром, нет. Но неприятно.

Он потер переносицу, прогоняя усталость. Третьи сутки без нормального сна. Третьи сутки он ломал голову над тем, как пробить эту стену.

«Если бы она была здесь...»

Мысль приходила каждый раз, когда он смотрел на донесения разведки. Скучные, обрывочные, часто противоречивые. Обычные люди делали обычную работу. Они не могли проникнуть в стан врага, не могли выкрасть планы, не могли взорвать склад с боеприпасами, потому что теперь лагерь охранялся так, что муха не пролетит.

Ахнастанцы учились быстро. После того, как Тень лишила их артиллерии, они выставили посты с магами, настроенными на обнаружение скрытности. Калаэн знал это, потому что двоих его лучших лазутчиков принесли назад в мешках.

Он снова посмотрел на карту.

Шесть месяцев. Если бы она согласилась, через шесть месяцев они могли бы стоять под стенами Ахнастана. С такими темпами, с такой поддержкой, с возможностью бить точно и наверняка — это было реально.

А теперь... теперь война снова превращалась в позиционную мясорубку. Окопы, вылазки, бессмысленные атаки на укрепленные позиции, где каждый шаг стоил крови.

— Ваша светлость, — голос Хагерта выдернул его из размышлений. Полковник стоял на пороге шатра с помятым лицом человека, который не спал всю ночь. — Донесения с восточного фланга.

— Читайте, — Калаэн не поднял головы от карты, но краем глаза следил за выражением лица заместителя.

— Ахнастанцы подтянули резервы. Один новый полк и... артиллерию. Новые пушки, ваша светлость. Много.

Калаэн медленно выпрямился.

— Сколько?

— По нашим данным, не меньше двенадцати стволов. Легкие полевые, но для обороны хватит. Если они успеют закрепиться на восточных высотах...

— То наше наступление захлебнется, — закончил Калаэн. Голос его звучал ровно, но внутри все сжалось в тугую, холодный узел.

Он смотрел на карту, на отмеченные позиции врага, на стрелы предполагаемых ударов, и понимал одну простую, неприятную вещь: без Тени они увязнут здесь надолго. Месяцы позиционной войны, тысячи новых смертей, а потом, возможно, и отступление. Все, чего они добились за эту неделю — весь этот блистательный рывок, вся эта надежда — могло рассыпаться в прах.

Двенадцать пушек. Свежий полк. И никакой Тени, которая могла бы тихо, бесшумно, одним ударом решить проблему раз и навсегда.

— Что с нашими запасами? — спросил он, уже зная ответ.

— На три недели активных боев, ваша светлость. Потом — либо перемирие, либо отступление.

— Отлично, — Калаэн усмехнулся, коротко и безрадостно. — Просто великолепно.

Хагерт появился, но спросил то, что вертелось на языке у всех офицеров:

— А... Тень, ваша светлость? Может, она согласилась бы на разовый заказ? За отдельную плату?

Калаэн покачал головой.

— Она отказалась от контракта, Хагерт. Отказалась наотрез. Исчезла. И вряд ли вернется.

Он не говорил это с обидой. Смысл обижаться? Тень была свободным агентом, и она сделала свой выбор. А у него была армия, которую нужно кормить, и война, которую нужно выигрывать.

— Будем работать с тем, что есть, — сказал он, возвращаясь к карте. — Усильте разведку. Найдите слабые места в их обороне. И молитесь всем богам, чтобы интенданты не подвели со снабжением.

Хагерт козырнул и вышел.

Калаэн остался один. Смотрел на карту, представляя, где расположат эти проклятые двенадцать пушек, на линию фронта, которая застыла в двадцати милях от вражеской границы, и думал о том, что могло бы быть.

— Дурак, — сказал он себе вслух. — Чего ты от нее ждал?

Дракон внутри согласно рыкнул. Чего он ждал? Преданности? Благодарности? Желания служить?

Она была мекешем. Бывшим мекешем, который чудом вырвался из лап Фернуха. И после этого он предлагал ей снова надеть ошейник? Пусть золотой, пусть с бархатной подкладкой, но ошейник?

Он сам не заметил, как провалился в тяжелый, тревожный сон прямо за столом, уронив голову на скрещенные руки.

* * *

Проснулся он от странного, почти неуловимого ощущения чужого присутствия.

Рука автоматически легла на эфес шпаги. Глаза открылись мгновенно, без перехода. В шатре было темно. Ночник давно погас, и только первые лучи рассвета пробивались сквозь щели в пологе.

И в этом полумраке он увидел ее.

Тень стояла, прислонившись бедром к его столу, сложив руки на груди. Все та же темная одежда, все та же маска, скрывающая лицо, все те же черные глаза в прорезях, смотрящие на него с непроницаемым спокойствием.

Калаэн замер. Потом моргнул. Потом еще раз. Она не исчезла.

Несколько долгих секунд он просто смотрел на нее, пытаясь понять, реален ли этот образ, или это продолжение сна. Сердце колотилось где-то в горле, но не от страха. От чего-то другого. От того, чему он не мог подобрать названия.

— Вы... — голос его сорвался, пришлось откашляться. — Вы здесь.

Она не шелохнулась. Только чуть склонила голову в едва уловимом кивке.

Калаэн медленно поднялся из-за стола, не сводя с нее взгляда. В голове проносились обрывки мыслей, одна безумнее другой. Вернулась. Почему? Зачем? Что случилось?

А потом, повинувшись какому-то странному, почти мальчишескому порыву, он усмехнулся. Криво, но искренне.

— Я надеюсь, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал легко и шутливо, хотя внутри все дрожало от напряжения, — что не стал вашим заказом.

Тень смотрела на него несколько мгновений, и в ее глазах, он готов был поклясться, мелькнуло что-то, очень похожее на смех. Потом ее рука скользнула под одежду, достала знакомую стопку листов, перебрала их и протянула ему один.

Калаэн взял записку. Развернул. Почерк был все таким же четким, изящным, без единой помарки:

«Если бы вы стали моим заказом, вы бы об этом не узнали».

Он выдохнул. Усмешка стала шире.

— Это утешает, — сказал он, откладывая листок. — Признаться честно, я думал, что больше вас не увижу.

Она чуть повела плечом — жест, который можно было истолковать как угодно. Потом снова протянула ему листок.

«Я передумала насчет контракта».

Калаэн поднял на нее взгляд. Растерянный. Непонимающий. Потом снова уставился в записку, будто надеялся, что буквы сложатся во что-то другое.

— Но... — начал он. — Позавчера вы отказались. Наотрез.

Тень смотрела на него. Ждала.

— Что изменилось? — вырвалось у него прежде, чем он успел подумать, уместно ли спрашивать.

Тень не шелохнулась. Только глаза ее, эти черные, бездонные глаза, стали на мгновение... другими. Калаэн не мог объяснить, как именно. Но ему показалось, что в них мелькнула тень боли. Или страха. Или чего-то такого, что не должно появляться в глазах того, кто взрывает вражеские склады и приносит в мешках головы предателей.

Она не ответила. Просто протянула ему еще один листок.

«Условия остаются в силе?»

Калаэн смотрел на этот вопрос, и внутри него боролись два чувства. Первое — чисто деловое, командирское: она согласилась! Наконец-то! Теперь можно возобновить наступление, теперь можно бить врага наверняка, теперь...

Второе было сложнее. Оно касалось той минуты в повозке, когда он увидел ее спящей. Беззащитной. Просто уставшей девочкой, которой в этом мире неоткуда было ждать помощи, кроме как от самой себя.

Что-то заставило ее передумать. Что-то серьезное. Настолько серьезное, что она переступила через свою гордость, через свою ненависть к любым обязательствам, через свой страх.

— Условия остаются в силе, — сказал он, и голос его прозвучал ровно, хотя внутри все клокотало от вопросов. — Четыреста руделов в месяц. Паёк, обмундирование, отдельная палатка. Право на отказ от заданий, которые сочтете неприемлемыми. И... — он сделал паузу, — личная благодарность короля после победы.

Тень кивнула. Один раз. Коротко. Деловито.

Калаэн уже открыл рот, чтобы закрепить согласие, но Тень, не дав ему произнести ни слова, решительно протянула следующий листок. И еще один. И еще. Три листка легли на стол перед генералом веером.

Он перевел взгляд с нее на бумагу и начал читать. Первый листок был самым коротким:

«Мои условия:»

Калаэн хмыкнул про себя. «Ну конечно. Не просто так она передумала». Он взял второй листок.

«Вы покупаете хороший земельный участок. Рядом со столицей, с плодородной землей, который можно будет сдавать в аренду под аграрные нужды. Оформляете на свое имя.»

Калаэн поднял бровь. Земля? Аграрные нужды? Он ожидал чего угодно: требований магической защиты, редких ингредиентов, даже убежища. Но участок под пашню? Это было настолько неожиданно, что он на мгновение растерялся.

Он взял третий листок. Этот был длиннее.

«Вы придерживаете этот участок на случай, если я умру. Я составляю письменное распоряжение, заверенное магически. В нем будет сказано, что в случае моей смерти участок переходит к тому, кто предъявит это распоряжение. Вы не задаете вопросов. Просто оформляете дарственную и забываете.»

Калаэн перечитал последние строки. Простая, четкая, циничная схема. Кто-то, кому она хочет передать этот участок. Родственник? Друг? Тот единственный человек в этом мире, которому она доверяет настолько, что готова обеспечить его будущее ценой собственной жизни?

Он поднял на нее взгляд. В ее черных глазах не было просьбы. Был холодный, расчетливый торг.

— Это разумно, — сказал он тихо, и в его голосе не было ни капли той легкой шутливости, с которой он встретил ее совсем недавно. — Я сделаю.

Он помолчал, быстро прикидывая расходы. Участок рядом со столицей, да еще с плодородной землей — удовольствие не из дешевых. Но он Глортейн, у него есть и имя, и деньги.

— Сколько стоит участок, который вас устроит?

Тень смотрела на него. Потом она достала карандаш и нацарапала на новой записке новое послание.

«Пятьсот. Шестьсот. Выбирайте сами. Я пока разбираюсь в земле не лучше, чем в балетных па».

Калаэн усмехнулся. Балетные па. Интересно, откуда она вообще знает такие слова? Впрочем, неважно.

— Хорошо. Только стоять это будет не шестьсот руделов. Деньги мои, разумеется?

Тень кивнула. Один раз. Коротко.

Он вздохнул. Две тысячи руделов сверху к ежемесячным четыремстам. Не мало.

Ее рука снова скользнула к стопке, и на стол перед Калаэном лег еще один листок. Последний. Судя по всему, самый важный.

Он развернул его. И прочел:

«И даже не вздумайте торговаться. Такие же услуги, которые я буду вам оказывать, у Фернуха встали бы не в жалкие 400 руделов в месяц, а в тысячи. И это без гарантии, что завтра он не перепродаст ваши секреты врагу. Так что, Ваша Светлость, не жлобитесь. Я знаю себе цену.»

Калаэн смотрел на записку. Потом перевел взгляд на Тень. Та стояла, скрестив руки на груди, и в ее позе читалось такое непоколебимое спокойствие, такая уверенность в своей правоте, что он вдруг расхохотался.

Громко, искренне, запрокинув голову, как не смеялся уже много месяцев. Хагерт за пологом, наверное, решил, что генерал спятил. Но Калаэн не мог остановиться. Эта дерзкая фраза «не жлобитесь», написанная женщиной, которая только что фактически призналась, что готовится к смерти, но при этом торгуется за каждый рудель с яростью столичного купца — это было так дико, так нелепо и так прекрасно, что он просто не мог не рассмеяться.

Отсмеявшись, он вытер выступившие слезы и посмотрел на нее с новым, совершенно другим выражением. В его глазах плясали веселые искры.

— Договорились, — сказал он, все еще улыбаясь. — Не жлоблюсь. Четыреста, как и обещал, плюс участок за мой счет, плюс полное соблюдение вашей последней воли. Вы — самая дорогая и, подозреваю, самая эффективная наемница в истории этого королевства.

Он протянул ей руку. Не для того, чтобы пожать. Он помнил, что она не выносит прикосновений. А просто как жест, скрепляющий сделку.

— По рукам?

Тень посмотрела на его протянутую ладонь. Потом медленно, очень медленно, подняла свою руку в перчатке и на мгновение прикоснулась кончиками пальцев к его пальцам. Легко, почти невесомо. И тут же убрала.

Но этого короткого касания было достаточно. Калаэн почувствовал тепло от её мимолетного прикосновения даже сквозь ткань перчатки. И усмехнулся своим мыслям. Сентиментальность, не к месту и не ко времени.

Калаэн убрал руку и деловито кивнул на карту, все еще разложенную на столе.

— Тогда, раз уж вы здесь, может, сразу к делу?

Он видел, как она замерла, ожидая продолжения.

— То, что вы сделали с их складом... — Калаэн позволил себе короткую, одобрительную усмешку. — Это было гениально. Самовольно, дерзко, но гениально. Я, как ваш командующий, не потерплю, чтобы вы действовали за моей спиной, рискуя своей жизнью и жизнью моих солдат без приказа. Но инициативу... — он сделал паузу, и в его серых глазах мелькнул тот самый смешливый огонек, который она уже видела в повозке, — ... я готов поощрять. В разумных пределах.

Калаэн говорил, а сам поймал себя на странном, двойственном чувстве. С одной стороны, он ощущал чистое, почти мальчишеское удовольствие от того, что эта невероятная женщина теперь с ним, по эту сторону баррикад. С другой — холодок в затылке, тот самый, что появлялся у него перед засадой.

Он уже открыл рот, чтобы продолжить, но слова застряли в горле.

А стоит ли?

Мысль пришла внезапно, острая, как лезвие ее кинжала. Он смотрел на ее неподвижную фигуру, на черные глаза, внимательно изучающие карту, и впервые за этот разговор позволил себе задуматься о доверии.

Она была бывшим мекешем. Человеком, которого с детства учили предавать, убивать и не чувствовать. Да, она сбежала от Фернуха. Да, она водила его за нос и работала на тех, кто платил. Но что он знал о ней на самом деле? Только то, что она очень хороша в своем деле. И то, что у нее есть кто-то, ради кого она готова торговаться за клочок земли.

Этого было слишком мало для того, что он собирался ей предложить.

Заговор. Настоящий, с корнями, уходящими в самое сердце Дастрии. Король поделился с ним информацией, о которой не знал никто. Даже Микаэль, его правая рука, был в курсе лишь общей канвы: заговор есть, король поручил расследовать его Калаэну. Точки над «i» не расставлялись. Имена не назывались. Масштабы не обсуждались.

А теперь он стоял здесь, в полутьме своего шатра, и размышлял о том, чтобы впустить в эту тайну женщину, которую знал от силы неделю.

Безумие.

Но холодный, расчетливый разум полководца тут же подкинул контраргумент. У него не было выбора. Армия завязнет с наступлением на месяцы. А пока он здесь, в столице будут плестись интриги, воровать золото и сливать информацию. И кого он сможет послать для расследования? Хагерт был отличный штабист, но не сыщик. Микаэль, конечно, умен, но слишком заметен. Королевские дознаватели... кто даст гарантию, что они сами не часть заговора?

Ему нужен был тот, кто пройдет сквозь любую охрану и вытащит тайну из-под земли.

Ему нужна была она.

Калаэн сжал челюсть, принимая решение. Риск был колоссальным. Если она окажется не той, за кого себя выдает, если ее все еще тянет к Фернуху, если она просто ждала момента, чтобы продать подороже информацию о королевском расследовании... Он представил себе последствия. Провал. Скандал. Крах.

Но если она справится...

Он перевел взгляд с карты на ее лицо, скрытое маской. Вспомнил, как она спала в повозке — беззащитная, уставшая, совсем девчонка. Вспомнил, как вернулась, переступив через свою гордость, чтобы попросить помощи. Вспомнил записку про участок, которая была одновременно и циничной сделкой, и отчаянной попыткой обеспечить будущее кому-то дороговому.

Такие не предают. По крайней мере, не за деньги.

— Наступление мы обсудим позже, — сказал он вдруг. Голос его звучал ровно, но внутри все еще боролись сомнения. — Есть кое-что поважнее.

Тень подняла на него взгляд. Вопросительный. Настороженный.

Калаэн отошел от стола, к походному сейфу, вмонтированному в опорную балку шатра. Несколько точных поворотов ключа, и тяжелая дверца со щелчком отворилась. Он извлек из него конверт из плотной бумаги, с личной королевской печатью — серебряным драконом на алом воске. Подержал его в руке, словно взвешивая не только бумагу, но и собственное решение.

— Это письмо от короля, — сказал он, не оборачиваясь. — Личное. Его содержание не знает никто. Даже Микаэль, даже Хагерт. Только я и Его Величество.

Он повернулся и протянул конверт Тени. Их взгляды встретились. В его серых глазах застыл вопрос, который он не решался задать вслух: «Стоит ли? Не пожалею ли я об этом завтра?»

— Прочтите, — приказал он тихо.

Тень приняла конверт. Пока она читала, Калаэн не сводил с нее взгляда, ловя каждое ее движение, каждый вдох. Он знал, что сейчас решается, сможет ли он доверять ей настолько, чтобы спасти королевство. Или же совершит самую глупую ошибку в своей жизни.

Тень дочитала письмо до конца. Еще раз пробежалась глазами по особо важным строкам, где король жаловался на задержки финансирования и странную осведомленность врага о решениях, принятых в узком кругу доверенных лиц. Аккуратно сложила лист, вернула его в конверт и протянула Калаэну.

Он принял письмо, спрятал обратно в сейф, запер. Повернулся, ожидая реакции. Любого жеста, новой записки, вопроса.

Тень обвела взглядом шатер, нашла на углу стола стопку чистой бумаги, взяла лист и огрызок карандаша, который всегда лежал рядом с чернильницей. Присела к столу — впервые за все время их знакомства она позволила себе сесть в его присутствии, — и начала писать.

Калаэн ждал. Стоял, скрестив руки на груди, и смотрел, как движется ее рука в перчатке, выводящая ровные, четкие строки. Тишина в шатре стала какой-то особенной, напряженной. Только карандаш шуршал по бумаге да где-то далеко перекликались часовые.

И с каждой секундой этого ожидания в нем нарастало глухое, знакомое раздражение.

Нет. Так дело не пойдет. Он командующий армией. У него нет времени сидеть и ждать, пока кто-то напишет ответ, потом ждать, пока он прочтет, потом снова ждать, пока напишут следующий. В бою счет идет на секунды, которые могут стоить жизней.

Она, конечно, не виновата, что не может говорить. Но это не отменяло факта: такая коммуникация — роскошь, которую они не могут себе позволить.

Тень, словно почувствовав его настроение, подняла голову от бумаги. Их взгляды встретились. В ее черных глазах мелькнуло что-то, похожее на понимание. Или насмешку? Она снова уткнулась в листок, дописала последние слова и протянула ему.

«Решить вопрос можно. Но это будет не быстро. Внедрение в круг, поиск утечек, отслеживание финансов — недели. Если повезет».

Он кивнул, принимая информацию, и тут же заговорил, пока раздражение не переросло в нечто большее:

— Я понимаю. И именно поэтому нам нужно четко расставить приоритеты. — Он шагнул к карте, ткнул пальцем в позиции врага. — Наступление не менее важно, чем заговор. Если мы увязнем здесь, в столице можно будет вести расследование хоть до второго пришествия Первого Дракона. Нам это уже не поможет. Армия должна двигаться.

Он перевел дыхание, собираясь с мыслями.

— Пока не будет срочных заданий здесь, вы будете в столице, штаб справится без вас. Хагерт, Микаэль, разведка знают и делают свою работу. Не так блестяще, как вы, но делают. Поэтому, пока вы не будете нужны на фронте, вашей задачей становится столица. Все, что касается этого письма. — Он кивнул на сейф. — Я постараюсь обеспечить вам быструю доставку.

Будут нужны документы, люди, связи в определенных кругах — сообщайте. У меня есть ресурсы, о которых не знает даже король.

Тень слушала, не перебивая. Когда он закончил, уголок ее губ, скрытый маской, дрогнул. Она усмехнулась. Коротко, беззвучно, но Калаэн почему-то был уверен: это была усмешка.

А потом она сделала то, от чего у него перехватило дыхание.

Тень плавно поднялась со стула, отошла в центр шатра, где было чуть больше свободного пространства, и подняла руку. Пальцы ее сложились в замысловатый жест, губы под маской беззвучно шевельнулись — и воздух перед ней пошел рябью.

Прямо посреди шатра, на расстоянии вытянутой руки от походного стола с картами, начала раскрываться сияющая серебром арка. Края ее пульсировали магией, воздух звенел от напряжения, а в центре проступило изображение — тихая, пустынная улочка, мощенная булыжником, с облупившимися стенами старых домов и одиноким фонарем на углу.

Портал.

Настоящий, стабильный портал.

Калаэн присвистнул. Громко, по-солдафонски, не сдерживая изумления.

— Крег вас дерит! — вырвалось у него прежде, чем он успел подумать, уместно ли ругаться в присутствии дамы.

Тень обернулась к нему. В ее черных глазах плясали смешинки. Она чуть повела плечом — ну, дескать, невелика хитрость.

— Пойдите! — Калаэн шагнул к ней, все еще не веря своим глазам. — Это же... на создание портала нужно несколько минут и немалая концентрация! А вы...

Он осекся, понимая, что несет чушь. Тень замерла на пороге, на самом краю сияющей арки. Обернулась. Ее рука скользнула под одежду, достала уже знакомую стопку. Быстро написала на одном из них, и записка перекочевала к нему в руку.

«Когда твоя жизнь зависит от скорости, учишься делать все быстро. Очень быстро. Фернук хоть и порядочная мразь, но на обучение для мекшей денег не жалел. Мы не только убивать умеем. Это заклинание... я четыре года занималась весьма интересным исследованием в области магии, и случайно узнала об этом заклинании. Потребовалось всего лишь несколько месяцев практики».

Калаэн поднял на нее взгляд. Несколько месяцев. Она потратила несколько месяцев на то, чтобы сократить время создания портала с минут до секунд. Блестяще!

Тень плавным движением руки сложила пальцы в обратном жесте. Сияющая арка дрогнула, сжалась и исчезла с тихим, почти нежным хлопком, оставив после себя только легкий запах озона.

Тень вернулась к столу. Взяла новый листок, написала что-то и протянула ему.

«Часто так делать, увы, не получится. Трюк эффектный, но резервов жрет не шуточно. На каждый рывок через полстраны мне потом восстанавливаться полдня. Так что для экстренных случаев подойдет. Но не для ежедневных поездок на рынок».

Калаэн выдохнул. Станным образом это признание ее уязвимости действовало успокаивающе. Значит, не богиня. Значит, тоже человек. Тоже считает силы.

— Все равно впечатляет, — сказал он честно. — Я даже не знаю никого из боевых магов, кто способен на такое.

Тень склонилась над картой и повела рукой, дескать: «Так о чем мы там говорили? Про наступление?»

Калаэн тряхнул головой, прогоняя остатки изумления, и ткнул пальцем в карту.

— Да. У меня тут нарисовалась небольшая проблема в виде двенадцати новых вражеских пушек... Мне нужно, что-то придумать в ближайшие три дня, пока враг не подтянул к ним достаточное прикрытие. Варианты?

Ее темные глаза в прорезях маски внимательно изучали линии укреплений и отмеченные позиции врага. Дракон внутри довольно рыкнул и расправил крылья. Ему определенно нравился этот союзник.

Калаэн смотрел на нее и думал о том, что только что потратит две тысячи руделов на участок, который никогда не увидит, и стал хранителем чужой тайны, о которой никогда не спросит. И о том, что эта странная, молчаливая, невероятная женщина только что согласилась рисковать своей жизнью за четыреста руделов в месяц и клочок пашни, который достанется кому-то другому, если она погибнет.

Он усмехнулся своим мыслям и ткнул пальцем в карту.

— Вот здесь они собираются установить батареи. Если успеют...

Тень слушала. И Калаэн, глядя на ее сосредоточенный профиль, скрытый маской, еще не знал одной простой вещи: он только что заключил самую важную сделку. Сделку, которая перевернет его мир, перемелет в жерновах судьбы, и, собрав себя по частям, он уже не будет прежним.

Визуалы (кому не нравится, может не смотреть)

Тут я покажу героев такими, какими их вижу я. Мнение автора с мнением читателей может отличаться, и это нормально.

Тень (Аса)

генерал-дракон Калаэн Глортейн

полковник Илон Хагерт

Полковник Луас Микаэл

Йэфа

Глава 9. Сквозь строй

Слух разнесся по лагерю быстрее, чем пожар по сухостою.

Тень поняла это, едва выскользнув из шатра после совещания с генералом и остальными офицерами. Воздух, обычно наполненный равнодушным гомоном солдатни, сейчас вибрировал иначе. В нём появилась та особая, липкая тишина, какая бывает, когда сотни пар глаз одновременно косятся в одну точку, делая вид, что смотрят в другую.

Она сделала первый шаг по направлению к интендантским палаткам. И сразу же, словно по мановению дирижерской палочки, десятки разговоров вокруг стихли, чтобы тут же возобновиться с фальшивым оживлением.

— ...а я ему говорю, крупу надо завозить, а он...

— ...лошадь захромала, коваля звали...

— ...погода нынче, а?

Тень шла, глядя прямо перед собой, стараясь держать спину ровно и шаг уверенным. Под плотной тканью рубашки от напряжения предательски потекла струйка пота.

Глаза.

Они были везде. Из-за каждой палатки, из-за каждого костра, из каждого случайного разрыва в толпе. Солдаты, чистившие амуницию, замирали с щетками в руках, провожая её взглядом. Повара у полевых кухонь забывали про свои котлы, и только окрик старшего возвращал их к реальности. Группа молодых офицеров, стоявших у штабной карты, вразнобой замолчала, когда она проходила мимо, и тишина эта была красноречивее любых слов.

Тень чувствовала себя так, будто идет сквозь строй.

Не враждебный, нет. Здесь не было той особенной, въедливой вони, которую источает толпа, готовая разорвать жертву. Здесь пахло иначе. Жадным любопытством. Осторожной оценкой. Тем самым вниманием, от которого внутри, там, где полагалось быть холодной пустоте, становилось неуютно и тревожно.

Ей это не нравилось. Совсем.

«Какого крега они вылупились?» — мысль пульсировала в висках в такт шагам. *«Я же не диковинный зверь».*

Она свернула за угол большой парусиновой палатки, надеясь на мгновение скрыться от чужих взглядов, и едва не столкнулась с группой солдат, грузивших какие-то ящики на повозку.

Увидев её, один из них, молодой парень с рыжими вихрами, торчащими из-под шапки, так оторопел, что выпустил из рук тяжелый ящик. Тот с глухим стуком рухнул прямо ему на ногу.

— А-ай, мать твою! — взвыл парень, хватаясь за ушибленную конечность и начиная скакать на одной ноге, рассыпая проклятия на все лады. — Да чтоб тебя! Чтоб тебя разорвало!

Товарищи его заржали, но быстро затихли, когда поняли, что именно (точнее, кто именно) стало причиной происшествия. Рыжий, забыв о боли, уставился на неё во все глаза, и в этом взгляде читалось то же самое, что и у всех: любопытство, смешанное с чем-то вроде благоговейного ужаса.

Тень скользнула взглядом по его ноге. Сильно ушиб, но не сломано. Пройдет. И, не сказав ни слова, зашагала дальше, оставляя за спиной притихшую компанию.

Интендантские палатки нашлись в глубине лагеря, подальше от штабной суеты. Перед одной из них, самой большой, с натянутым между кольями брезентовым навесом, уже маялась добрая дюжина денщиков и каптенармусов.

Тень замерла на мгновение, оценивая ситуацию. Стоять в очереди, чувствуя на себе десятки взглядов, казалось пыткой, изощреннее фернуховских. Но и уйти, вернуться к генералу с пустыми руками значило признать слабость.

Тень подошла, остановилась в нескольких шагах от хвоста очереди и замерла, ожидая. Десяток голов повернулся к ней одновременно, как по команде. Десяток пар усталых, любопытных, настороженных глаз уставился на неё в упор.

Тень выдержала этот взгляд. Стояла неподвижно, сложив руки на груди, и ждала. Вокруг зашептались.

— ...та самая?..

— ...в маске, гляди...

— ...точно она

— ...и чего надо?

— ...палатку, небось, получать. Свою отдельную, говорят...

Шепотки ползли, как змеи, обвивали со всех сторон, лезли в уши. Тень не шевелилась. Только смотрела прямо перед собой, на затылок впереди стоящего денщика, и считала про себя. Один. Два. Три. Четыре.

Спокойствие. Только спокойствие. Она здесь на законных основаниях. У неё есть бумага с генеральской подписью. Она имеет право стоять в этой очереди, как и все.

«*Мекешей в жизни, что ли, не видели?*» — раздраженно подумала она, а потом чертыхнулась на собственную глупость! Конечно, не видели! Вряд ли бы тогда стояли тут живые и глазели!

Очередь двигалась медленно. Каждый, получив своё, прежде чем уйти, обязательно обобщивался и ещё раз смотрел на неё с тем же жадным, оценивающим любопытством. Тень чувствовала эти взгляды кожей, но не позволяла себе ни одного лишнего движения.

Наконец подошла её очередь. Она шагнула к окошку, за которым восседал заросший до бровей интендантский писарь, и положила перед ним бумагу.

Писарь глянул на подпись. Потом на неё. Потом снова на подпись. Глаза его медленно округлялись.

— Т-так... — пробормотал он. — Значит, вам... палатку, значит, отдельную... и всё прочее...

Он заметался, сгрёб со стола какие-то бумаги, зачем-то переложил их на другое место, потом снова сгрёб. Очередь за его спиной затаила дыхание, наслаждаясь представлением.

— Сейчас... сейчас...

Писарь нырнул под прилавок и принялся с грохотом выкидывать наружу предметы: туго скатанный брезент, связку колышков, тяжелый чугунок, кружку, ложку, мешок, набитый соломой — тот самый, что должен был стать её постелью. Всё это росло грудой у её ног, а писарь всё лез и лез, вытаскивая, кажется, всё, что попадалось под руку.

Тень смотрела на растущую гору вещей и чувствовала, как под маской начинает подзрительно подергиваться глаз. Как она донесет всё это до места своей новой палатки? Сколько ходок придется сделать, таская на себе этот скарб, пока вся армия будет пялиться?

— Эй, любезный! — окликнул писаря кто-то из очереди. — Ты ей ещё и коня в придачу выдай!

Несколько человек хохотнули. Писарь замер на мгновение, высунулся из-под прилавка, посмотрел на говорившего с искренней растерянностью, потом снова нырнул обратно и вытащил... мешок овса.

— На! — выдохнул он, водружая его на вершину груды. — Лошадям прикорм. А коня... коня у интендантской службы запрашивать не положено.

Очередь грохнула. Тень стояла, глядя на гору вещей у своих ног, и чувствовала, как краска заливает щеки под маской.

«Прекрасно, — подумала она. — Просто прекрасно. Теперь я ещё и посмешище».

Но ничего не поделаешь. Она присела на корточки, быстро, профессионально оценивая масштаб бедствия. Мешок овса? Кому она, в конце концов, будет сыпать этот овес? Полевым мышам?

Она решительно отодвинула его в сторону. Писарь, наблюдавший за ней из окошка, вытянул шею.

— Эт... это чего же? Не надо, что ли?

Тень покачала головой. Один раз. Коротко.

Потом так же решительно отодвинула запасной чугунок. Ей вполне хватит и одного. Лишнюю кружку. Запасные портянки, которые каким-то чудом затесались в эту гору.

Писарь смотрел на это с таким видом, будто она отказывалась от золота.

— Так не положено! — возмутился он. — По списку положено! Я ж отчетность сдавать буду!

Тень подняла на него взгляд. Черные глаза в прорезях маски смотрели спокойно и непроницаемо. Настолько спокойно, что у писаря на затылке зашевелились волосы. Сглотнув, он решил отойти и не мешать. Потом уберет!

Тень кивнула и вернулась к разбору. Серое одеяло она всё же оставила. Оно было тёплым и, в отличие от всего остального, действительно нужным. Котелок, ложка, кружка — без этого никак. И два мешка, набитых соломой. Один станет постелью, второй подушкой.

Она смотрела на эту скромную кучку и чувствовала странное, почти забытое удовлетворение. Минимум. Только то, что действительно нужно. Ничего лишнего, что придется тащить, охранять, о чем беспокоиться.

Палатка... С палаткой она сомневалась дольше всего.

Мысль о том, чтобы спать под открытым небом, у костра, на виду у всех, казалась ей... почти уютной. Странной, но безопасной. Когда ты спишь у костра, вокруг люди. Много людей. Они видят тебя, но они же и охраняют тебя своим присутствием. Любой, кто попытается подобраться, будет замечен. Любой, кто захочет ударить, наткнется на десятки свидетелей.

Так безопаснее. Но уединение...

Она провела рукой по щеке, по тому месту, где ткань маски плотно прилегала к коже. Под ней всё зудело, чесалось, ныло от долгого ношения. Маску она носила, прячась совсем не от Фернуха. Он итак знал ее в лицо. А вот заказчики, случайные свидетели, те, кто мог бы заметить её в городе и продать информацию любому, кто заплатит. Вот от кого маска защищала. Но носить её круглые сутки, не снимая даже во сне... Даже если очень захочется умыться, сделать это можно будет только быстрым движением, на публике, рискуя, что край маски соскользнет в самый неподходящий момент.

А в палатке, в собственной маленькой палатке, можно хотя бы на ночь, хотя бы на несколько часов снять её. Умыться из фляги. Дать коже отдохнуть. Переодеться без чужих глаз.

Дилемма. Безопасность против свободы.

Палатка победила.

Только потому, что она слишком устала вечно прятаться и беспокоиться. Слишком устала чувствовать себя загнанным зверем, у которого нет своей норы. Здесь, в лагере, среди этих странных людей, которые смотрели на неё с любопытством, но без враждебности, она могла позволить себе эту маленькую роскошь.

Она подхватила оставшиеся вещи. Мешок с соломой под мышку, палатку скаткой закинула на плечо, котелок с кружкой и ложкой взяла в другую руку, одеяло — сверху. Получилось неудобно, громоздко, но терпимо.

Писарь смотрел на неё с выражением глубокого недоумения, смешанного с уважением. Очередь за его спиной гудела, обсуждая странную бабу в маске, которая отказалась от половины положенного добра.

— Чудная какая-то, — донеслось до неё.

Тень двинулась в обратный путь, лавируя между палатками с непривычным грузом. Идти пришлось медленно, то и дело перехватывая сползающий мешок. Взглядов стало ещё больше. Теперь уже открыто пялились, не скрываясь. Кто-то показывал пальцем, кто-то перешептывался, кто-то просто провожал глазами. Любопытство — вот чем пахло вокруг. Густое, пристальное, немного настороженное. До дружелюбия было ещё далеко.

Тень шла и чувствовала, как под маской пылают щеки. Она не знала, как на это реагировать. Её не учили быть на виду. Её учили быть тенью.

— Гляди, сама тащит, — услышала она за спиной. — А могла бы кого попросить.

— Так не просит же. Гордая.

— Не гордая, а умная. Самой своё добро носить надежнее.

Тень усмехнулась про себя. Умная. Если бы они знали, как глупо она себя чувствует, спотыкаясь на каждом шагу с этой проклятой палаткой.

«Гораздо спокойнее я бы чувствовала себя, приходя сюда только для заданий», — пронеслось в голове. «Сделала дело, и в тень. Никто не видит, никто не помнит, никто не провожает взглядами».

Но это было до того, как она взорвала склад. До того, как принесла голову Фрална. До того, как генерал предложил ей контракт.

«Если Фралн знал про меня, то знает и Фернух», — мысль эта, всё время сидевшая занозой в мозгу, снова кольнула острой болью. «Догадался, когда я подорвала штаб. Наверняка догадался. А значит...»

Значит, дом за водопадом больше не будет убежищем, если она станет возвращаться из лагеря каждый раз после задания. Она думала об этом, когда решила принять предложение Глортейна.

Убить её здесь, на глазах у сотен людей, будет хлопотно, рискованно, глупо. Даже мекеши Фернуха не сунутся в военный лагерь именно за ней. С одним она сможет справиться. Двум даст бой, а на звуки драки неизменно сбегутся другие солдаты. И вот тут уже возьмут мекешей числом. Поэтому Фернух не рискнет посылать сюда людей в открытую. А вот наедине, в их с Йэфой домике...

Она представила себе эту картину: тихий вечер, шум водопада, Налла, спящая в кровати, и тени, скользящие к двери. Беззвучные. Смертоносные. И никого рядом, кто мог бы помочь.

По спине пробежал холодок.

Нет, они все верно решили. Йэфа молодец. Йэфа выживет где угодно. Тень отдала ей все деньги, что были. Йэфа снимет в столице комнату, назовется вдовой военного с двумя детьми. Таких вдов пруд пруди. Никто не обратит внимания. Никто не заподозрит. Про Йэфу Фернух не знает, это точно. Как выглядит Налла тоже. Они в безопасности. Ровно до того момента, пока Тень не начнет их навещать!

«Никого не интересует вдова с двумя детьми», — успокаивала она себя. «Обычная женщина, обычные дети, обычная жизнь. Фернуху нет до них дела».

Деньги Тень будет передавать через мертвый ящик. Один из тех, что она оборудовала по всему городу за этот год. Надежно. Безопасно. Йэфа умная, она справится.

Приказ Йэфы заработать деньги для Яна будет работать пару месяцев. А потом она навестит их, осторожно, и получит от Йэфы новый. Нужно только придумать, какой, чтобы работал дольше, чтобы не мотаться к ним каждую неделю.. Нет, так дело не пойдет. Нужно попробовать окончательно снять рабское заклятие Фернуха, а не перекидывать его на нового хозяина.

Место под старой сосной, которое она присмотрела, всё ещё пустовало. Не слишком близко к кострам, но и не в полном отрыве от лагеря. Рядом стояло ещё несколько палаток,

метрах в двадцати. Достаточно далеко, чтобы не слышать чужого храпа, но достаточно близко, чтобы в случае чего посторонние звуки из ее палатки смогли бы услышать.

Тень сбросила ношу на траву, огляделась. Хорошее место. И принялась ставить палатку.
* * *

Тень стояла над грудой брезента, колышков и веревок и чувствовала себя полной идиоткой.

Она брала штурмом вражеские штабы. Она взрывала склады с боеприпасами. Она убивала самых опасных мекешей Фернуха. Она могла пройти сквозь любую охрану, вскрыть любой замок, раствориться в любой тени.

Но эта... эта проклятая палатка!

Она уже десять минут крутила в руках деревянный колышек, пытаясь сообразить, с какой стороны к нему подступиться. В теории все было просто: натянуть брезент, вбить колья, закрепить веревки. Она видела эти конструкции сотни раз, пока наблюдала за лагерем со стороны. Генеральский шатер она изучила до последней складки, пока ждала в тени.

«Я справлюсь», — убежденно сказала она себе. — «Я видела, как это делается. Просто повторю».

Первая попытка закончилась тем, что брезент, который она пыталась накинуть на центральный шест, сполз ей на голову и накрыл с головой, как гигантский саван. Она выпуталась, чувствуя, как под маской заливаются краской щеки. Хорошо, что никто не видит.

Оглянулась. Никто не видел? Ха! Из соседних палаток высунулось уже минимум пять любопытных физиономий. Солдаты, чистившие амуницию у костра в двадцати шагах, откровенно пялились, позабыв о своем занятии.

Тень отвернулась и сделала вид, что ничего не произошло.

Вторая попытка. Она решила начать с колышков. Вбила один. Потом второй. Потом третий. Натянула веревки. Получилась какая-то кривая, перекошенная конструкция, отдаленно напоминающая паучьи сети. Когда она попыталась накинуть сверху брезент, вся эта паутина жалобно скрипнула и рухнула, намотавшись ей на ноги.

Третья попытка. Четвертая. Пятая.

С каждым разом палатка падала все быстрее и с каким-то издевательским, насмешливым шелестом. Брезент норовил выскользнуть из рук, веревки путались в ногах, колышки упорно не желали входить в землю под правильным углом.

А солдаты ржали.

Тень слышала этот смех, приглушенный, но оттого не менее обидный. Кто-то уже не скрывался, а откровенно показывал пальцем. Кто-то вытирал слезы, утираясь рукавом. Кто-то даже захлопал, когда палатка в шестой раз накрыла ее с головой, и она замерла под брезентом, сжимая в руке бесполезный колышек и мысленно проклиная всех драконьих богов сразу.

«Ненавижу», — подумала она с холодной, кристально чистой яростью. — Ненавижу эту палатку. Ненавижу эти колышки. Ненавижу этот лагерь. Ненавижу генерала с его контрактом».

— Эй, Тень! — донеслось откуда-то сбоку сквозь гогот. — Может, тебе лучше в штабе ночевать? У генерала под бочком, у него там тепло!

Новый взрыв хохота.

Тень вылезла из-под брезента, отряхнулась и с достоинством, насколько это было возможно в ее положении, водрузила сползшую набок маску на место. Внутри все кипело, но она заставила себя дышать ровно.

«Я не буду на них смотреть. Я не буду на них смотреть. Я просто... просто сделаю это еще раз».

Она решительно шагнула к грудке брезента, намереваясь начать седьмую попытку, как вдруг краем глаза заметила движение.

Двое солдат отделились от группы зрителей и направились к ней.

Тень мгновенно напряглась, рука скользнула к поясу, где висел кинжал. Но солдаты шли открыто, с пустыми руками, и на их лицах не было угрозы. Только та же смесь любопытства и... насмешливого сочувствия.

Первый был молодой, с рыжими вихрами и конопатым лицом. Тот самый, что уронил себе на ногу ящик при встрече. Второй был постарше, с окладистой бородой и хитрым прищуром. Они остановились в пяти шагах, не подходя ближе.

— Слышь, — начал рыжий, почесывая затылок. — Ты это... мы тут посмотрели. Ты, видать, ни разу палатку не ставила?

Тень смотрела на них в упор. Черные глаза в прорезях маски не выражали ровным счетом ничего.

— Мы помочь хотим, — добавил бородатый миролюбиво. — Ежели не прогонишь. А то до утра провозишься, а там, глядишь, и спать некогда будет.

Рыжий согласно закивал.

Тень смотрела на них еще несколько секунд, взвешивая. Потом медленно, очень медленно, ее рука отлипла от пояса и сделала короткий жест: «Учите».

Солдаты переглянулись.

— Чего это она? — не понял рыжий.

— А, это она руками, — догадался бородатый. — Немая, что ли?

Тень кивнула. Один раз. Коротко.

Бородатый присвистнул.

— Ну дела... Ладно, гляди сюда.

Он подошел к груде брезента, поднял центральный шест и ловко, одним движением, воткнул его в землю. Рыжий подскочил помогать, и через минуту перед изумленной Тенью стоял остов будущей палатки. Они объясняли, как ставить шест, под каким углом вогнать колышек, как натянуть брезент.

А потом отступили, любуясь результатом.

Палатка стояла. Ровная, аккуратная, почти красивая.

Тень смотрела на нее и чувствовала, как внутри, там, где только что клокотала ярость, разливается что-то очень похожее на благодарность.

Она перевела взгляд на солдат. Те стояли, переминаясь с ноги на ногу, явно не зная, что делать дальше. Рыжий смущенно тербил край рубахи, бородатый почесывал бороду.

— Ну... — протянул он. — В общем, как-то так. Если чего — зови. Мы тут рядом, вон в тех палатках.

Тень смотрела на них. Потом ее рука скользнула под одежду, достала стопку листов. Перебрала. Нашла нужный. Протянула бородатому.

Тот взял, повертел в руках, поднес к глазам. Прочел вслух, по слогам:

— «Спа...си...бо».

Рыжий, заглядывавший через плечо, заулыбался во весь рот.

— Ага! А говорили, она злая. А она ничего, нормальная. Только немая.

Тень чуть склонила голову. Жест, который можно было истолковать как угодно. Но в черных глазах, видимых в прорезях маски, мелькнуло что-то, очень похожее на теплоту.

Солдаты, поняв, что аудиенция окончена, переглянулись и зашагали назад, к своим палаткам, переговариваясь вполголоса:

— ...нормальная баба, в общем-то...

— ...палатку ставить не умеет, а туда же, в шпионки...

— ...ничего, научится. Не такому учили...

Тень осталась одна.

Она обошла палатку кругом, потрогала натянутые веревки, подергала колышки. Все держалось крепко. Внутри было пусто, пахло свежим брезентом и землей, но это было ЕЕ пространство. Маленькое, тесное, но ЕЕ.

Она заползла внутрь, расстелила мешок с соломой, бросила сверху одеяло. Устроившись, она замерла, прислушиваясь к звукам снаружи. Она позволит себе эту короткую передышку. Совсем немного.

* * *

Тень обходила лагерь не спеша, делая вид, что просто прогуливается. В одной руке она держала выдавший виды холщовый мешок, каких у каждого солдата по два-три. Внутри лежали камни. Обычные с виду небольшие камешки, каких полно на любой дороге. Никто не обратил бы на них внимания, даже если бы Тень высыпала их прямо на виду у всех.

Но камни были не простые.

Она потратила два месяца, чтобы научиться делать эти маячки. Маленькие магические ловушки, которые не отследить обычным поиском. Они не светились, не фонили, не привлекали внимания. Просто лежали себе под кустом, у палатки, у входа в штабную зону, и ждали.

«Если кто-то чужой пересечет круг, звон поднимет из могилы мертвецов», — подумала она с мрачным удовлетворением.

Круг замыкался сам на себя. Четыре камня по периметру, пятый в центре. Тот, кто знал схему, мог пройти невредимым. Тот, кто не знал, поднимал такой шум, что сбегалась вся стража. Проверено. Не раз.

Она шла мимо артиллерийского парка и замедлила шаг.

Пушки не стояли ровными рядами, накрытые брезентом. Они располагались друг от друга на приличном расстоянии. Как и пирамиды ядер, бочки с порохом, ящики с зарядами, образуя множество небольших складов. И охрана. Много охраны. Не те двое сонных часовых, что были у ахнастанцев, а целый отряд, человек двадцать, с магами в придачу.

Тень остановилась, делая вид, что поправляет обмотку на ноге, и прислушалась. Нюх работал на пределе, раскладывая запахи на составляющие. Стража, лошади, порох, масло, и... магия. Сильная, ровная, пульсирующая где-то в центре парка. Сигнальный контур. Если его пересечь, не зная пароля, сработает боевое заклинание.

«Не глуп», — подумала Тень с чем-то вроде уважения.

Она продолжила путь, отмечая про себя каждую деталь. Лагерь был разбит по всем правилам военной науки. Палатки стояли плотными рядами, между ними были широкие проходы для быстрого перемещения войск. Коновязи — с краю, чтобы в случае тревоги не создавать давки. Кухни — в центре, чтобы всем было одинаково далеко и одинаково близко.

И припасы.

Она насчитала пять разных складов, разбросанных по лагерю. Продовольствие отдельно, боеприпасы отдельно, фураж отдельно, медикаменты отдельно, оружие вообще в другом конце. И все раздроблено на еще несколько мелких точек, так же находящихся на приличном друг от друга расстоянии. Даже если диверсантам удастся поджечь один, остальные уцелеют.

«Надо же», — усмехнулась она про себя.

Она вспомнила тот хаос, который царил в лагере Ахнастана. Безалаберность, дыры в охране, сонные часовые. Здесь все было иначе. Глортейн явно делал выводы и учился не только на собственных ошибках. И не только из ее собственной диверсии, но и из того, что ахнастанцы теперь тоже могли попытаться проверить нечто подобное.

«Они и попробуют», — подумала Тень, и интуиция, что спасала ей жизнь дюжину раз, завопила ледяным колоколом.

Она знала это наверняка. Не логикой, не расчетом, а тем звериным чутьем, которое остается у тех, кто слишком долго выживал в аду. Ахнастанцы учли опыт. Они поняли, что один человек может изменить ход кампании. И теперь, когда к ним пришло подкрепление, когда они

получили новые пушки и свежие полки, у них появилась передышка. Впервые за две недели они могли остановиться, перевести дух и... подумать.

А думать они будут о том, как нанести ответный удар.

Тень обошла лагерь по периметру, оставляя маячки в стратегических точках. У каждого входа в штабную зону. У артиллерийского парка. У склада с продовольствием. У коновязей, на тот случай, если диверсанты решат перерезать лошадей. У палаток полевых врачей, где лежали раненые.

Круг замыкался. Сеть была готова.

Защиту на штабной палатке она поставила еще с утра, пока Калаэн был на совещании с офицерами. Маленький амулет, спрятанный под откидной полог, создавал невидимый купол, способный выдержать прямой магический удар средней силы. На большее у нее просто не хватило бы резерва. Но если враг пошлет мага-боевика, удар будет отражен, а она успеет убежать.

Она уже знала, что в таких случаях надо бежать, не думая о собственной безопасности. Потому что без генерала армия превратится в стадо. А стадо перебьют.

Тень шла по лагерю, и вдруг внутренности ее неприятно кольнуло.

Перевертыши.

Она узнала их сразу, хотя внешне они ничем не отличались от обычных людей. Оборотни, как называли их в народе. Те, кто мог обращаться в животных. К которым принадлежала и она сама. Только ее волчица, стараниями Фернуха, умерла, даже не успев пробудиться.

Их было трое. Двое мужчин и одна женщина. Они сидели у костра, негромко переговариваясь, и Тень, проходя мимо, уловила тот особенный, едва уловимый запах, который отличал перевертышей от обычных людей. Запах зверя, живущего внутри.

Она отвела взгляд, сделала вид, что не заметила, но внутри неприятно кольнуло. Зависть? Горечь? Она не знала. Только чувство было мерзким, липким, от которого хотелось отмахнуться, но не получалось.

Они могли обращаться. Могли чувствовать мир не только человеческими чувствами, но и звериными. Ее мать могла бежать быстрее ветра, видеть в темноте, слышать за версту. А она нет. Она человек. Без когтей, без той дикой, пьянящей свободы, которую давала трансформация.

«Не думай об этом», — приказала она себе. «Не сейчас. Не здесь»

Она прошла мимо, стараясь не смотреть в их сторону. Они проводили ее взглядами — она чувствовала, — но не окликнули. Просто смотрели, как смотрели все сегодня. С любопытством. С настороженностью. С чем-то похожим на уважение.

Тень вернулась к своей палатке, когда солнце уже касалось горизонта.

Маленькая, серая, неприметная, стояла она на выбранном ею месте. Не слишком близко к кострам, но и не в полном отрыве. Рядом, метрах в двадцати, расположились еще три такие же, и оттуда доносились голоса и смех. Хорошо. Значит, не одна. Значит, если что, услышат.

Она присела на корточки у входа и разложила оставшиеся камни по кругу. Пять штук, чуть присыпанных землей, почти незаметных. Потом она напустила дымку.

Маленькое заклинание, которому научил ее один старый маг в городе, когда она выполняла для него заказ. Дымка скрадывала очертания. Делала так, что со стороны казалось, будто в палатке никого нет. Или есть, но не разглядеть. Или что угодно, лишь бы отвести глаза.

Закончив, Тень заползла внутрь.

В палатке было тесно, но чисто. Она села, прислонившись спиной к центральному колышку, и замерла на мгновение, прислушиваясь к себе. Лагерь гудел за тонкой тканью. Голоса, смех, лязг котелков, ржание лошадей, переключки часовых. Жизнь. Обычная, простая, человеческая жизнь, в которую она теперь была вписана по контракту.

Странно. Непривычно. Но... почему-то тепло.

Она подняла руки к голове. Пальцы нащупали узел, стягивающий маску на затылке. Одно движение — и ткань соскользнула, открывая лицо.

Тень зажмурилась от ощущения. Воздух коснулся щек, губ, подбородка. Легкий, прохладный, пахнувший брезентом и вечерней сыростью. Она провела рукой по лицу, разминая затекшие мышцы, потерла переносицу, помассировала виски.

Кожа зудела, чесалась. Она достала флягу, открутила крышку, налила немного воды в ладонь и принялась умываться, осторожно, стараясь не шуметь. Вода была холодной, почти ледяной, но это было хорошо. Это прогоняло остатки дневной усталости.

Она умылась, вытерлась краем одеяла, отпила глоток из фляги и, наконец, позволила себе лечь.

Соломенный тюфяк пах пылью и сухой травой. Одеяло — конюшней и дымом. Привычные запахи. Не хуже и не лучше, чем те, к которым она привыкла за годы школы.

Тень лежала на спине, глядя в брезентовый потолок, и слушала, как затихает лагерь. Крики становились тише, смех реже, костры гасли один за другим. Где-то далеко прокричала ночная птица. Где-то рядом захрапел сосед по импровизированному кварталу.

Она закрыла глаза.

Три часа. Максимум четыре, если повезет. За это время нужно выспаться, восстановиться, набраться сил. Потому что ночью, если ее интуиция права, начнется самое интересное.

Маячки за пределами палатки чуть заметно пульсировали магией, невидимой для посторонних. Дымка над входом колыхалась, скрадывая очертания. Тишина окутала маленькую серую палатку, затерянную среди сотен таких же.

Тень спала.

И во сне ей снилась Налла. Как они с Яном возятся на медвежьей шкуре, хохочут, тянут друг друга за волосы. И Йэфа, сидящая у окна с вязаньем в руках, улыбается и напевает ту самую песенку про красивого парня, полюбившего девчонку.

Тень улыбнулась во сне. Впервые за много лет.

А маячки ждали. И если бы кто-то чужой ступил в круг, они бы запели так, что проснулась бы не только Тень, но и вся ближайшая округа.

Но ночь была тиха.

Пока.

Глава 10. Пульс

Пронзительный, немыслимый звук ворвался в сон, как раскалённая игла в мозг.

Калаэн подскочил на походной койке, не успев даже открыть глаза. Руки сами собой взлетели к ушам, пытаясь заблокировать эту адову трель, но она проникала сквозь ладони, сквозь череп, сквозь каждую клетку тела, заставляя зубы вибрировать в такт невыносимой частоте.

— Да что ж ты... — прохрипел он, сбрасывая одеяло.

Мысли путались, единственным желанием было, чтобы эта пытка прекратилась. Пересилив себя, он рывком сел, нашарил в темноте штаны, натянул их, пытаясь в штанинах, и вывалился из шатра.

Ночной воздух ударил в лицо свежестью, но не принёс облегчения. Звук, казалось, шёл отовсюду и ниоткуда одновременно. Он заполнил собой весь лагерь, отражался от палаток, метался между костров, закладывал уши так, что хотелось выть.

Лагерь не спал.

Вокруг творилось настоящее столпотворение. Солдаты, позабыв о субординации, метались между палатками, сталкиваясь друг с другом и оглашая окрестности бранью, которая тонула в ледяном всепроникающем писке. Лошади на импровизированном коновязи вставляли на дыбы, дико ржали и били копытами, тщетно пытаясь порвать путы. Конюхи, тоже дезориентированные, не могли их успокоить. Несколько магов из боевого охранения стояли на коленях, пытаясь сотворить хоть какое-то заглушающее заклинание, но у них ничего не выходило.

— Отставить панику! — заорал Калаэн, но голос его потонул в общем хаосе.

Никто не слышал. Никто не мог слышать.

А звук, казалось, не причинял вреда. Не было боли, кроме той, что от самого звука. Солдаты не падали замертво, не корчились в судорогах. Они просто сходили с ума от этого всепроникающего, раздражающего уши визга.

Калаэн заставил себя мыслить. Что это? Атака? Магическое оружие? Но почему тогда никто не умирает? Он опустил руки и, преодолевая желание снова зажать уши, попытался сконцентрироваться. Звук не был однородным. В нём чувствовалась пульсация, ритм.

— Тревога! — заорал кто-то. — К оружию!

Но Калаэн лишь досадливо поморщился. Какое там «к оружию», если солдаты сейчас больше похожи на муравьев, в чей муравейник плюнули кислотой. Этот писк не убивал, не ранил, он просто сводил с ума, лишая способности мыслить.

Сигнал.

Мысль пришла внезапно, как озарение. Это не оружие. Сигнал тревоги, только невероятной, чудовищной силы. И если это так, если это магия, которая бьёт по огромному лагерю, поднимая всех, то...

— Тень! — выдохнул он.

Он не знал, откуда взялась эта уверенность. Просто понял. Это могла сделать только она. Это её рук дело.

Мысль додумать он не успел.

— Ваша светлость! — Микаэль, запыхавшийся, с перекошенным от напряжения лицом, врезался в него плечом, хватая за рукав. — Там! У складов! Нужно...

Калаэн рванул за ним, не дослушивая.

Они бежали между палатками, перепрыгивая через брошенные вещи, расталкивая мечущихся солдат. Адов писк постепенно стихал, затухал, превращаясь в тонкий, затихающий вой, и наконец смолк совсем, оставив после себя звенящую тишину, в которой уши, казалось, продолжали слышать этот проклятый звук.

Перед складом оружия горели факелы. Их свет выхватывал из темноты странную картину. Зрелище открылось такое, что даже сквозь адскую трель Калаэн почувствовал, как внутри закипает мрачное удовлетворение.

Возле одного из разрозненных складов с оружием, рассредоточенных по его приказу, копошились его солдаты. Не дезориентированные, не паникующие. Деловито копошились, как муравьи, нашедшие жирную гусеницу. Они связывали двух человек в темной, не армейской одежде. Ахнастанцев. Те были без сознания, головы безвольно мотались, руки и ноги обмякли, и солдаты ворочали их, как куль с мукой.

— Что тут? — Калаэн подскочил к ним, оттесняя солдат плечом.

— Ваша светлость, — заговорил сразу кто-то из них, молодой капрал с трясущейся губой. — Мы... мы караул держали. И тут этот... шум! Уши заложило так, что свет не мил. А эти... — он ткнул пальцем в распростертые тела. — Эти, значит, из темноты выскочили, прямо на нас. И как завизжат! То есть, не они, а вообще... Но они как закрутятся на месте, как задергаются! Мы и понять ничего не успели, а они уже корчатся, воют не своим голосом и... и затихли. Мы их, пока они в отключке были, и повязали.

— А шум? — Калаэн обвел взглядом солдат. — Откуда шум?

— Не знаем, ваша светлость, — капрал развел руками. — Как из ниоткуда. Со всех сторон сразу. Думали, конец света.

Микаэль уже склонился над ахнастанцами, проверил пульс, оттянул веко.

— Живы, — доложил он. — Без сознания. Похоже на магический удар, но... очень странный. Не смертельный. Просто вырубил.

Калаэн резко выпрямился.

— Другие склады! — рявкнул он. — Проверить немедленно!

Проверка не заняла много времени. Весь лагерь уже был на ногах, и вести разлетались быстрее ветра.

У склада с медикаментами нашли еще двоих в темной одежде, с тем же выражением застывшего на лицах ужаса, без сознания. Солдаты, державшие там караул, докладывали то же самое: дикий, невыносимый звук, появление чужаков, их конвульсии и падение.

У продовольственных запасов — трое. У коновязей — двое, но эти успели перерезать горло одной лошади, прежде чем звук достиг их. Конюх, который это видел, сидел тут же, белый как мел, и его трясло так, что зуб на зуб не попадал.

— Я... я ничего не мог сделать, — бормотал он. — Лошади взбесились, эти двое выскочили, я и дернуться не успел, а тут этот звук... Они как заверещат, да как начнут корчиться...

— Ваша светлость! — к нему подскочил капитан Свенд, запыхавшийся, но с горящими глазами. — Ваша светлость, мы их повязали! Всех! Всего одиннадцать человек. Судя по всему намеревались оставить нас вообще без всего! Пронесло! Чудом!

Калаэн усмехнулся, смотря на эту картину, и чувствовал, как внутри разливается странное, почти забытое чувство. Он знал, как выглядело это чудо. Оставался только вопрос, как она это сделала.

— А Тень? — спросил он у Микаэля, который стоял рядом, пытаясь отдышаться после беготни по лагерю. — Ее видели?

Микаэль покачал головой.

— Никто не видел, ваша светлость. Спросил у тех, кто был рядом с ее палаткой. Говорят, когда шум начался, они выскочили, а у нее тихо было. Темно. Может, спит еще? Хотя, при таком то звуке...

Калаэн усмехнулся. Спит. Да она, скорее всего, и не ложилась. Или проснулась за мгновение до того, как сработала ее ловушка. И сейчас, пока они тут мечутся, наблюдает из темноты, проверяя, все ли враги повязаны, не ушел ли кто.

Он не ошибся в ней. Она стояла каждого затраченного на нее рудела.

— Ахнастанцев под стражу, — приказал он, возвращаясь к командному тону. — В отдельную палатку, под магический замок. И мага к ним, пусть проверит, не наложено ли на них что. Утром допросим. Я хочу знать всё. Кто послал, сколько их, какие следующие цели.

— Есть! — гаркнул Свенд и рванул к подчиненным, раздавая указания.

Калаэн еще раз окинул взглядом место у склада, где только что лежали связанные диверсанты. Солдаты уже уводили их, поддерживая под руки, потому что очнувшиеся ахнастанцы еле держались на ногах и мычали что-то нечленораздельное.

— Ваша светлость, — капрал, тот самый, с трясущейся губой, подошел ближе, понизил голос. — Это... это она сделала, да? Тень наша?

Калаэн посмотрел на него. В глазах молодого солдата читалось нечто среднее между благоговейным ужасом и обожанием.

— Не твоего ума дело, — ответил он коротко. — Свободен.

Капрал козырнул и исчез, но по тому, как зашептались вокруг, Калаэн понял: легенда о Тени обрастает новыми подробностями. И это было хорошо. Пусть знают, что у них есть защита, от которой враг корчится в судорогах, едва сунув нос.

Он повернулся и зашагал к штабному шатру. Спать уже не хотелось. Адреналин гулял в крови, требуя действий. Но он знал: сейчас главное — дать лагерю успокоиться. И дожидаться утра. А утром... нужно будет подумать о том, как организовать наступление.

Лагерь постепенно приходил в себя. Замелькали фонари, зазвучали голоса, уже не панические, а деловые. Кто-то бросился успокаивать лошадей, кто-то пересчитывал людей, кто-то просто стоял и тряс головой, прогоняя звон. Солдаты, все еще взбудораженные, расходились по палаткам, переговариваясь вполголоса. Где-то заплакал ребенок — маркитантка, кажется, приехавшая с мужем, успокаивала дитя, разбуженное этим адским шумом.

Он прошел мимо ее палатки. Темной, тихой, неприметной. Ни огонька, ни звука. Но он знал: она там. Или где-то рядом.

Калаэн усмехнулся и зашагал дальше.

Дракон внутри довольно урчал. У них был не просто союзник. У них было чудовище. Свое. Ручное. Которое охраняло их сон, пока они не могли охранять его сами.

Калаэн сделал три шага по направлению к своему шатру, когда тишину, только-только установившуюся над лагерем, разорвал знакомый, леденящий душу звук.

Треск боевого заклинания.

Он узнал бы его из тысячи. Резкий, вибрирующий вой чистой магии, рвущей воздух. За ним следом раздался глухой удар, от которого земля дрогнула под ногами, и следом то, от чего у Калаэна внутри все оборвалось.

Звук стали.

Короткий, злой, металлический лязг клинков, столкнувшихся в смертельном танце.

Он рванул туда, даже не успев подумать. Ноги сами понесли его между палатками, среза углы, перепрыгивая через растяжки. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая крики, которые уже начинали раздаваться со всех сторон.

Рядом, тяжело дыша, бежали солдаты из ближайших палаток. Кто-то сжимал в руках штык, кто-то на бегу выхватывал саблю. Лагерь снова оживал, но теперь в этом пробуждении не было паники — была ярость.

Калаэн вылетел на открытое пространство перед своим шатром и замер.

Шатра не было.

Вернее, был. Но только то, что от него осталось.

Брезент, некогда натянутый на крепкий каркас, теперь лежал на земле изорванными лохмотьями, которые еще дымились по краям. Опорные шесты, расщепленные в щепки, валялись вперемешку с его вещами, картами, документами. Все, что составляло его штаб, его командный

центр, его дом на этой войне, превратилось в груды обломков, над которой еще висел едкий дымок магического ожога.

Но Калаэн смотрел не на это.

Он смотрел на Тень.

Она стояла в центре этого пепелища, широко расставив ноги, и тяжело дышала. В руках ее была сабля. Не ее обычное оружие, Калаэн никогда не видел у нее сабли. Длинный, чуть изогнутый клинок, в свете подбегающих факелов казавшийся багровым. На лезвии, от рукояти до самого острия, тянулась темная, влажная полоса.

Кровь. Не ее.

В стороне, у кромки леса, колыхнулась листва. Одна ветка, другая. Кто-то уходил, быстро, но не бегом, а крадучись, по-звериному, используя каждую тень.

— За ним! — рявкнул Калаэн, и двое солдат, самые молодые и резвые, рванули было к лесу.

Тень мотнула головой. Резко, почти агрессивно. Отрицательно.

И указала на себя.

Калаэн понял. Мекеш. Не простой диверсант, каких они только что ловили у складов, а настоящий, обученный убийца из школы Фернуха.

— Отставить! — гаркнул он солдатам.

Калаэн шагнул ближе, перешагивая через обломки своего шатра, через разорванные карты, по которым еще вчера планировал наступление. Подошел к ней вплотную, на расстояние вытянутой руки, и только сейчас, в неверном свете догорающих искр магии, увидел, что ее рукав был разрезан. Неглубокая царапина тянулась от локтя почти до запястья, и кровь — ее кровь — текла по руке, капала на землю, смешиваясь с той, что была на сабле.

— Что он хотел? — спросил Калаэн, и голос его прозвучал хрипло, незнакомо.

Тень подняла на него взгляд. Черные глаза в прорезях маски смотрели спокойно, но в глубине их, он готов был поклясться, все еще полыхала ярость недавней схватки.

Медленно, очень медленно, чтобы он понял, она подняла руку. Указала на него. Потом, не сводя с него взгляда, провела пальцем по горлу.

Коротко. Четко. Не оставляя сомнений.

Убить.

Калаэн выдохнул. Только сейчас понял, что все это время не дышал. Заказ на его голову. Фернух решил убрать проблему радикально. И послал мекеша.

— Почему не пустила в погоню? — спросил Калаэн, хотя уже знал ответ.

Тень медленно повернула голову и посмотрела на него. В этих черных глазах, видимых сквозь прорези маски, не было ни злости, ни укора. Только усталость. И легкое, едва уловимое... превосходство?

Она повела плечом. Это был жест, который он уже начал узнавать. Короткий, почти небрежный. А потом ее рука, все еще сжимавшая чужую саблю, сделала плавное движение. Она указала острием в сторону леса, куда ушел мекеш, потом перевела клинок на толпу солдат, сбегавшихся к месту схватки, и, наконец, ткнула им в грудь Калаэна.

Не касаясь. Просто указала.

Вопросительно изогнутая бровь под маской была бы сейчас красноречивее любых записок, но даже без нее Калаэн понял все.

«Ты серьезно?» — говорил весь ее вид. — «Послать обычных солдат против мекеша? Ночью? В лес? Чтобы он перерезал их по одному, как цыплят, и скрылся, даже не запыхавшись?»

Она даже не усмехнулась. Она просто стояла и смотрела на него, и в этом взгляде читалось такое неподдельное, почти снисходительное удивление его недалекостью, что Калаэну вдруг стало... неловко.

Он почувствовал себя мальчишкой, который ляпнул глупость при старших. Идиотом, которого только что мягко, но очень убедительно ткнули носом в его же ошибку.

Он понимал. Только что, в двух шагах от его шатра, эта женщина одна, без чужой помощи, встретила профессионального убийцу. Встретила, приняла бой, ранила его и заставила бежать. Обычные солдаты, даже самые лучшие, даже десяток против одного, отправились бы сейчас в лес на верную смерть. Мекеш прошел бы сквозь них, как нож сквозь масло, оставив за собой лишь окровавленные тела.

Тень смотрела на него. Сквозь прорези маски он видел ее глаза, и что в них плясали смешинки. Она определенно наслаждалась моментом. Потом ее плечи дрогнули. Беззвучно. И Калаэн понял: она смеется. Над ним.

Он почувствовал, как краска приливает к лицу.

— Да, идиотский вопрос, — признал он сквозь зубы. — Принимается.

Тень чуть склонила голову набок. Жест, который можно было истолковать как «Ну, хоть это ты понимаешь». Потом она перевела взгляд на свой разрезанный рукав, на кровь, все еще капающую на землю, и, не обращая внимания на рану, двинулась к грудке обломков, которая когда-то была его рабочим столом.

Она присела на корточки, порылась в бумагах, что-то ища. Нашла. Подняла помятый, но целый конверт с королевской печатью. Протянула ему.

Калаэн принял. Тень тем временем подошла к телу, распростертому в тени уцелевшего фрагмента шатра. Калаэн только сейчас заметил его — второго. Тот лежал лицом вниз, в луже быстро темнеющей крови, и не двигался.

Она носком сапога перевернула тело на спину.

Молодой. Совсем молодой парень, почти мальчишка. На вид лет семнадцать, не больше. Обычное лицо, обычная одежда, ничего примечательного. Только руки в мозолях, сбитых костяшках, пальцы, привыкшие сжимать оружие.

Тень смотрела на него долго. Очень долго. Потом медленно перевела взгляд на Калаэна, и в этом взгляде не было ничего. Ни торжества, ни жалости, ни злорадства. Только усталость. Бесконечная, выматывающая усталость человека, который слишком часто видел мертвых мальчишек.

Калаэн шагнул ближе.

— Сколько ему?

Тень пожала плечом. Жест, который мог означать что угодно. «Пятнадцать», «шестнадцать», «не знаю», «какая разница».

Подошли солдаты. Остановились в почтительном отдалении, переглядываясь и не решаясь приблизиться к месту, где только что кипел бой, от которого у них у самих кровь стыла в жилах. Откуда-то сзади вынырнул запыхавшийся Микаэль, за ним — Хагерт с перекошенным лицом.

— Ваша светлость! — выдохнул Хагерт. — Что здесь...

Он осекся, увидев разгром.

— Мекеш, — коротко ответил Калаэн. — Пришел за мной. Тень... перехватила.

Офицеры уставились на Тень с новым выражением. Тем самым, которое Калаэн уже видел сегодня у солдат у складов. Смесь благоговейного ужаса и обожания.

Тень слушала этот разговор, стоя в стороне, и вдруг сделала шаг к телу убитого мальчишки. Присела на корточки рядом с ним. Медленно, очень медленно, протянула руку в перчатке и закрыла ему глаза.

Жест был таким простым, таким человеческим, таким неожиданным для той, кто час назад раскидала одиннадцать диверсантов магической ловушкой, а потом в одиночку сразилась с двумя мекешами, что у Калаэна внутри что-то дрогнуло.

— Вы знали его?

Тень покачала головой. Потом ее пальцы сложились в жест. Калаэн не знал языка жестов, но эту фразу понял и без перевода.

«Не знала. Но знаю, как это — быть им».

Вокруг повисла тишина. Даже подоспевшие офицеры замерли, не решаясь дышать.

Калаэн смотрел на нее. На эту женщину, которая только что спасла ему жизнь, убила мальчишку, которого пожалела, и стояла сейчас перед ним, истекая кровью, но не позволяя себе ни капли слабости.

— Вашу руку, — сказал он тихо. — Нужно перевязать.

Тень посмотрела на свой разрезанный рукав, на кровь, все еще сочащуюся из раны, и, кажется, только сейчас заметила, что ранена. Чуть повела плечом — дескать, ерунда. Но Калаэн уже подзывал жестом подбежавшего лекаря.

— Метт, — приказал он. — Обработайте рану. И проследите, чтобы наша... шпионка... отдохнула.

Тень дернулась было возражать, но Калаэн остановил ее взглядом.

— Это не обсуждается. Вы свое дело сделали. Теперь — лечиться.

Она смотрела на него несколько долгих секунд. Потом медленно, очень медленно кивнула. Один раз. Коротко.

Молодой лекарь уже сутился рядом с походной аптечкой, осторожно отводя ее в сторону, к уцелевшей палатке.

Калаэн остался стоять на пепелище своего штаба. Солдаты уже начали разбирать завалы, собирать уцелевшие бумаги, вытаскивать из-под обломков его вещи. Где-то рядом Хагерт уже отдавал распоряжения о новой штабной палатке.

Но Калаэн смотрел вслед Тени. На ее прямую спину, на замотанную руку, на то, как она, уже отойдя на десяток шагов, вдруг остановилась, обернулась и посмотрела на него. Потом вдруг бросила саблю на землю, перевела взгляд на лес и, он готов был поклясться, снова усмехнулась.

Тень сама не понимала, зачем это делает. Может, угар боя еще не прошел? Может, проклятый адреналин все еще гулял по жилам, требуя выхода, требуя доказательств, что этот ублюдок, уползающий сейчас в лес, получил свое сполна и запомнит эту ночь надолго. А может, просто накрыло той самой, давно похороненной, мальчишеской лихостью, которую Фернух выбивал из них годами. Ту, что заставляла когда-то, в детстве, дразнить старших учеников из-за угла и удирать, хохоча, пока не поймают.

Но ее понесло.

Она вскинула руку. Пальцы сложились в сложный жест, губы под маской беззвучно шевельнулись, выплевывая слова заклинания. Воздух над ее ладонью дрогнул, загустел, и через мгновение в небо ударил слепящий, бело-голубой шар.

Он взмыл высоко, выше самых высоких сосен, и там, в вышине, замер. А потом начал пульсировать. Ритмично, четко, раз за разом посылая в ночное небо вспышки, которые были видны за многие мили вокруг.

Калаэн застыл. Он знал этот код. Знал его, как знают дыхание.

Сорок лет назад, зеленым лейтенантом, только окончившим академию, отец отправил не в кавалерию, не в пехоту, куда рвались все амбициозные юнцы, а в разведку. В самую грязную, опасную и неблагодарную службу, где от тебя требовалось одно: сидеть в кустах, смотреть, слушать и, если повезет, остаться в живых. Там, в лесах, в холоде и голоде, его учили читать эти сигналы. Короткие, рваные ритмы, чтобы передать сообщение напарнику, оставшемуся в засаде, или, наоборот, чтобы отпугнуть врага, обозначить свое присутствие, послать весточку тем, кто умеет его читать.

И сейчас, глядя на этот бешеный, издевательский пульс, он без труда разобрал каждую вспышку. Слова складывались в грубую, солдафонскую, но оттого не менее прекрасную фразу:

«Крег вам в задницу, а не Глортейна!»

Тишина, повисшая над лагерем, стала абсолютной. Даже солдаты, копошившиеся в обломках его шатра, замерли, задрав головы к небу, пытаясь осмыслить увиденное.

Калаэн стоял, не в силах пошевелиться. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что это немыслимо, неслыханно, что Тень только что самым наглым образом, при всей армии, послала вражеского мекеша, уползающего сейчас в лес, по самому короткому и неприличному адресу.

А потом из леса пришел ответ.

Тонкий, чуть заметный огонек взмыл над деревьями. Слабый, едва теплящийся. Видно, сил у уползающего оставалось немного. Он пульсировал неровно, с переборами, но ритм был все тем же. Понятным. Не терпящим двусмысленности.

Одна вспышка. Короткая. Резкая.

Слово, которое знают все. Которое на всех языках звучит одинаково.

«Сука!»

Тень, стоявшая посреди лагеря, сложилась пополам.

Она не издала ни звука, но ее плечи тряслись так, что Калаэн отчетливо видел эту дрожь даже на расстоянии. Она хохотала. Беззвучно, вздохнув, упираясь руками в колени и трясясь всем телом, как от дикой, неконтролируемой икоты. В этом беззвучном смехе не было ничего жуткого или пугающего. В нем было что-то такое... человеческое. Живое. То, что прорвалось сквозь броню выучки и многолетнего выживания.

Она хохотала над уползающим убийцей, над ночным кошмаром, который едва не случился, над собственной глупостью, над этим абсурдным диалогом, повисшим в ночном небе, понятном лишь тем, кто когда-то сидел в таких же засадах и ждал таких же сигналов.

Калаэн смотрел на нее, и вдруг уголки его губ дрогнули. Потом еще раз. А потом он тоже расхохотался.

Громко, в голос, запрокинув голову к звездам. Солдаты, офицеры, Микаэль, Хагерт — все, кто был рядом, смотрели на генерала, который стоял на руинах собственного штаба, среди обломков и запаха гари, и ржал, как ненормальный, утирая выступившие слезы.

Это было безумие. Чистое, абсурдное безумие.

Тень, отсмеявшись, медленно выпрямилась. Вытерла рукой глаза под маской. Калаэн заметил это движение, короткое, почти стыдливое. Потом, не оглядываясь больше, не глядя на него, на толпу, на лес, она молча побрела к своей палатке.

Серая, неприметная фигура, растворяющаяся в предрассветных сумерках. Только что она спасла ему жизнь, убила одного убийцу, прогнала второго и устроила световое представление, которое запомнят все, кто его видел. А теперь просто уходила в свою нору, как напавший, но довольный собой зверек.

Калаэн смотрел ей вслед.

Световой шар в небе погас, оставив после себя только звезды и первую, робкую полосу зари на востоке. Лес молчал. Лагерь за спиной начинал оживать, наполняясь голосами, движением, деловой суетой.

Он проводил ее взглядом до самой палатки. Видел, как она присела на корточки у входа, коснулась рукой земли, проверяя свои маячки. Видел, как нырнула внутрь, и полог за ней опустился, скрыв от чужих глаз.

Дракон внутри урчал, довольно, сыто. Ему, зверю, нравилось все: запах крови, запах победы, запах этой женщины, и даже этот безумный, неприличный жест в ночное небо.

— Ваша светлость, — голос Микаэля выдернул его из оцепенения. — Новая палатка будет готова через час. Бумаги... многие уцелели, их собирают.

Калаэн обернулся к нему. Лицо его уже было спокойным, командным, только в глазах еще плясали остатки недавнего веселья.

— Микаэль. Распорядитесь, чтобы к утру у Тени была новая форма. И рубашки. Несколько. С длинными рукавами. Самые лучшие, какие есть в обозе.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Калаэн усмехнулся. Она, конечно, будет возмущаться. Скажет, что не надо. Что ей хватит и того, что есть. Но он настоит на своем.

В конце концов, она заслужила. И не только новую рубашку.

— Так точно, — Микаэль козырнул, и в его взгляде мелькнуло понимание.

Калаэн еще раз посмотрел на восток, где небо уже наливалось розовым. Потом перевел взгляд на лес, где затаился уползающий мекеш, уносящий с собой ее послание.

«Крег вам в задницу, а не Глортейна».

Он улыбнулся. Широко, открыто, как не улыбался уже много лет.

— Вот именно, — сказал он тихо, обращаясь к лесу, к ночи, к той, что спала сейчас в серой палатке. — Вот именно.

И зашагал к новой штабной палатке, принимать доклады и готовить наступление. Война продолжалась. Но теперь у него было чувство, что они обязательно победят.

**В моей группе в ВК (Писатель Европейцева Александра) есть чат "Обмен рекомендациями книг". В нем участники рассказывают, какие книги других авторов им при-
шлись по вкусу! Присоединяйтесь!**

Глава 11. Небо, принадлежащее им.

Он летел низко, почти касаясь брюхом вершушек сосен.

Крылья работали мощно, размеренно, посылая вниз волны воздуха, от которых лес вскипал зелёной пеной. Калаэн шурился, глядя вперёд, туда, где за очередной грядой холмов шло сражение, которое он сам же и затеял.

План был прост до неприличия. И оттого должен был сработать.

Хагерт с основными силами изображал лобовую атаку на укреплённый лагерь ахнастанцев. Изображал шумно, с пальбой, с криками «ура» и прочей мишурой, призванной убедить врага, что Глортейн решил взять их измором. А сам Калаэн с двумя самыми мобильными отрядами обошёл их с фланга, готовясь ударить в спину, когда те слишком увлекутся отражением «главной» атаки.

Всё шло по плану. Почти.

Проблема была в пушках. Тех самых двенадцати стволах, которые ахнастанцы подтянули пару дней назад. Они стояли на высотах, простреливая всё предполье, и пока Хагерт вёл свою демонстрацию, эти чудовища плевались ядрами и магическими снарядами, выкашивая его людей.

Их нужно было заткнуть.

И Калаэн знал единственный способ сделать это быстро.

Он рванул вверх, набирая высоту, и на мгновение завис над облаками, глядя вниз. Отсюда, с высоты драконьего полёта, поле боя казалось игрушечным. Крошечные фигурки солдат, игрушечные пушки, игрушечные палатки вражеского лагеря. Всё было слишком маленьким, слишком нереальным. Кроме одного.

Кроме запаха гари и страха, который ветер доносил даже сюда.

Он выбрал цель. Крайняя батарея, та, что наносила наибольший урон левому флангу Хагерта. Калаэн сложил крылья и камнем рухнул вниз.

Воздух засвистел в ушах, превращаясь в сплошной вой. Земля неслась навстречу с ужасающей скоростью, и за мгновение до того, как она должна была размазать его по склону холма, он распахнул крылья.

Рывок был такой силы, что, будь он человеком, кости превратились бы в пыль. Но он был драконом. Чудовищная перегрузка лишь разогнала кровь, заставила сердце биться чаще, а в груди, там, где у людей полагалось быть лёгким, вспыхнуло жаркое, нетерпеливое пламя.

Он пронёсся над самой землёй, и его тень, огромная, чудовищная, накрыла сразу всю батарею. Люди внизу замерли, задрав головы. Кто-то побежал, кто-то упал на колени, кто-то попытался навести пушку в небо, но было поздно.

Калаэн выдохнул.

Огненная стена ударила в пороховые заряды, сложенные у лафетов. Взрыв разметал прислугу, опрокинул одно орудие, поджёг лафет другого. Дракон пронёсся дальше, уже набирая высоту для нового захода, и краем глаза увидел, как батарея превращается в пылающий костёр.

Он развернулся, целясь во вторую.

Зенитные маги, очнувшиеся от шока, ударили по нему с земли. Разряды молний, огненные шары, ледяные копыя — всё это вспыхивало вокруг, но Калаэн уворачивался с лёгкостью, которая далась годами тренировок. Он нырял, петлял, уходил в штопор и снова выходил из пике, заставляя магов палить в пустоту.

Второй заход. Третья батарея. Четвёртая.

Он работал, как кузнец по наковальне. Размеренно, точно, безжалостно. Вдох, и стена пламени выжигает позицию. Новый разворот, и следующая батарея захлёбывается в огне. Он

не думал о том, сколько людей горит заживо внизу. Не позволял себе думать. Здесь и сейчас они были не людьми. Они были врагом. Пушками. Целями.

Мысль о том, что среди этих целей могут быть такие же мальчишки, как тот, что лежал у его шатра с закрытыми ею глазами, он гнал прочь.

Когда замолчала последняя пушка, Калаэн вновь взмыл в небо и повис над полем боя, тяжело дыша, чувствуя, как пламя в груди понемногу затухает, сменяясь привычной, выматывающей усталостью.

Внизу творилось то, ради чего он всё это затеял.

Ахнастанцы побежали.

Лишившись артиллерийского прикрытия, деморализованные видом дракона, который только что спалил половину их батареи, они не выдержали. Строй смешался, офицеры потеряли управление, и через несколько минут организованное сопротивление превратилось в паническое бегство.

Хагерт, почуввав удачу, бросил в прорыв кавалерию. Конница врубилась в отступающие толпы, рубя бегущих, загоняя их в болота, не давая опомниться. Крики, ржание, лязг стали, запах крови — всё смешалось в единый, чудовищный хор, который ветер доносил даже до небес.

Калаэн смотрел на это сверху и чувствовал... опустошение.

Он выиграл. Ещё одну битву. Ещё один шаг к победе в войне. Ещё одна гора трупов, на которую он поднимется, чтобы водрузить знамя.

Дракон внутри урчал довольно, сыто. Ему, зверю, нравился запах крови и победы. А человек... человек просто устал.

Он сделал круг над полем, убеждаясь, что враг не собирается перестраиваться для контр-удара. Нет, они бежали. Бежали так быстро, как только могли, бросая оружие, припасы, раненых. Всё, что могло замедлить бегство.

Калаэн поймал восходящий поток и позволил ветру нести себя, глядя, как внизу разворачивается агония вражеской армии. Интересно, был ли где-то там, среди этих бегущих точек, тот самый мекеш, что уполз в лес прошлой ночью? Смотрит ли он сейчас в небо? Видит ли дракона, который только что сжёг их надежды на оборону? Понимает ли, что проиграл?

Калаэн усмехнулся. Вряд ли. Ему сейчас не до неба.

Он развернулся и полетел назад, к своим.

Снижаться прямо на поле боя, среди хаоса преследования, было глупо. Даже для дракона. Свои могли и пальнуть с перепугу. Или враг из тех же зенитных пушек, которые чудом уцелели. Поэтому он выбрал поляну в милях в трех от лагеря, ту самую, где они останавливались на привал пару дней назад.

Приземление вышло жёстким. Когти вспороли дёрн, крылья с шумом сложились за спиной, и Калаэн замер на мгновение, прислушиваясь к себе. Тело гудело от напряжения, мышцы ныли, чешуя на брюхе была горячей, как печка. Но в целом жить можно.

Он огляделся. Поляна была пуста. Только старая, уже пожухлая трава да одинокий куст у края леса.

Калаэн закрыл глаза и позволил трансформации начаться.

Это было не больно. Неприятно, да. Ломота в костях, когда они укорачиваются и меняют форму, чувство потери объёма, когда огромное тело сжимается до человеческих размеров. Но не больно. За годы он привык.

Когда всё кончилось, он стоял на поляне голый, дрожащий от холода и усталости, и чувствовал себя последним идиотом.

Форма. Он опять забыл про форму.

«Бьянка меня убьёт», — подумал он без особого страха. Ему было всё равно. Сейчас он хотел только одного: добраться до лагеря, рухнуть на койку и проспаться хотя бы часов шесть.

Но до лагеря нужно было ещё дойти. Голым. По лесу. Где в любой момент могли шастать свои или, что хуже, чужие.

Калаэн выдохнул, собираясь с мыслями, и уже сделал шаг по направлению к тропинке, как вдруг замер.

Драконья сущность, что спасала ему жизнь в десятках засад, взвыла ледяным колоколом: «Сзади кто-то есть!»

Он рванул, разворачиваясь всем корпусом, рука инстинктивно метнулась к поясу, где обычно висела шпага, но наткнулась лишь на голое бедро. Мышцы напряглись, готовые к прыжку, к атаке, к чему угодно.

И замерли.

В двух шагах от него, прислонившись плечом к стволу старого дуба, стояла Тень.

Тёмная, неподвижная, она, казалось, была частью леса, ещё одной тенью среди теней. Как долго она здесь находилась? Видела ли процесс трансформации? Судя по тому, как спокойно она сложила руки на груди — определённо видела. И определённо с самого начала.

Только сейчас, когда опасность отступила, когда мозг опознал в безмолвной фигуре не врага, а свою... только тогда Калаэн осознал, в каком положении стоит посреди леса.

Голый. Перед женщиной.

Не то, чтобы дамы раньше не видели его без штанов, но любовницы все же не в счет.

Краска ударила в лицо, заливая щёки, шею и, кажется, уши. Он дёрнулся, прикрываясь руками с запоздалой и оттого особенно унижительной поспешностью.

На плече у Тени висел какой-то узел. Она остановилась в пяти шагах, смерила его взглядом с головы до ног... и замерла. Просто смотрела своими черными, бездонными глазами из прорезей маски.

В полной, абсолютной тишине.

Калаэн готов был поклясться, что её плечи дрогнули. Всего раз. Совсем чуть-чуть.

Она смеялась. Беззвучно, как умела только она.

— Вы... — голос его сорвался на хрип. Он прокашлялся и предпринял жалкую попытку сохранить остатки достоинства. — Вы всегда появляетесь, когда вас не ждут?

Тень чуть склонила голову набок. Жест, который он перевел бы как: «А ты ждал, что я постучу?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.